

Колдовские
М И Р Ы

МОНСТР ЖИВЕТ В КАЖДОМ ИЗ НАС

Анна Змеевская
Александра Гринберг

ФЕЯ
И ЛОРД КОШМАРОВ

Annotation

Полуфэйри Мэйр Макинтайр живет в полной гармонии с собой – у нее есть любимое, хоть и кровожадное дерево Неметон, ворчливый кот и уютный дом, а ее знания целителя ценят самые влиятельные люди Империи. Но однажды судьба бросает ей вызов, и новый пациент оказывается большим испытанием, чем она рассчитывала, – тот уверен, что в его разуме поселился монстр, который заставляет его совершать ужасные поступки. Сможет ли Мэйр найти способ излечить его и отказаться от влечения, которое она начинает к нему испытывать?

Менталист Себастьян пытался скрыться от людей, потому что слишком опасен для них. Но вновь попав в человеческое общество, он узнает, что должен справиться с недугом, чтобы занять в этом мире свое законное место. Сумеет ли он обрести целостность и завоевать любовь феи, которая видит в нем лишь пациента?

- История в атмосфере cottage core.
- Героиня, которая принимает свою темную сторону.
- Герой с фетишем на острые ушки.
- Освежающий контраст милоты и кровищи.
- Ворчливый кот, дерево-убийца и прочая очаровательная фауна.

- [Анна Змеевская, Александра Гринберг](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Эпилог](#)
-

Анна Змеевская, Александра Гринберг

Фея и лорд кошмаров

© Гринберг А., Змеевская А., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Если посреди ночи твой амулет связи начинает разговаривать голосом командира спецназовцев – жди беды. Как минимум крайне хлопотного денька. Хуже может быть только гребаный канцлер Дорих, которого никто не придушил лишь потому, что у этого изворотливого гаденыша на каждом шагу имеются глаза и уши.

Вилмар Фалько, он же придворный менталист по прозвищу Шелкопряд, обо всем этом знал не понаслышке: вместо того, чтобы мирно спать в постели в обнимку с женой, он спешно влезал в любимые растоптанные сапоги и напяливал расшитую, мать ее, мантию из тех, за моду на которые пора бы придушить великосветского козла Альфарда Эйтхартена.

– Уилл, ты же ло-орд! – ядовито протянул Вилмар, передразнивая любимого собутыльника лорда-канцлера. – Я уже почти сто лет лорд, хочу махровый халат и на пенсию, а не вот это все.

– Уилл, что такое? – сонно пробормотала Рангрид, нехотя отрывая голову от подушки. Фалько замер, разглядывая жену – все такая же красивая, как и в их первую встречу, что случилась добрых полвека назад.

– Работа, милая. Сама знаешь: чтобы где-то заварушка, да вдруг без нас.

Непослушные мелкие пуговицы ни в какую не хотели пролезать в петли, заставляя степенного лорда на все лады клясть выживших из ума швей вместе с их вдохновителями. Рангрид, глядя на эту неравную борьбу, рассмеялась и поднялась с постели. Глядя на нее, обнаженную, тонкую, с распущенными по плечам черными волосами, Вилмару мигом расхотелось куда-то идти. Как будто посреди ночи не найдется занятий поинтереснее, чем мелкий пакостник Дориан Тангрим и его «неведомая херотень». Конец цитаты, и видимо, начало очередной развеселой ночи.

– Если зовут тебя, а не меня, то заварушка так себе. – Одну за другой Рангрид ловко застегнула все пуговицы, заботливо поправила воротник и провела ладонями по плечам. – Прекрасен, как рассвет. Хоть завтра в канцлеры!

От подобной перспективы Фалько содрогнулся.

– Милая, за что ты со мной так жестока?

– Ладно, иди уже, – смиростивилась дражайшая супруга, – а то я ведь сейчас вспомню, за что и почему. А я досыпать пошла, мне нужно быть в хорошей форме – завтра учения. Буду воспитывать криворуких разгильдяев, которых зачем-то понесло в армию.

Вилмар усмехнулся. Эрмегарские женщины – страшные существа, даже если они родом из Гренвуда, как его жена. Он, член Темного круга и лучший менталист Империи, ни за что не хотел бы завтра оказаться на месте тех, кто рискнет вызвать недовольство у генерала Фалько.

– Если не вернусь – ищи мой труп в Заозерье.

– Вот еще, – Рангрид насмешливо фыркнула, набрасывая на плечи шелковый халат. – Лучше я найду Тангрима и сдам его Киаре на опыты. За то, что лишил меня любимого мужа и оставил безутешной вдовой с четырьмя детьми. Хотя оставшееся после тебя наследство немного примирит меня с трагедией.

– Ты неисправима. – Вилмар все же не удержался и поцеловал жену, сжав ее в объятиях.

И в тот же момент на столе снова завибрировал амулет связи.

– Этот Тангрим – невыносимый маленький поганец, – сердито пробурчала Рангрид, выskalзывая из его рук. – Не семейка, а сплошные паникеры. Старший хотя бы из-за денег трясется, младший – из-за всякой фигни.

Но младший Тангрим паниковал не зря. Это Вилмар почувствовал, едва выйдя из светящейся арки гарнизонного портала – по позвоночнику будто полоснули наждаком, заставляя вздрогнуть и передернуть плечами. Стоило бы поблагодарить собственные крепкие мозги и дар менталиста, без которых его настигла бы безобразная истерика.

Как чувствовал себя Тангрим, нервно расхаживающий вдоль высоких ворот, Вилмар даже не представлял. Если уж у вечно улыбающегося болтуна Дориана сдали нервы, то дело совсем дрянь. Далеко ходить не нужно – судя по залитой кровью булыжной мостовой, ничего хорошего не случилось.

– Уилл, ну наконец-то! – театрально всплеснув руками, Тангрим приблизился к нему. – Еще пять минут, и я бы пошел за тобой сам.

– Уверен, что хотел бы встретиться с моей женой? – хмыкнул он, припомнив богатый лексикон Рангрид и ее умение одним взглядом опускать собеседника ниже самой Бездны. Воистину, роскошная женщина.

– Я бы согласился даже на Элриссу. – Дориан скривился и нервно передернул плечами. – От нашей мертвой красотки хотя бы не спекались мозги.

– У Блэр спеклись. Ненадолго, – возразил Вилмар, но под непривычно тяжелым взглядом Тангрима осекся.

– То одна Блэр, а у меня тут двенадцать, мать их, трупов и взвод спецназовцев, готовых прибить гребаного ублюдка. Делай что хочешь, Уилл, но пусть *оно* уже утихомирится!

Не дожидаясь ответа, Дориан нагло схватил его за рукав и потащил в бастион – старое, удивительно крепкое здание, чьи стены выдержали осаду гренвудских полчищ, когда Империя была еще слаба и на целую дивизию имела всего-то двоих-троих магов.

Чужая магия давила, вгрызалась в нервы, заставляла передергивать плечами и оглядываться по сторонам. С трудом верилось, что все это – дело рук, а точнее, силы лишь одного человека. Вилмар мог припомнить всего нескольких магов, способных на подобное, но все они были опытными архимагами. Как он успел понять из сбивчивой речи Дориана, виновником торжества был один пацан – дикий, в драном тряпье, вылезший то ли из леса, то ли еще из какого захолустья.

– Только представь, Уилл!.. Чтоб спецназ – и у всех мозги вдребезги! Я уже трех своих парней с крыши снимал! Деревенские в истерике, а ему хоть бы хны. Едва успели в подвале запереть. Я уж начал думать, что зря тебя позвал; надо было эту мразину сразу кончать, пока не очухался...

С каждым шагом Тангрим распалялся все больше, Вилмар почти слышал треск амулетов, благодаря которым тот еще не отправился на упомянутую крышу. Ему самому было не по себе, что уж говорить о светлом боевике, не приученном к подобному воздействию.

– Разберемся, – отрезал Фалько, уверенно толкая дверь в подвал. – Дальше не ходи.

На колченогом стуле, дергая зубами веревку, связывающую руки, сидел парень. Совсем молодой, со спутанными светлыми волосами,

покрытыми пылью и сажей, и абсолютно черными глазами. Едва поняв, что находится в помещении не один, он резко вскинулся и окатил Вилмара волной своей силы – темной, продирающей до костей, наполненной злостью и жаждой смерти.

«Берсерк».

Берсерками называют обезумевших магов, находящихся во власти собственной свихнувшейся силы. Причины безумия различны: сильный стресс, слабая психика, неспособность контролировать дар... А вот заканчивалось обычно все одинаково – горой трупов. Говорить с берсерком бесполезно, равно как угрожать или запугивать. Зачастую таких просто выбивают архимаги или отряд спецназовцев.

– Почему ты оставил его в живых? – с любопытством уточнил Вилмар, повернувшись к Тангриму. Тот озадаченно поскреб кучерявую макушку.

– Так на нем же ни одной руны нет, – пробормотал он. – Не умеет, значит, силу контролировать. Разве ж я прикажу необученного сопляка убивать? Ну, он великоват для подростка, но... Короче, ты понял.

«Добрый ты парень, – хмыкнул Вилмар про себя. – Из-за этого и подохнешь раньше срока, видят боги».

Он снова взглянул на чумазого оборванца, злобно зыркающего исподлобья и всюсю фونهاщего темной силой. Рун и в самом деле не видно – ни на кистях, ни на предплечьях, ни в вороте изрядно потрепанной рубахи. Что весьма странно: мальчишке, судя по всему, уже за двадцать. Хорошо так за двадцать.

– Я понял. Ты молодец, Дориан, шустро соображаешь. Теперь отойди подальше, а я попробую привести пацана в чувство.

В который раз возблагодарив богов за крепкие мозги, он шагнул вперед. Привести берсерка в чувство невероятно сложно, особенно если ты – чужак, которого он видит (и видит ли?) впервые в жизни. Еще сложнее сдержаться самому и не обрушиться на того, кто пытается тебя убить, всей мощью. Фалько медленно потянулся сквозь агрессивную магию к сознанию, в котором, как он надеялся, еще можно нащупать что-то здоровое. Если только удастся пробиться сквозь щиты, которые у любого мага-менталиста обязаны быть едва ли не с рождения...

У любого, но только не у этого мальчишки. Отправить на тот свет дюжину далеко не слабых боевых магов, затем на протяжении как

минимум часа фонить собственной силой и до сих пор оставаться на ногах – высший пилотаж. Однако, будучи сильнейшим магом, он не обладает даже подобием блока. Неудивительно, что с головой у него не все в порядке – ежеминутно слышать сотни голосов, улавливать чужие эмоции и оставаться при этом в здравом рассудке совершенно невозможно.

Сквозь мешанину из ярости и ненависти отчетливо пробивались отчаяние и страх. Фалько облегченно выдохнул – мальчишка не безнадежен, раз пытается выкарабкаться из цепких лап своего бешеного дара. Медленно опутывая его паутиной из собственной силы, лишенной всяких эмоций, он продолжал приближаться. С каждым его шагом волны чужой магии становились слабее, а когда между ними осталась всего пара шагов, и вовсе стихли. Уилл вовсе не мнил себя героем – мальчишка почти все сделал сам, просто прислушавшись к уговорам и поддавшись чужому спокойствию. Чего это ему стоило, он мог только догадываться по тяжелому дыханию, дрожащим рукам и идущей носом крови.

– Вот так, – похвалил Фалько, утерев со лба выступивший пот.

Силен, боги, как же силен! Последним менталистом с таким уровнем силы был безвременно почивший лорд-канцлер Эдриан Лейернхарт, без которого в Империи наступил бардак. Определенно, этого вундеркинда нужно приводить в порядок и приставлять к делу.

«Боги и богини, неужели я получил шанс свалить на пенсию?» – восхитился Вилмар. И чуть было не упустил момент, когда парень окончательно пришел в себя.

Если так можно было назвать его дикий взгляд, направленный на собственные дрожащие ладони, содранные, покрытые грязью и запекшейся кровью.

Чужая магия отступила окончательно – немалый резерв был начисто опустошен. Уилл едва успел приобнять мальчишку за плечи и не дать тому свалиться на холодный каменный пол.

– Тихо, тихо, – все так же мягко проговорил он, успокаивающе глядя парня по спутанным волосам. В ладонь впились было чужие пальцы, но не смогли удержать, рука бессильно вытянулась вдоль тела. – Все хорошо, ты молодец. Мы поможем тебе. А пока спи, – Вилмар задержал ладонь на его лбу, направляя поток силы в чужое сознание, навевая сон.

– Что дальше, Уилл? – раздался за спиной голос Тангрима.

Дальше он с удовольствием бы узнал, откуда взялся этот мальчишка, а потом нашел бы того, кто покалечил его, начисто снеся блок, и лично подвесил бы за яйца прямо на центральной площади. А что, статуя короля Люциана и не такое переживала, вспомнить хоть чокнутую Элриссу и легион нежити. Жестоко, но и Фалько не светлый маг, чтобы жалеть всяких ублюдков, ломающих детей.

Увы, чтобы расправиться с мерзавцем, нужно сначала привести парня в относительный порядок и хорошенько расспросить. И – Вилмар тяжело вздохнул, оглянувшись на все еще фонящего нервозностью Дориана – подправить мозги всем, кто сейчас в гарнизоне. Пока кто-нибудь и впрямь не сиганул с крыши.

– Дальше вы ждете менталистов и пытаетесь не убиться до их прибытия. А пацана я забираю в Иленгард.

Глава 1

– Мне очень жаль, Симус. – Мэйр горестно вздохнула и погладила шершавую кору тысячелетнего дуба. – Ой, нет, не жаль. Я же просила, предупреждала... Ну, теперь уж не обессудь. Не могу же я отобрать у моей бедняжки еду прямо из... *корней?*

Неметон послал своей хранительнице волну приязни, а здоровенный белобрысый детина, опутанный живыми корнями, будто сеть, забился в плену и разразился отборным матом. Мэйр покорно выслушала все оскорбления (к слову, не очень-то оригинальные), оперлась спиной о мощный ствол дерева и сонно прикрыла глаза. Энергия зачарованного леса заструилась по телу, разгоняя дремоту и кровь в жилах – Неметон делился силой, словно прося прощения за раннюю побудку. Когда печально известный синтарийский браконьер Симус Хэнлон заплутал в дебрях зачарованного леса, едва минуло пять утра, так что Мэйр пришлось выползти из теплой постели и спешно одеться, чтобы пойти проверить, кому там жить надоело.

Сколько Мэйр себя помнила, ее влекло к Неметону, как нежить к свежему мясу. Священное древо фейри, возвращенное на жертвенной крови и ныне грешащее людоедством, манило ее в свои смертоносные объятия, однако даже не думало вредить.

Не каждый взрослый отважился бы сунуться в зачарованный лес, но Мэйр, еще будучи мелкой девчонкой – щуплой, странной и очень одинокой, – шастала сюда, как к себе домой. Сколько родители ни бранились, сколько ни наказывали, лишая прогулок и сладкого (изверги!), она все равно возвращалась сюда, в лесную чащу, к своим друзьям. Здесь ее ждали трещащие без умолку малыши-пикси с блестящими стрекозиными крылышками; мощные трехрогие лошади, чьи пасти полны острых зубов, а копыта ступают по воде так же легко, как по лесным тропинкам; изредка встречались премилые говорящие зверушки – лиса, рыжая, как пламя, и огромная хищная птица, и величественный олень с ветвистыми рогами... Но то были лишь гости, вечные путники, а постоянным ее приятелем был – и остается по сей день – ехидный черный кот. То есть, конечно же, *кайт-ии*, который

велел звать его Лиром и не мог даже дня прожить, не сказав какую-нибудь гадость.

Что ж, следовало признать, Лир горазд не только на гадости. Однажды он вывел Мэйр на опушку леса, где за низеньким каменным забором одиноко ютился небольшой двухэтажный особняк, сложенный из гладкого серого камня. Мэйр зачарованно глазела на стены, полускрытые под красно-зеленым ковром девичьего винограда; на роскошное эркерное окно, стекла которого потускнели, собрав вековой слой пыли; на графитового цвета черепицу, что сияла на солнце, омытая утренним ливнем...

«Неметон *избрал* тебя, – сказал Лир. – А значит, когда-нибудь все это будет твоим».

Кайт-ши оказался прав: все это стало принадлежать ей. И сказочный особняк с эркером, и сад с колодцем у орешника, и весь огромный лес, порожденный магией Неметона...

И сам Неметон, простирающий свои корни на много, много миль вокруг.

А еще поганый браконьер, который устал сквернословить и теперь злобно выл от бессилия.

Мэйр неохотно открыла глаза и глянула себе под ноги. Широченная физиономия Симуса, обрамленная белесой клочковатой бородой, покраснела как бурак – то ли от злости, то ли оттого, что один из живых корней оплел его бычью шею и теперь душил – легонько, время от времени давая продышаться.

Неметон любит поиграть с едой. И совсем не любит браконьеров.

– За что?... – с усилием прохрипел Симус, трепыхаясь в объятиях Неметона, как муха в паутине. – За что ты меня так?...

Мэйр лишь развела руками и виновато улыбнулась.

– Не я. Неметон. Ты, помнится, заржал мне в лицо да велел не рассказывать сказочки? Вот тебе моя сказочка, Симус, безмозглый ты ублюдок.

– Я... я всего-то...

– Всего-то решил пристрелить реликтового меднорогого оленя. – Носком растоптанной домашней туфельки она брезгливо пихнула тяжелый двухзарядный арбалет, что валялся тут же, потерянный в неравном бою с оголодавшим тысячелетним деревцем. – За рога и шкуру на черном рынке можно получить в десятки раз больше, чем за

все твои зловонные потроха, верно я говорю? – Не дождавшись ответа, Мэйр неспешно продолжила: – Я тоже ценю оленя в десятки раз дороже, чем тебя. Ты мне вообще-то никогда не нравился, да и с чего бы? Ты разбил мне нос игрушечной лошадкой, а такое, знаешь ли, не забывается!

Им тогда было лет по пять, кажется. Они ходили в один детский сад – и терпеть друг друга не могли. А потом пошли в школу – и все еще были друг от друга не в восторге. А потом за Мэйразн пришли маги и забрали ее в столицу, в Академию – что, естественно, не прибавило Симусу добрых чувств. Он вообще был злобным мальчишкой, который предсказуемо вырос в мерзкого, грубого, горластого мужика, разоряющего леса и поколачивающего свою вечно пузатую жену...

...но как же Дакей одна, с двумя годовалыми девочками и еще одним орущим свертком на подходе?

«Вечно ты со своим слюнтяйством... Лучше пусть одна, чем с этой мразью», – решительно возразила Мэйр сама себе, стараясь заглушить робкий голос вины.

Хотя в чем тут ее вина? Она ведь предупреждала – нечего соваться к Неметону с нечистыми помыслами.

Симус не поверил – Симус сунулся – Симус *мертв*.

«После его смерти государство позаботится о Дакей и детях... Я сама прослежу, чтобы они были в порядке. А по этому уроду точно никто скучать не будет».

– П-по... пожалуйста...

Похоже, из браконьера вышла вся лихость и наглость – и почти вышел дух. Раньше он, помнится, никого и никогда не просил. Мэйр презрительно фыркнула, пожала плечами – «Надо было меня слушать!» – и, в последний раз любовно огладив кору дуба, зашагала в глубь леса. Чутье безошибочно вело ее к дому с графитовой черепицей, а внутри пульсировала энергия Неметона – благодарность и негласная плата за полученную жертву.

Могла ли Мэйр спасти Симуса? Да, могла. Но если Неметона не кормить мерзавцами, он начнет жрать кого попало. Что тут поделать? Невозможно уничтожить тысячелетнее дерево, под завязку наполненное магией, корнями разросшееся на сотни миль вокруг. Да и зачем уничтожать? Пользы от него куда больше, чем вреда:

в зачарованном лесу не случается пожаров, деревья не вымерзают, всегда в изобилии водится дичь и рыба... иными словами, лес полон жизни. И питается всякими уродцами с полного попустительства архимагов Круга – те весьма заинтересованы как в налаженном лесном хозяйстве, так и в эндемиках, что произрастают в Западном пределе, ведь жутковатый плотоядный лесок изобилует множеством редких растений, птиц и зверей.

В общем, хрен с этим ублюдком Хэнлоном. Пусть кормит цветочки, а его убитой горем (вовсе нет) семье тем временем назначат щедрое содержание. Уж Мэйр проследит, чтобы назначили.

* * *

Мэйраэн Макинтайр уродилась темной магинею – обычное дело, если неблагая мама-фейри нагуляла тебя от демона рогатого.

Ну, чуток неправильной темной магинею: мало того, что надзиратель при плотоядном дереве, так еще и целительница. Не то чтобы она стала первым темным целителем в истории Эрмегара, однако это все еще считалось чем-то вроде аномалии. Черный маг по определению не может исцелять, сама его суть – разрушение; однако поди ж ты. Впрочем, Мэйр и по натуре ни вспыльчива, ни агрессивна. «Зануда и мямля» – так ее зовет старшая сестричка Дейдра. Видят боги, такова Мэйр и есть. Полная противоположность сестре.

И никто бы в здравом уме не подумал, что они с шумной, веселой, свирепой Дейдрой могут состоять в каком-либо родстве. Общего между ними – фамилия да рост под шесть футов. В остальном же... Вот она Дейдра – фигуристая, статная, с роскошной гривой огненно-рыжих волос, с румяным хорошеньким лицом, ясными глазами и заразительной улыбкой. И тут ее якобы сестричка – худенькая, щупленькая брюнетка, остролицая и до неприличия смуглая, с хищно горящими раскосыми глазами и чересчур пухлым ртом.

Несуразная. Странная. Чуждая.

Полукровка.

Подменыш.

«Уродина», – эхом раздался в ушах голос матери... нет, той женщины, что родила и бросила. Младенец не мог помнить ее

жестокой насмешки, но Неметон помнил. Одни напасти от этого противного дерева...

Не то чтобы Мэйр на самом деле считала себя уродиной. Самооценка изрядно поднимается, когда с самой Академии за тобой вечно волочатся парни, а порой и вовсе девчонки. Однако собственное отражение – черное как головешка, с яркими злыми глазами лесного хищника, *странное*, – то и дело напоминало, что родная мать ее не захотела, оставила умирать; что чужая женщина взяла маленького нелюдя к себе в дом, полюбила как своего; что как бы ее ни обожало все шумное рыжеволосое семейство Макинтайр, подменышу все равно не стать человеком.

Никогда не стать. Что бы ты ни сделала. Как бы ни старалась.

Пока Мэйр возилась с ранним завтраком для Неметона и брела обратно к дому, изредка теряя туфли, утро наступило во всей его сомнительной красе. Как и полагалось истинной темной, она терпеть не могла утро. Впрочем, как и праздную дремоту до обеда. К десяти-одиннадцати часам шило в заднице побеждало совиную натуру, подкидывало с постели неправильную черную магиню, закутывало в нарядную магистерскую мантию цвета неспелого лимона и несло навстречу приключениям.

Ну да какие там приключения у целителя? Амбулаторный прием она вела два дня в неделю, раз в месяц выходила на дежурство в дополнительную смену; еще два дня выделялись для частных посещений. В эти два дня Мэйр обычно навещала нестабильных детишек в Академии – которые, несомненно, нуждались в ее помощи, – и гоняла чай в апартаментах у беременных магинь, большинству из которых ничуть не требовалось наблюдение узкого специалиста.

Настолько узкого, что по сей день никто не знает, как классифицировать сие безобразие – то ли целитель, то ли псионик, то ли мозгоправ, то ли все вместе. Мэйр успешно исцеляла телесные недуги, но почет и уважение в свои юные годы приобрела за чудеса иного толка. Те, что касались свернутых набекрень мозгов. В частности, именно благодаря ей появились новые методы борьбы с тяжелыми болезнями разума, а нестабильность магической силы теперь и вовсе классифицировалась как нервное расстройство –

которое Мэйр успешно лечила, попутно обучая своим приемам других одаренных целителей.

Что касается беременных... Несомненно, у магинь при беременности нередко возникают проблемы с волшбой. Только вот из тех дам, что к ней обращались, в ее наблюдении нуждались... ну, разве что каждая третья. Сейчас Мэйр вела три беременности, и сложная ситуация была лишь у молодой супруги командера Ларссона. Двум другим вполне хватило бы простого целителя-акушера. Видят боги, сама она на это гордое звание не претендует. Однако Мэйр в принципе нелегко давались отказы... а уж как отказать дамам вроде леди Эйнтхартен и императрицы Корнелии? Да и зачем? Золота их высокопоставленные мужья отваливают прилично, а Мэйр всегда была чуточку *слишком* практична, нежели требовалось для легкой и беззаботной жизни.

Сегодня Мэйр не отказалась бы урвать немного той легкой-беззаботной – выходной как-никак. Вернувшись домой и явственно ощущая избыток энергии, она добрых полтора часа кромсала свеженький тренировочный столб, что стоял на заднем дворе, между яблоней и грушевым деревом. Столбы приходилось менять не реже раза в месяц. Пусть в боевой магии аномальный целитель Макинтайр абсолютная бездарность, от фейри ей досталась весьма специфическая особенность... от которой она бы с радостью отказалась. Живая сталь, *те'астариарэ*, давала недюжинную физическую силу, однако взамен требовала крови и смертей. А убивать Мэйр не любила, неправильная темная, да-да. Благо, энергия Неметона оказалась неплохой заменой кровопусканию.

«Деревце мое прожорливое, мы с тобой прямо созданы друг для друга, – криво усмехнулась Мэйр в который раз. – Хоть выкорчевывай тебя и тащи в храм, жениться».

Вяло отмахнувшись от парочки назойливых пикси, она поплелась на кухню, чтобы разогреть остатки вчерашнего ужина. В кои-то веки было для кого готовить – к ней должна была заглянуть Дейдра, а с ней, конечно же, Алан. Это всегда немного странно – когда твоя сестра и твой лучший друг становятся сладкой парочкой. Следом, естественно, приволокся Френсис; они с Мэйр давно уже не парочка, однако пожрать у нее дома тот по-прежнему любил.

«Давай-давай, сообрази что-нибудь! – вечно приговаривала эта наглая некромантская рожа, плюхнувшись во главе стола. – Заодно и сама спасешься от голодной смерти. А то знаю я тебя: вечно одни сладости трескаешь!»

– А вот и нет, – пробурчала Мэйр себе под нос, любовно расставляя на столе вазочки с шоколадными конфетами, миндальным печеньем и мятной пастилой. Не забыла она и выставить на подоконник блюдце с мелко нарезанными сладостями, на которое, как голуби на пригоршню пшена, тут же слетелись радостно галдящие пикси. – Что бы он вообще понимал, да?

Со стороны окна вразнобой загомонили два писклявых голоса, но то не было ответом на ее вопрос. Просто парочка пикси сражалась за половину печенюшки не на жизнь, а на смерть, хотя этого добра на блюдце еще вдосталь. Крохотные, ростом не больше ладони, остролицые зеленые человечки порхали в воздухе и лупили друг друга куда придется, при этом не замолкая ни на секунду. Мэйр их тарабарщины не разбирала – гости из-под верескового холма общались на неведомом ей языке, – однако готова была побиться об заклад, что эти мелкие вредители знают толк в матерщине. Ей пикси никогда не вредили, даже наоборот – приглядывали за домом, когда приходилось оставаться в столице на несколько дней, охраняли сад от всякой гнуса... В общем, Мэйр отлично ладила с нечистью. Как и положено подменышу.

«Подарок, блин, из-под холма, – она вздохнула и небрежным жестом подозвала чайничек с мятным чаем, – бедовая твоя лопаухая башка, всем богам и богиням молись, чтобы твой законный выходной не полетел в Бездну!»

Мэйр честно помолилась всем и сразу.

Не сработало.

«*Жду тебя после полудня*», – гласило полученное ментальное сообщение.

«Чтоб тебя Бездна пожрала, бессовестный ты человечешка», – так и хотелось отправить в ответ.

Увы, Макинтайр – это вам не Блэр; ей, в отличие от одиозной землячки-некромантки, не хватало наглости, чтобы крыть самого канцлера Эрмегарской Империи. Не то воспитание.

– Ну и чего ему опять от меня надо? – меланхолично осведомилась она, катая по столу амулет ментальной связи – большой лиловый кристалл неправильной формы, оправленный в серебро. – Великие господа Холмов и Вереска, я вам не мешаю? А ну, хватит голосить!

Пикси не удостоили ее вниманием – вот еще, ради какого-то дерзкого подменыша прерывать Эпохальную Битву за Миндальное Печенье. Выдав очередной страдальческий вздох, Мэйр застегнула на шее тонкую цепочку амулета и принялась за завтрак. Терпеть Арлена Дориха в свой выходной – то еще испытание, так что не стоит делать это на голодный желудок.

И что-то – здравый смысл, конечно же, – подсказывало: лорд-канцлер будет сегодня не единственным испытанием.

* * *

Прийти в себя было невыносимо трудно. Выползти из непроглядной тьмы, душной, тяжелой, в которой катастрофически не хватало воздуха; да просто открыть глаза. Ясно чувствовалась только боль в правой ноге, будто из нее вырвали кусок мяса, а под спиной – что-то очень похожее на кровать, с матрасом и даже простынями. В старом лесном домике вместо постели были шкуры, оставшиеся от прежнего хозяина и перенесенные поближе к очагу. Кровать давным-давно была пущена на более полезные цели – растопку камина и латание дыр в крыше.

Точно, у него же был дом. И непрощенные гости, которых он...

Голова едва не раскололась от боли, стоило вспомнить вчерашний день. Или не вчерашний – Себастьян не был уверен. В его случае верить своим ощущениям было бы распоследней глупостью.

Разлепить глаза все же получилось. По ним тут же резанул яркий, неестественно-голубоватый свет. Он дернул руками в попытке закрыть лицо и тут же ощутил, что едва может шевелить ими. На запястьях глухо звякнули наручники, тяжелые и очень... мерзкие. Они словно забирали у него нечто важное.

Себастьян прислушался к ощущениям. Бешеная магия сейчас замерла где-то глубоко внутри, огрызалась едва слышно и очень хотела

добраться до железных оков. В любое другое время он бы благодарил всех богов за избавление от проклятого дара. Сейчас же, глядя на голые каменные стены, зарешеченное окно и странную дверь из матового стекла, от которой веяло чужеродной силой, хотелось снова почувствовать свою магию. Пугающую, жуткую, ненавистную, но способную защитить.

Растерзать всех, кого он сочтет врагами.

Те, кто пришел в его дом прохладным осенним вечером, друзьями не были точно. Себастьян не успел их даже увидеть, как в голову непрекращающимся гомоном ворвались чужие голоса. Громкие, злые, они говорили о смерти, охоте, огне и тьме.

Как будто они что-то понимали в тьме.

Он хотел сбежать. Честно, хотел. Но прежде чем он успел даже подумать о задней двери, через которую можно было незаметно выйти и скрыться в чаще леса, боль в голове стала невыносимой. И Себастьян не выдержал. Он помнил, как закричал; затем магия взяла над ним верх. Сорвалась, заглушила все, загрозила собой и стала избавляться от тех, кто посмел навредить ее хозяину.

«Я разберусь», – услышал он, прежде чем провалиться в темноту собственных мыслей.

Убивать тех людей Себастьян не хотел. Но у того чудовища, что жило внутри него, было другое мнение. Оно жаждало крови, хотело наблюдать, как лопаются капилляры в их глазах, как тела корчатся в предсмертных муках. Ему оставалось только смотреть и чувствовать чужое, *не свое* удовлетворение от представшего зрелища.

Чьим – его или монстра – было желание бежать, он не помнил. Скорее всего, общим. Иногда Себастьяну удавалось договориться со своей... темной стороной. Увы, идея была хуже некуда. Он не сразу понял, что бежит уже не по лесу, а по мощеной улочке, но тут чужие голоса зазвучали в голове с прежней силой. Так много и так громко, что даже выпущенная на волю магия не смогла отгородить его от них.

Перед глазами полыхало красным, чудовище бесновалось, и теперь уже сам Себастьян желал им всем смерти. Он хотел, чтобы они все замолчали, чтобы голова перестала болеть, чтобы огонь прекратил гореть так ярко...

И все прекратилось. По ногам ударило что-то тяжелое, а в тело впились сотни ярких разноцветных искр. Тьма попыталась защитить,

встать у них на пути, но истончилась под десятком вспышек, взвыла, как раненый зверь, и, словно извинившись, спряталась внутри. Что было дальше, Себастьян практически не помнил. Чувствовал, как голову сжимает невидимый обруч, сбросить который казалось необходимостью; давился страхом, слышал незнакомый мужской голос, на удивление спокойный, пытающийся в чем-то убедить. Кажется, ему это удалось – больше трупов Себастьян припомнить не мог, лишь тишину и то, что ему стало немного легче.

Для верности он снова оглядел камеру – ни тел, ни крови на полу, одни голые стены, а в качестве компании – собственная сила, скребущаяся внутри. Ей хотелось выбраться на волю. Себастьян же не мог решить, хочет ли он, чтобы у нее это получилось.

«Иначе ты снова станешь чьим-нибудь... экспериментом», – напомнил внутренний голос. Ехидно, но участливо.

«Нет».

Он дернул руками в тяжелых наручниках. Замок можно открыть либо ключом, либо отмычками. Ни того ни другого, понятное дело, нет, да Себастьян и не силен во взломе.

«Ты ни в чем не силен», – послышалось недовольное ворчание.

«Мог бы и помочь».

Смешок, раздавшийся в ушах, был слишком реальным.

Себастьян прикрыл глаза, позволяя силе перетечь в руки. Пальцы сами собой нащупали нити чужих заклинаний, переплетенные между собой причудливым узором. И знакомые. Их можно расплести; нужно только найти одну, самую главную, потянуть и разрушить магический рисунок. Ну или хотя бы ослабить действие заклинания.

«Зануда».

Терпение никогда не было добродетелью его монстра. Если подумать, у него вообще не было добродетелей. Сила рванула вперед, разрывая нити одну за другой, отчего кожу на запястьях кололо нестерпимо, в голову словно втыкали иглы.

«Терпи».

Можно подумать, у него были другие варианты. Тем более, откуда-то снаружи раздавались голоса, снова не обещающие ничего хорошего. Только неуверенное «мы попробуем», многозначительное «очень силен» и уже знакомое обещание смерти. Все это Себастьян

слышал уже не раз. И никогда подобные речи не заканчивались для него хорошо.

Последняя нить заклинания лопнула как раз в тот момент, когда стеклянная дверь распахнулась. Снова стало громко, так, что захотелось зажать уши, закрыться и спрятаться хотя бы под одеяло. Но запястья по-прежнему сдавливали наручники, да и просто двигаться было трудно из-за больной ноги.

«*Я разберусь?*» – поинтересовался голос.

Себастьян почувствовал себя невероятно уставшим. От борьбы с самим собой, со своей магией, с проклятыми наручниками и с чужими мыслями в голове. Они, кстати, стихли, едва закрылась дверь. Не до конца, но к шуму в ушах он успел привыкнуть и умел его игнорировать. Почти всегда.

«А если они хотят помочь?»

«*Родерик тоже хотел*».

Ах да, Родерик... Тот, кто обещал помощь, но в итоге ломал его несколько месяцев, возвращая в нем монстра. Что ж, у него получилось.

«Делай что хочешь».

Монстр довольно ухмыльнулся.

Вошедшим оказался мужчина средних лет, хорошо одетый и... неправильный. Рядом с ним было тихо, будто в светловолосой голове не звучало ни одной мысли. Вместо нее – глухая стена и отголосок смутных эмоций. Себастьян посмотрел на него удивленно, монстр же разглядывал с любопытством.

– Что ж, вижу, ты пришел в себя. Это хорошо, – незнакомец махнул рукой. К нему сам собой, *по волеобству* придвинулся стул, на который тот уселся, закинув ногу на ногу. – Дурить не будешь?

Под дуростью, очевидно, подразумевалась его магия.

– Не обещаю, – с трудом откашлявшись, прохрипел Себастьян. В горло будто песка насыпали.

– Очень жаль. – В ровном голосе послышалась угроза. Монстр тут же напрягся, как и сам Себастьян – он не любил, когда ему угрожали. – Что ж, спасибо и на этом. Не делай глупостей, и все закончится мирно. Обещаю.

«*И ты ему веришь?*»

Вот уж нет. Просто немного интересно, почему рядом с этим человеком так тихо.

– Как вы это делаете?

– Что именно? – уточнил мужчина, улыбаясь так благостно, что сразу стало ясно – он прекрасно понимает, о чем речь.

Все же Себастьян, озадаченно хмурясь, пояснил:

– Вас... я не слышу. Почему?

– Ты меня не слышишь, потому что я маг-менталист – такой же, как и ты, – и способен защититься от любого ментального воздействия. А вот ты, к сожалению, не способен это воздействие контролировать. Но это не твоя вина, – заверил мужчину. – Изначально никто не способен. Этому учатся многие годы, а тебя не учили вообще ничему. Или я ошибаюсь? – Взгляд мужчины сделался неприятно-пронзительным, словно он в чем-то подозревал их с... то есть, конечно, одного Себастьяна. Монстра этот маг-менталист, несмотря на свою многомудрую физиономию, явно не замечал.

А зря. Потому что тот его как раз заметил. И очень хотел проверить, так ли хорош этот маг, как о себе мнит.

– Кое-чему научили, – вкрадчиво отозвался монстр, прежде чем Себастьян смог его остановить. – Хотите проверить?

Мужчина издевательски вскинул брови, такие же белесые, как и его зализанная шевелюра.

– Дитя мое, я ведь втрое, а то и вчетверо старше тебя, – надо же, а с виду можно дать лет сорок, и то с натяжкой, – и цыплятки вроде тебя мне годятся на завтрак, обед и ужин. Не надо дергаться – прибью махом, ты и пикнуть не успеешь.

Себастьян видел – или нет, скорее *ощущал*, – как монстр зло сощурился и принялся хищно раздувать ноздри, достаточно безумный, чтобы проверить, кто кого прибьет.

«Вечно ты не туда смотришь, олух!» – прошипели ему в самое ухо. Хотя нет, конечно, ведь у них с кровожадным засранцем на двоих одно тело и одна же пара ушей. Себастьян виновато моргнул – он и впрямь *просмотрел*, как белобрысый трепач вторгся в его сознание.

«Ты тут лишний», – уже не ему, а чужаку в его голове.

Сила затопила его полностью – густая, темная, душная, и даже те крохи человечности, которые еще оставались в самом Себастьяне, отсутствовали в ней напрочь. Незнакомо ей было понимание, а такие

эмоции, как удивление и недоумение, вовсе были чужды. А у незнакомца в голове сейчас царили именно они. Ну и злость, конечно же – кому понравится, когда на тебя нападает какой-то сумасшедший?

– Прекрати! – закричал Себастьян. То ли про себя, то ли вслух – он не был уверен.

Куда там – монстру нравилось то, что он делает. Причинять боль, ломать чужое сознание и волю... И даже то, что сейчас это не слишком получалось, его не волновало.

Лучше умереть, чем быть ничтожеством. Кажется, так Родерик говорил... Пафосный мудак.

– Послушай... послушай! – Белобрысый маг (тоже мудак, но уже не такой пафосный) уже почти орал, однако голос его доносился как сквозь толщу воды. – Послушай меня... Мы могли убить тебя еще там, в гарнизоне. Легче легкого! Но не убили. Я не наврежу тебе, я помочь хочу!

Куда там – монстр чувствовал исходящую от мага злость, Себастьян же не верил ни единому слову. Хотел бы, но слишком хорошо знал, чем это кончается. Он проваливался во тьму собственных воспоминаний, в жажду смерти и крови. Все, что он мог сказать, прежде чем утонуть во всем этом, – короткое «я не могу».

Кажется, наручники с его запястий все же сдернули, волос коснулась тяжелая рука, после чего, наконец, наступила тишина.

Глава 2

Как и всегда, он ожидал у себя в кабинете, в закрытой от посетителей части дворца: с иголки одетый и безукоризненно причесанный русоволосый мужчина туманных лет, с неизменными щеголеватыми усиками и бородой клинышком – что давно вышло из моды и косвенно выдавало истинный возраст молодого, приятного и вместе с тем невыразительного лица.

– Опаздываешь, Мэйразн, – медленно проговорил лорд-канцлер, расплывшись в этой своей благодостной улыбочке, после которой на многострадальную голову одного подменыша частенько сыпались неприятности.

– Не опаздываю, а задерживаюсь. – Мэйр давно усвоила, что с магами нужно держаться уверенно, фамильярно и даже нагло – кто бы знал почему, но вежливость они принимают за слабость. И все же она до сих пор чувствовала себя некомфортно, общаясь с кем-либо в подобной манере. Родители, люди интеллигентные и очень порядочные, учили ее быть вежливой со всеми и уважать старших. – Ну, Арлен, что тебе понадобилось на сей раз? Только не говори, что развлекать очередную даму в тягости: отказываться я буду долго и громко.

– Не будешь, – флегматично возразил Дорих, поднимаясь из-за стола. – Нет, дам в тягости на твою долю уже хватило. Считай, что я вдосталь позабавился и решил занять тебя чем-то действительно важным. Идем.

– Что, и даже чаю не попьем?

– Позже, деточка. Наше дело не терпит отлагательств.

«Деточка» сердито фыркнула, но смолчала и послушно зашагала следом.

Порталом они перенеслись во внутренний двор главной городской лечебницы. Мэйр хорошо знала здешнюю обстановку, все-таки два года отработала, пока на магистра училась. И не сказать, что была рада сюда вернуться: место шумное и бестолковое, как и все подобные учреждения. Узким специалистом в синтарийской лечебнице работалось не в пример спокойнее.

Дорих потащил ее во второй корпус и повел какими-то неприметными коридорами. В итоге они оказались в тесном полуподвальном помещении, где на хлипком стульчике восседал расфранченный почище лорда-канцлера здоровенный мужик. То был Вилмар Фалько, сильнейший менталист Империи и по совместительству верный цепной пес лорда-канцлера. Точнее, двух канцлеров: Фалько чуть не вдвое старше Дориха и наверх выбился еще под началом его предшественника – грозного лорда Эдриана Лейернхарта. В кулуарах до сих пор с придыханием заливались о великих деяниях «лорда-паука», в то время как Дорих не пользовался и тенью его симпатии. Мэйр особенно запомнилось высказывание командера Ларссона, мужа ее пациентки: «Лорд-паук был жуткий педант и редчайший пройдоха, но при всем при том бессребреник и отличный управленец. А этот императорский прихвостень – ну чисто уж на сковородке, вертлявый и хитрожопый. Я б такому и захудалую деревеньку не доверил, куда уж Империю-то!»

– Как поживаешь, подменыш? – спросил Фалько, продолжая глубокомысленно глазеть на прозрачную перегородку – точнее, на то, что за ней.

– Лучше всех, ваше благородие, – едко уведомила Мэйр и тоже решила поглядеть, кого это законопатили в изолятор с пятиуровневой структурой защиты.

За перегородкой обнаружился парень лет двадцати с небольшим, однако внешность магов обманчива – возраст Фалько приближался к сотне, а на вид едва ли даже тридцать пять. Парень был симпатичный, светловолосый и худощавый. Не тощий, просто поджарый и жилистый; явно может двинуть по морде не хуже, чем какой-нибудь качок-полицейский из боевого отдела. На руках без единой защитной татуировки красовались тяжеленные антимагические наручники – похоже, парень успел здорово отличиться, если на него повесили такой подарок.

– Ого, – Мэйр насмешливо вскинула брови, – Уилл, это твой, что ли? Похож! Жена-то в курсе?

Жена лорда Фалько могла нанести радость и причинить счастье похлеще, чем взвод спецназа в полной боевой готовности. Неудивительно, что беднягу так перекосило.

– Побойся богов, бессовестная! – воскликнул Уилл. – У меня четверо детей, куда еще бастарда?

– Чего только не бывает! – протянул лорд-канцлер с самым невинным видом. – Лицом вроде похож, это и Мэйразн заметила... Белобрысый, опять же, как оба твоих законных сынка. А если вспомнить, как он уложил треть боевого взвода, не шевельнув и пальцем, тогда тебе уже точно от родства не откреститься. Ах, бедная Рангрид!

– Бедная Рангрид? – недоверчиво переспросил Фалько и от избытка чувств подскочил на месте, едва не повалив стул. – Бедный я! Будь это мой пацан, разумеется, а он не мой.

– Ты уверен?

– Да, Арлен, чтоб тебя, я уверен!

– Довольно, милорды, флиртовать будете потом, – призвала их к порядку Мэйр. – Что толком произошло и каким местом тут замешана я?

– О, это крайне занимательная история, – начал Дорих, потупив взор и сложив руки на груди. – Наш юный друг – менталист, прошлой ночью явившийся под стены гарнизона в Заозерье. Охрана на стенах была громче, чем на незабвенную Элриссу-лича, а уложить его смог только явившийся спецназ, половине которого до конца жизни придется пить сонное зелье. Что касается гарнизона, тем уже ничего пить не придется – это невесть откуда взявшееся юное дарование за считанные минуты угробило дюжину толковых бойцов. Кровоизлияние в мозг... естественно, до встречи с пацаном все были абсолютно здоровы. Из всех знакомых мне менталистов на такой финт способен лишь inferнальный ублюдок Силва Ваор... ну, и еще наш дорогой друг Уилл. Уж не знаю, почему он так решительно от родства отмахивается! Впрочем, нет, знаю...

Будь у нее такая жена, как генерал Фалько, Мэйр бы тоже открещивалась от любого намека на измену. Хотя она и без того не сомневалась: у Вилмара Фалько по прозвищу Шелкопряд не может быть левых детишек. Педантичная сволочь, предусмотрительная и осторожная. Недаром пережил одного лорда-канцлера – и вполне может пережить следующего... Уж больно Дорих зарывается в последнее время, понимая, что заменить его сейчас некем. Равно как и его дорогого друга Уилла.

– Не мое добро, пресветлым императором клянусь! – в который раз открестился от родства Фалько. – Не оттуда ты начал, Арлен. Если верить Тангриму, слухи о том, что в лесу за гарнизоном завелась какая-то неведомая хрень, ходили давно. Жутко, мол, ни за грибами сходить, ни девицу по опушке выгулять. Ну и решили ребята отряд снарядить. Нашли в чащобе старую лачугу, а в ней мальчишку. Он, то ли с испугу, то ли от неожиданности, сразу им мозги жечь не стал. Рванул через лес напрямик к гарнизону, где его и прижали. Хвала богам, во главе спецназа туда явился Тангрим, не дал прикончить пацана и вызвал меня.

Мэйр одобрительно хмыкнула. Зря, выходит, на Дориана Тангрима клеветают, что дурак дураком. Казначейский сынок не стал рубить сплеча и мигом сообразил, с какой стороны хлебушек маслом намазан.

– А дальше?

– А дальше пацан полдня провалился в отключке. К вечеру мы взялись ему кукушку чинить, да куда там... – Фалько мрачно вздохнул. – Я пытался с ним договориться, да только зубы обломал. Еще два элитных мозгоправа после двух минут общения с ним устроили безобразную истерику и отказались работать. Силва Ваор, наш долбаный властелин иллюзий, секунд десять постоял на порожке и отказался пробовать в принципе. Он, кстати, и велел тебя позвать. Сказал, что это работа для подменыша – и был таков, сволочь мутная. – Судя по выражению физиономии, Фалько был настроен на этот счет весьма скептически. – Как по мне, так маленькая ты еще с такими монстрами бодаться. Ну что, деточка, рискнешь?

– Я не рискую, лорд Вилмар, – выдержав недобрую паузу, холодно откликнулась Мэйр, – я исполняю свой долг, как и надлежит настоящему целителю.

И, уже взявшись за ручку двери, она невозмутимо прибавила:

– И, смею надеяться, получаю за это приличный гонорар.

– Получишь. Если выживешь, – услышала она насмешливый голос Дориха, прежде чем дверь изолятора закрылась за ее спиной.

Парень сидел на кровати, опершись на стену и рассматривая наручники. Нехорошо так рассматривая, явно мечтая сломать то, что не дает его силе выйти наружу. Даже жаль беднягу: запертая магия

причиняет жуткий дискомфорт. И чем дольше носишь антимагические артефакты, тем сильнее тебя распирает изнутри.

Заметили ее не сразу. И лучше бы не замечали – взгляд незнакомца был как удар по лицу наотмашь. Мэйр скрестила руки на груди, борясь с желанием забиться в самый дальний угол изолятора, и сделала шаг вперед.

И еще шаг.

И еще.

С каждым крохотным шажком страх усиливался, а вместе с ним и давление жуткой силы. Из носа потекла кровь. В ответ на явную агрессию изнутри взметнулась ярость, темная и глухая. Живая сталь забурилась в жилах, запела грозную песню, требуя стиснуть руки на шее мажонка, свернуть ему башку, переломить надвое жалкий хребет...

...да только вот сложновато это, когда идти не можешь. Перед глазами замелькали черные мушки, в ушах зазвенело. Чужая ярость давила все сильнее, пригибала к полу, заставляла опустить руки, обрубала на корню любое сопротивление...

Сопротивление.

«Он чувствует мои эмоции и зеркалит их, – сообразила Мэйр, скорее по наитию, нежели по логике происходящего. – Чем сильнее я зверею, тем сильнее меня продавливают».

Она сделала шаг назад. Закрыла глаза, задышала медленно и глубоко, вошла в состояние безмятежности – любого ментала, даже если он целитель, перво-наперво обучают контролю над эмоциями. Невидимые тиски, сдавливающие голову, немного ослабли, и тогда Мэйр высвободила силу. Темная, но вкрадчивая, она столкнулась с агрессивной магией незнакомца, однако не противилась ей – обволакивала, опутывала, просачивалась сквозь нее, как дым через прутья решетки. Она несла не злость, не желание убить – Мэйр старательно распространяла вокруг себя ауру спокойствия и сопереживания.

И это сработало.

Силва Ваор был прав. Темные маги не любят договариваться по-хорошему; только она, непутевый и неправильный подменыш, на такое способна.

Злоба вперемешку с толикой страха в черных глазах сменились удивлением. Незнакомец прищурился и чуть склонил голову набок, внимательно рассматривая ее. А затем вдруг с силой сжал руку в кулак, задышал чаще и зажмурился, будто пытаясь собраться. Давление его чудовищной силы ослабевало медленно – темную магию всегда сложнее усмирить и заставить подчиняться, но парень явно пытался. Неумело и неправильно, дергая ее на себя, будто взбесившегося зверя за цепь.

Идти стало легче. На мозги давило уже не так сильно, хотя Мэйр была уверена – будь на ее месте кто-то другой, к этому моменту несчастного можно было бы выносить.

Незнакомец вдруг поднялся с койки и сделал шаг навстречу, заметно припадая на правую ногу. За спиной послышался шум открывающейся двери, но Мэйр успела махнуть рукой, останавливая непрошенных гостей. Не хватало еще похерить то, чего она смогла добиться. Слушаться ее никто не торопился, и чужая ярость обожгла снова; удержать себя в спокойном состоянии удалось ей с трудом.

– Закройте нахер эту гребаную дверь! – процедила она, не отрывая взгляда от стоящего напротив парня.

От ее фразы тот вдруг дернулся, как-то странно усмехнулся и сделал еще один нетвердый шаг. К лицу Мэйр потянулась рука, мозолистая, даже с виду тяжелая и крепкая. Длинные пальцы коснулись лба, обвели нос, заставив поморщиться, чуть задержались на нижней губе, скользнули по шее и вцепились в воротник рубашки. Несильно, но этого хватило, чтобы на миг запаниковать- незнакомцу, несмотря на nepотpeбное состояние, явно хватит сил придушить ее. Парень дернулся, будто его ударили, тут же убрал руку и отшатнулся.

Надеясь, что не сделает хуже, Мэйр подалась вперед и стиснула пальцы на его плече. Парень вздрогнул, но атаковать не спешил.

Вот и отлично. Физический контакт – одно простое решение целой уймы проблем.

– Не бойся, – тихо, с расстановкой проговорила Мэйр. – Я не причиню тебе вреда. Я целитель. Давай вылечим твою ногу?

И, не дожидаясь реакции, она снова высвободила силу. К счастью, уровень ее дара позволял лечить без картинного наложения рук. Осторожно просканировав своего на редкость непростого пациента, Мэйр сочла его состояние более чем сносным – ни переломов, ни даже

вывихов, одни лишь порезы. Ногу ему распахало здорово, но здесь достаточно просто снять боль и подхлестнуть естественную регенерацию мага.

– Ну вот, – выдохнула она, закончив. И ободряюще улыбнулась парню, подозрительно глазеющему на нее из-под неровно остриженной челки. – Теперь гораздо лучше, не так ли?

Он заторможенно кивнул и медленно перевел взгляд на свою ногу – видимо, она мучила его не первый день. Ну да, вряд ли даже среди сердобольных целителей нашелся бы самоубийца, который согласился бы войти в камеру к поехавшему магу-менталисту, поджарившему мозги дюжине человек.

А затем незнакомец сдвинул ее запястье, посмотрел вопросительно, будто не сразу поняв, где он и с кем, шумно выдохнул и вдруг оттолкнул Мэйр от себя. Наверное, ответный взгляд вышел чересчур красноречивым, потому что даже далекий от адекватности парень решил пояснить:

– Не хочу больше никого убивать. – И добавил чуть слышно и смущенно: – Ты хорошая. Кажется.

* * *

Пара суток покоя и тишины, пусть даже и в пахнущей застарелой пылью камере, – именно то, что ему нужно. Чтобы успокоиться, договориться со своим монстром и хотя бы немного привести свое сознание к ясности. Но обитатели этого места – *маги-менталисты*, мать их так, – не желали этого понимать. И раз за разом прозрачная дверь открывалась, в его камеру кто-то заходил, голова снова начинала болеть от оглушающего шума. Чужая злость чувствовалась отчетливо, плыла перед глазами, впивалась в мозг настойчивыми сигналами «убить и разорвать», отчего его собственная сила охотно шла в атаку, прогрызая себе путь через магию новых наручников. С ними монстру – *им обоим* – пришлось повозиться дольше, чем с первыми, но в конце концов и они стали бесполезными.

В моменты минутного просветления Себастьяну хотелось поинтересоваться, зачем в тюремщики берут идиотов. И не проще ли повесить спятившего психопата, а не заниматься всякой ерундой,

пытаясь влезть в его мозги. Сила, за такие самоубийственные настроения разозлившаяся уже на него, в итоге разлилась по камере. Себастьян не стал сдерживать ее. Даже усмехнулся, когда последний из визитеров развернулся сразу на пороге.

Когда дверь открылась снова, он сразу ощутил: что-то не так. Неясная фигура, расплывающаяся в повисшем мареве, почему-то быстро передумала его убивать и остановилась в нескольких шагах от криво сколоченной койки. Это было... странно. Как и внезапная тишина, пронизанная образами леса, странных существ с крохотными крылышками, сладостей на подоконнике...

Себастьяну вдруг захотелось посмотреть на это неправильное существо собственными глазами. Он дернул разбушевавшуюся силу назад.

«Нам ничто не угрожает, – проговорил он твердо. Но все же добавил: – Пока».

Монстр недоверчиво склонил голову набок. И, то ли рассмотрев, то ли впрямь поняв, что сейчас никакой угрозы нет, вдруг согласился. Неохотно – чудище в его голове нагло быстро, да и привыкло за эти дни к безраздельной власти. Но посетитель понравился ему, это чувствовалось по вмиг изменившемуся настроению.

«Она хорошенькая. Хочешь посмотреть?»

«Хочу».

Внешность неведомого существа интересовала Себастьяна меньше всего. Просто хотелось посмотреть на того, кто не злится на него за один факт существования. Прежде чем...

«В отличие от тебя, я себя контролирую».

«О да».

Он неловко поднялся с кровати, с трудом заставив себя не взвыть от боли в ноге, и шагнул к странной посетительнице.

Кто-то вновь попытался войти, на что та разразилась потоком площадной ругани, заставив его усмехнуться. В далекой прошлой жизни так ругался старый дед Кристоф, бывший моряк и заядлый рыбак, иной лексики попросту не знавший. Ребенком Себастьян любил старика – у того всегда находилось несколько конфеток, которыми он делился с совсем еще мелкой Сэрой.

Кожа под ладонью оказалась теплой и очень приятной на ощупь, как и ткань рубашки. Не то что его щетина и посеревшая от времени

льняная хламида. Незнакомка предсказуемо испугалась, и Себастьян поспешил отдернуть руку – он не хотел, чтобы на него снова злились, ненавидели и считали монстром. Ощущать чужое спокойствие куда лучше, чем поднадоевшую ярость.

А потом ему на плечо легли чужие пальцы, рядом с ухом раздался тихий голос, предлагающий помощь. По всему телу прокатилась волна чужой силы, непривычно ласковой и согревающей, от которой перестала болеть разодранная нога. Монстр успокоился, только хмыкнул напоследок, прекращая давить на разум и позволяя Себастьяну смотреть на посетителя.

Перед ним стояла девушка. Должно быть, его ровесница или даже младше. Одета во все черное, высокая, худенькая и непривычно смуглая. С премилой улыбкой и действительно хорошенькая, ну просто до безобразия. Хотя ее острые, утонченно-резкие черты делали девушку слишком чуждой глазу. Красива, но как-то... не по-людски. Словно перед тобой не живой человек, а изящная статуэтка, отлитая из бронзы.

«Меня законопатили в какую-то тюрьму и явно не планируют отсюда выпускать, а я стою как олух и пялюсь на смазливую девчонку. Нормально вообще?...»

Будь у монстра собственное тело – ну, или более устойчивый контроль над телом Себастьяна, – он наверняка закатил бы глаза.

«Да ты и есть олух, причем слепошарый. Погляди на нее еще раз и ответь себе сам!»

Себастьян послушно поглядел. И заметил следы крови на красивом бронзовом лице – что ему совершенно не понравилось.

Это что, *он* с ней сделал?

«Ну и зачем?»

«Может быть, потому что я чудовище, живущее в твоей голове?»

Ну да, как он мог забыть?

Себастьян разозлился. На себя и собственную силу, бешеную и бесконтрольную, готовую вредить даже тем, кто этого не заслуживает. Ему на самом деле хотелось чуть подольше ощутить тепло чужого тела – просто вспомнить, каково это, – но он оттолкнул знакомку от себя.

Нормальным людям лучше держаться от него подальше.

Она нормальной не была. Иначе не смотрела бы так обиженно, что Себастьяну стало стыдно.

– Не хочу больше никого убивать, – вырвалось прежде, чем он успел сообразить. – Ты хорошая. Кажется.

– Не будь в этом так уверен. – Девушка коротко оглянулась и скорчила кислую физиономию. Она в самом буквальном смысле извлекла из воздуха платок, сияющий белизной на фоне смуглых пальчиков, и с едва заметной брезгливостью утерла с лица кровь, прежде чем снова взглянуть на Себастьяна. – Как себя чувствуешь? Ничего не болит?

– Нет, – покачал головой Себастьян и прислушался к ощущениям. Нога больше не ныла и выглядела здоровой, насколько можно было увидеть через разорванную штанину. Слегка болела голова, с чем вполне можно было смириться, да тянуло закованные руки. – Спасибо. Можешь идти.

– Пожалуйста. Я никуда не тороплюсь, – протянула целительница елейно-доброжелательным тоном. – Теперь давай-ка снимем это, все равно толку никакого... – Его освободили от тяжелых наручников. Стало заметно легче, будто эта пакость весила полдюжины стоунов. – Вот так. Сейчас, если ты не возражаешь, я позову лорда Фалько. Он хочет тебе помочь, а не навредить, поэтому, пожалуйста, не пытайся поджарить его мозги. Договорились?

Себастьян покачал головой. Он припоминал – с ним уже разговаривал какой-то мужик, очень сильный и без бардака в мозгах. И вроде бы даже пытался помочь. Не вышло – монстру незнакомец пришелся не по душе. В отличие от этой девочки, но в подобном Себастьян не собирался признаваться даже себе. Ему много кто нравился раньше, и ничем хорошим для них это не закончилось.

– Не договорились, – возразил он, машинально растирая запястья. – Не люблю лордов.

«Для кругом неменяемого ты что-то сказочно быстро обнаглел», – донеслась, будто издалека, саркастичная мысль. Чужая, не принадлежащая ни монстру, ни ему самому. Это целительница. И она явно догадывалась, что ее услышали, однако и бровью не повела.

– Я пыталась дать тебе хоть какую-то иллюзию свободы выбора, но нет так нет. – Она неспешно повернулась к двери, ничуть не боясь

показать спину «кругом невменяемому». – Уилл, заходи уже! Давай тут разберемся, пока я его в чувство привела!

В камеру вошел уже знакомый светловолосый мужчина – по-видимому, то и был обещанный лорд. Как и положено лорду, нарядно разодетый и с высокомерной физиономией, которая все еще казалась смутно знакомой.

– Так-так, – протянул Фалько, насмешливо щуря глаза – очень темные, чуть раскосые, совсем как у самого Себастьяна, – вижу, нашему подмышу удалось немного разогнать дурь у тебя в башке. Как самочувствие?

– Жив, – коротко ответил Себастьян, внимательно вглядываясь в его лицо.

И снова не услышал ничего. Словно в голове этого Фалько была глухая стена, без единой щели – ни мыслей, ни эмоций, только ощущение силы и каменное спокойствие. Не такое, как у безымянной целительницы – от нее оно исходило волнами, было приятным и теплым. Собственная сила дернулась было, озадаченная и жаждущая проверить, в чем дело, но Себастьян успел удержать ее.

«За лорда нас точно повесят», – напомнил он своей «дури в башке».

Удивительно, но монстр предпочел промолчать.

– Что вам нужно от меня?

– Много чего, – ухмыльнулся Фалько. – Главная моя хотелка – крышу тебе подлатать. И в твоих же интересах этому посодействовать. Если хочешь жить, конечно же.

Себастьян хотел. Наверное. Пару раз («Пару *десятков* раз», – ехидно поправил внутренний голос) он задумывался о самоубийстве. Слабовольно, зато действенно, если и впрямь не хочешь вредить невинным людям. Но монстр был против, и после таких идей Себастьян по нескольку дней валялся в отключке.

– Я не знаю как, – неохотно протянул Себастьян, еще раз покосившись на целительницу. Та сверкала своими не по-людски зелеными глазами и мягко улыбалась уголками рта, словно подбадривая. – В смысле... как содействовать. Не знаю.

– Ты не умеешь, и в том не твоя вина, – проникновенным тоном заверил лорд. Однако лицо его на пару мгновений сделалось жестким и почти свирепым. – Виноватого я непременно найду, и если ты

можешь сказать, то говори: кто и зачем столько времени прятал тебя от нас?... Кстати, Мэйр, лет-то ему сколько?

– Двадцать пять или чуть больше, – отозвалась Мэйр.

– Двадцать восемь, – поправил Себастьян и отступил назад, к койке. Он устал и хотел есть, и плевать, что в деэабилье с лордами не разговаривают. Подавить моментально возникшие мысли о зажаренном на костре кролике удалось с трудом. Дай боги, если пресная баланда перепадет. – Вы позволите? – Фалько кивнул и взмахом руки подвинул к себе стул, притулившийся возле спинки кровати. Целительница, скрестив на груди тонкие руки, застыла у него за спиной эдаким строгим изваянием. – Меня зовут Себастьян Траун, родился в Сером Доле. Дыра дырой, вряд ли вы слышали.

– Серый Дол, Серый Дол... – Фалько нахмурился в задумчивости. – Серый Дол! Как же, помню... Третий городок сгорела, остальные жители перерезали друг друга к такой-то матери. Выжившие через одного спились да свихнулись. Кто остался в уме, те наотрез отказались там жить. Впрочем, первые лет пять там никто не хотел селиться, после такой-то мясорубки... Так это ты угробил тот занюханный городишко, юное дарование?

Очень хотелось съязвить, мол, кошунство Серый Дол называть городом. Пафосный лорд по-прежнему ощущался глухой каменной стенкой, однако в его глазах было нечто, нагоняющее робость. Лорд определенно прикидывал, стоит ли убить Себастьяна прямо сейчас, и если да, то как это лучше сделать.

– Уилл, он не виноват, – тихо, но твердо проговорила Мэйр, кажется, тоже уловившая направление мыслей Фалько.

Тот раздраженно повел широкими плечами.

– Я это знаю, ты это знаешь, но от этого ситуация не становится проще. Серый, м-мать его, Дол... У нас такой фееричной ходячей катастрофы со времен Блэр не случалось! Боги и богини, надеюсь, светленькие об этом не прознают. Изойдут ведь на говно! – Он покачал головой и со вздохом откинулся на стуле. Черные глаза недобрым взглядом впились в лицо Себастьяна. – Разгребать это все, конечно же, прекрасному мне, ну и лорду нашему канцлеру, чтоб ему упиться добрым синтарийским. Слушай, парень, врать тут бесполезно: даже не будь я менталистом, вся эта херь шита белыми нитками. Потому давай-ка выкладывай, кто тебя от нас прятал и зачем.

– И с чего бы мне врать? – натужно усмехнулся Себастьян. Внутри неприятно кольнула магия.

Ни его чудовище, ни он сам не любили вспоминать ту историю, хотя скрывать и впрямь было нечего. Убивать тех людей, жителей Серого Дола, он не хотел – они были ни в чем не виноваты. Впрочем, он не испытывал жалости ни к одному из них. Разве что кроме Сэры, так не вовремя вернувшейся домой. Сестра была единственным человеком, ради которого Себастьян хотел бы снова вернуться в тот день и все исправить. Сила, словно заслышав его мысли, выплеснулась было наружу, но ему снова удалось ее удержать.

«Не надо, пожалуйста».

Монстр фыркнул, но утихомирился.

– Себастьян? – обеспокоенно окликнула Мэйр.

– Все в порядке. Это все еще я. – Себастьян приподнялся на койке, поправил подушку под спиной, устраиваясь удобнее. – Я не знаю, почему меня прятали именно от вас. И кто такие «вы» – не знаю тоже.

– Лорд Вилмар имел в виду магов и Эрмегарскую Академию, обучение в которой строго обязательно для каждого гражданина Империи, обладающего магическими способностями, – пояснила она. – Когда твои способности пробудились, магистр, ответственный за твой населенный пункт, должен был отследить тебя по специальному артефакту, сообщить в Академию и доставить тебя в столицу.

– А мы знать о тебе не знали, – вступил в беседу лорд Вилмар. – Так что Расскажи-ка свою сказочку, парень, мне страсть как охота ее послушать.

Себастьян нахмурился, почти физически ощутив, как в голове щелкнуло – недостающий кусочек мозаики, столько лет мучивший его, встал на место.

– Так себе сказочка. Тем магистром был мой дражайший опекун, Родерик Траун.

Лицо целительницы вытянулось, а лорд нахмурился еще сильнее, отчего его брови почти превратились в одну сплошную полосу. Забавная реакция, если опустить причину, разумеется.

– Твой отец, будучи магистром, знающим о твоей силе, сознательно прятал тебя? Темного менталиста?! – медленно протянул Фалько, меняясь в лице и стремительно краснея. Очевидно, от злости –

даже несмотря на хваленый непробиваемый блок, Себастьян почувствовал его эмоции.

Монстру это не понравилось – он вскинулся, едва ли не зашипел. По его мнению, всякий, кто называл Родерика отцом Себастьяна, заслуживает смерти.

– Отец? – Он скривился и, не сдержавшись, сплюнул на пол. Невежливо так делать в присутствии лорда... и красивой девушки. Но пусть скажут спасибо, что вообще еще живы. – Родерик – мой отчим. Мама вышла за него уже будучи беременной. А он воспитывал меня. Учил отгораживаться от чужих эмоций и голосов в голове. Управлять *магией*. – Себастьян чуть отпустил монстра, позволяя ему высвободить немного силы. Что-то он сегодня удивительно послушный. – Траун собирался меня кому-то продать и даже взял задаток. Но я узнал об этом, слетел с катушек и отправил на тот свет отчима, свою сестру и половину деревни.

Воспоминания встали перед глазами так четко, словно и не было этих десяти лет; словно все случилось вчера. Впечатлился не он один – по нервам ударила чужая злость. Рано Себастьян обрадовался – монстр рванул вперед, пытаясь защитить своего бестолкового хозяина, оградить от боли, ужаса и ненависти. Понять, что ярость обращена не на него, удалось не сразу, для этого пришлось призвать на помощь все крохи рассудительности и здравого смысла.

– Себастьян. – Чужая рука, теплая и удивительно легкая, легла на затылок. Магия окутала его, возвращая миру давно уже непривычную четкость. – Себастьян, – уже более твердо повторила Мэйр, привлекая его внимание.

Он поднял голову и встретился с ней взглядом. Глаза целительницы, раскосые и зеленущие, как у лесной кошки, жутковато сияли в тускло освещенной комнате. Глядя в эти глаза, охотно верилось, что перед тобой *подменыш*, дитя лесных эльфов. И то сказать – если есть магия, то почему бы эльфам не быть тоже?...

– Я в порядке, – наконец пробормотал он. Мэйр медленно качнула головой.

– Ты не в порядке, – ее рука сползла чуть ниже, невесомо поглаживая; ощущение спокойствия усилилось. – Себастьян, пойми, я не буду сидеть при тебе всю оставшуюся жизнь. Не поддавайся силе, пробуй управлять ею сам.

Как будто он не пытался.

– *Он* сильнее меня.

– Это не так. Ты тут главный, запомни это накрепко – и все получится. – Мэйр ободряюще улыбнулась, демонстрируя совсем не эльфийские клыки. – Остальному я тебя научу... Мы научим.

С этими словами она повернулась к лорду Фалько и совсем другим, ничуть не ласковым тоном поинтересовалась:

– Ваше благородие, не могли бы вы уgomониться? Все это праведное бешенство плохо влияет на пациента.

– Какой-то мерзавец изуродовал своего ребенка! Хотел продать его, как фунт мяса или надоевшую безделушку! – взъярился лорд Фалько, от избытка чувств вскочив на ноги и едва не опрокинув стул. – Нет, мать твою неблагую, я не мог бы уgomониться!

– Придется, Уилл. Иначе я уgomоню тебя сама.

Фалько, казалось, был не прочь проверить, кто тут кого уgomонит. Однако, помедлив, он кивнул и глубоко вдохнул, чтобы успокоиться.

– А как же твой родной отец? – Себастьян не сразу понял, что обращаются к нему, но разгневанный лорд глядел как раз таки на него. – Неужели ни разу не объявился и ничем не помог? Уверен, он был магом, а маги так не поступают.

Себастьян послушно кивнул.

– Объявлялся. Когда я был маленьким. Приходил к нам в дом, распивал чай с Родериком и мамой. Особо приятного впечатления не производил – высокомерен был побольше вашего. Но меня и маму, кажется, немного любил. Спрашивал, хорошо ли нам живется в Сером Доле. Рядом с ним было, – он замялся, пытаясь подобрать правильное слово, – спокойно. Жутковато, но спокойно. Мне было семь или около того, когда я видел его в последний раз. Небось, завел семью получше.

– Интересно получается, – хмыкнул Фалько, что-то напряженно обдумывая. – И как же его звали?

Он не успел ответить: тяжелая дверь снова приоткрылась. На пороге стоял... видимо, очередной лорд, моложавый и расфранченный, как на бал к императору. Этого типа отличали кретинская борода и на редкость кислое выражение лица.

– Эдрианом его звали, – выдал лордик, в упор глядя на Себастьяна и недовольно кривясь. – Мои поздравления, Уилл. Не твое добро. Как я и думал, это пропавший байстрик Лейернхарта.

Глава 3

Себастьян прищурился – незнакомец не понравился ему с первого взгляда. В голове бородатого пижона тоже имелась «стена», но не как у лорда Фалько, а хрупкая и какая-то неправильная.

«Ментальный артефакт», – определил он, припомнив «уроки» отчима и чудом не передернул плечами при воспоминании о нем. Тот регулярно тратил едва ли не все имеющееся в доме золото на разноцветные побрякушки, которые потом заставлял ломать. После таких занятий голова болела по три дня.

Стоило приспустить магию снова, как в голове раздался неприятный хруст. Так по весне трещал под ногами истончившийся лед на озере Недволл. Надменность мигом слетела с холеного лица, а сам визитер сделал шаг назад.

– Поаккуратнее, мальчик.

– Ваш артефакт – дерьмо собачье, – пожал плечами Себастьян. – И мне плевать, кем был мой отец. У меня не складывается с родственниками.

– Понимаю, мой дорогой Себастьян. У меня с наглыми сопляками тоже не ладится, – проворчал пижон. – Вашу ж Элриссу мать, что за детки пошли? Мало мне было Блэр с ее женишком-недодемоном... ну и прочих длинноносых синтарийских ублюдков, – он перевел свои белесые зенки на целительницу, явственно давая понять, кого имел в виду. От Мэйр на короткий миг полыхнуло злостью, и Себастьян с трудом удержал силу на цепи... Вот только ринулась она не на источник агрессии, как делала всегда, а на расфуфыренного лорда.

Это было странно. Непривычно. И вместе с тем... правильно?...

«Правильно, – согласился монстр. – Целительница симпатичная, а у этого глазенки мерзкие и борода дурацкая».

Себастьян коротко хмыкнул. Мэйр тут же бросила на него быстрый взгляд, заставив смутиться, и заговорила, обращаясь уже к вошедшему:

– Ваше гребаное лордство, не соблаговолите ли вы порассуждать о красоте моего носа и законности рождения в другой раз? – С ее стороны все сильнее тянуло раздражением. – Уверена, Себастьян по

горло сыт вашим сиятельным обществом, лорд Дорих, так что сейчас вы дадите ему вымыться, поесть и поспать.

Дорих насмешливо вздернул брови.

– Это приказ?

– Это руководство к действию, – невозмутимо откликнулась Мэйр. Однако ее нелюдские глаза снова недобро сверкнули. – Если вы не хотите поглядеть, во что превращаются синтарийские ублюдки, когда их пациентам доставляют неудобства.

Дорих вскинулся и явно хотел сказать очередную гадость, однако Фалько ему не дал.

– Тихо, Арлен, – начал он миролюбивым тоном. – Мэйр права. Пацан от нас никуда не денется. А про его папашу мы еще поговорим. В более... конфиденциальной обстановке.

И глянул на Себастьяна так, что ему тут же захотелось согласно закивать, мол, говорите о чем хотите, мне неинтересно. Вранье, конечно, но сбрить щетину, от которой нещадно чесались щеки и подбородок, смыть с себя многодневную грязь и поесть хотелось больше, чем слушать душещипательные сказочки о разлученных родственниках.

«Нормальный человек хоть поинтересовался бы».

«Я не нормальный. Тебе ли не знать?»

«И то правда».

К удивлению Себастьяна, спорить этот Дорих не стал. Фыркнул что-то уничижительное, развернулся на каблуках и вскоре исчез в одном из коридоров. С его уходом стало не в пример легче – сила тут же успокоилась, понимая, что ни ему, ни Мэйр больше ничего не угрожает. Знать бы еще, с чего ему вздумалось защищать целительницу. Вряд ли той вообще что-либо угрожало: на безобидного котенка Мэйр не похожа, скорее, на хищную кошку – с когтями, клыками и прочими врожденными данными убийцы.

– Милые у вас тут люди, – протянул Себастьян. – И да, «тут» – это где вообще?

Своевременный вопрос, ничего не скажешь. Особенно для того, кому в людных местах и поселениях лучше не появляться. С другой стороны, не он же сюда пришел, а значит, возможные жертвы на совести этих... лордов.

«А милашка на тебя хорошо влияет», – довольно ухмыльнулся монстр. Будто приятную новость услышал, не иначе.

«Заткнись».

«Вот ты уже не плачешься по каждому человечку...»

«Заткнись нахрен».

– Добро пожаловать в Иленгард! – Голос Мэйр, резкий и ядовитый, отвлек Себастьяна от разговора с самим собой. – Хотя и столица, а все равно дыра. Только ублюдки все сплошь высокомерные лорды.

– Захочешь избавиться от сотни-другой – обращайся, – хмыкнул Себастьян, прежде чем подняться с койки. – Опять наденете наручники?

– Изумительное нахальство, – картинно умилился Фалько, прежде чем вернуться к деловому тону. – И без наручников обойдемся, все равно с подменыша толку больше. Мэйр, ты же здесь работала, должна ориентироваться? Я разберусь с одеждой и едой, а ты отмоешь парня.

– Самолично? – подчеркнуто сухо уточнила Мэйр.

– Ну-у, тут вы сами разберетесь, не маленькие уже.

Скроив похабную физиономию и не менее похабно подмигнув, лорд удалился.

Себастьян, дождавшись, пока Фалько скроется за поворотом, повернулся к Мэйр.

– Я не собираюсь сбегать.

– Можешь попробовать, – великодушно разрешили ему. – Идем.

Стоило переступить порог, как в голове сплошным потоком зазвучали сотни чужих мыслей. Разбуженная шумом сила дернулась было вперед, отчего Себастьян непроизвольно сделал шаг назад, в спасительную тишину камеры. Справляться с хаосом в собственных мозгах он худо-бедно научился, да и вновь превращаться в потерявшего контроль берсерка перед Мэйр не хотелось. Как и навредить ей – целительница стала первой, кто не думает о нем как о свихнутом монстре. Глупо с ее стороны. Но приятно, этого не отнять.

– Сейчас. Привыкну только.

Едва лишь чужая рука легла на плечо, как назойливый шум в голове... нет, не отступил, но сделался не таким навязчивым и раздражающим. Мэйр мягко потянула его вперед, побуждая идти дальше, и Себастьян пошел. По пути он отстраненно размышлял, что

такое эта девчонка проделала с ним- дважды – и как за считанные минуты умудрилась усмирить чудовище, которое сам Себастьян не смог посадить на цепь за восемь лет. Но ему не удалось выдумать внятного объяснения, кроме как «это магия».

«А еще она мне нравится».

Себастьян закатил глаза.

Душевые оказались здесь же, за одной из давно не крашенных дверей – судя по всему, этот этаж не часто принимал гостей, и за его состоянием не следили. Впрочем, не Себастьяну придираться к облезшей краске или сколотой плитке: совсем недавно купальной ему служила лесная речушка, по берегам которой росли камыши и квакали лягушки. В озере Недволл вода была чище, но летом его облюбовывали всякие влюбленные парочки, которым нипочем была дурная слава «озера самоубийц» и легенды о «сотнях неупокоенных душ». Сладкую романтическую чушатику о любви и звездах (а на деле – о том, кто кого и в какой позе поимеет) слушать не хотелось, а думали глупые мальчики и девочки очень громко.

Себастьян стащил через голову то, что когда-то называлось рубашкой. Поморщился – мало того, что она вся была в каких-то подпалинах, да и в целом больше напоминала лохмотья, так и воняло от нее просто невыносимо. Как рядом с ним сидел тот расфуфыренный лорд и не кривился? А Мэйр?

«А я давно говорил – давай прибьем какого-нибудь богача и займем его дом».

«Плохо убеждал».

Себастьян потянулся к пуговицам на штанах, когда услышал за спиной тихое покашливание. Развернулся – и снова не смог удержаться, чтобы не увязнуть в зеленых глазах. Так, он явно сделал что-то не так. Потребовалось время (и один взгляд на собственный непрезентабельный вид), чтобы до него дошло:

– Эм-м, я не должен так делать, да? Извини, я... отвык. От людей.

– Все в порядке, – Мэйр безразлично пожала плечами, – у меня восемь лет практики, на голых мужиков вдосталь нагладелась. Или это я тебя смущаю? – Она снова улыбнулась – на сей раз почти незаметно; лишь чуть дрогнули уголки четко очерченного рта, – прежде чем демонстративно отвернуться к стене. – Прошу прощения.

– Не смущаешь, – коротко отозвался Себастьян и, наскоро сбросив штаны, шагнул в кабину.

В чистой одежде, вымытый и выбритый, он почувствовал себя человеком. Даже здоровым отчасти – после теплой воды вместе с пылью сошла усталость и придурь.

«Можешь же прикидываться нормальным, когда хочешь!»

Теперь нужно было всерьез подумать, что делать дальше. Ну или узнать, что собираются делать с ним – интуиция настаивала, что в ставшую родной хижину он вернется очень не скоро.

Себастьян нахмурился. Снова становиться лабораторной крысой ему не улыбалось.

– Кто такой этот Лейернхарт? – поинтересовался Себастьян, когда они с Мэйр расположились за принесенным в его камеру крепким деревянным столом, заваленным всевозможной едой. Не похлебкой из воды и рыбьего хвоста, а мясом, овощами, свежим хлебом, сладостями, которые Себастьян решительно от себя отодвинул, потому что Мэйр смотрела на пирожные с нескрываемым вождением. Имелся даже кувшин с каким-то пойлом – и это для психопата-убийцы!

Правду говорили: хочешь задобрить мага – дай ему пожрать.

«Надо было сдать раньше».

– Эдриан Лейернхарт? Покойный лорд-канцлер, – отозвалась Мэйр, задумчиво глядя перед собой. – И твой отец, раз уж даже его неуважаемый преемник так уверенно об этом заявил, – она усмехнулась. – Мы поначалу взялись зубоскалить, что это Фалько тебя нагулял. Лицом ты на него похож, его родовой дар у тебя во всей красе проявился... Но теперь все ясно: если ты сын Лейернхарта, то Фалько и его дети – твоя родня, потому что эти двое были кузенами. Да и Дорих, получается, тоже не чужой – его сестра Виктория была замужем за твоим старшим братом.

– Большая и любящая семья. – Себастьян скривился и отпил вина. Немного, но опьянение он ощутил почти моментально и решительно отставил кубок – проблем с головой хватало без всякого алкоголя. – А почему «была»? Мой... брат мертв?

– Гейбриел помер лет десять тому назад, причем с большим шумом. Долгая история, а уж кровищи сколько... в общем, как-нибудь расскажу, но не сейчас.

«А ты в лесу сидеть хотел».

Ну конечно, куда без личного монстра и его ценного мнения?

– Ладно. – Себастьян пожал плечами. В отличие от его психованной стороны, ему до собственного нынешнего статуса дела нет. Ну, почти. – Это получается, я теперь целый лорд?

Мэйр нахмурила брови, явно что-то припоминая.

– У тебя вроде как племянница есть, ей сейчас лет четырнадцать... или больше, не знаю точно. Если лорд-паук не узаконил тебя перед смертью, то наследует она, а потом уже ты. Да и слава богам! – убежденно заявила она, будто утешая. – Целее будешь. Мать девчонки – не какая-нибудь светская кокетка, а целая леди Дорих. У семейки лорда-канцлера та еще репутация, знаешь ли.

– Недаром он мне не нравится.

– Он никому не нравится.

– Ну... лорд Фалько не хотел его убить. В отличие от тебя, – Себастьян насмешливо ткнул вилкой в сторону Мэйр, флегматично ковыряющей пирожное ложечкой.

– Для темного мага желание кого-нибудь прибить – вещь вполне обыденная. Увы, кровожадность – часть нашей натуры, и даже имперские законы это учитывают. Убить можно, защищаясь, или в состоянии аффекта, или по долгу службы, например... Имеется много оговорок, что дико бесит некоторых светлых. Главное – не убивать просто так, по первому желанию. Усмирить силу тебе помогут, однако усмирять жажду насилия ты будешь сам. А если не сможешь, то... – Она развела руками и нервно заправила за ухо прядь смоляных волос. Себастьян, хоть и проникся серьезностью тона, не смог не поглазеть на чуть оттопыренные и заметно заостренные уши. *Подменыш*. Неужто сказки про эльфов, крадущих у людей младенцев, – чистая правда? – Короче, маньяков у нас в тюрьмы не сажают, а сразу отправляют на свидание с Хладной Госпожой. Даже если у них такой исключительно мощный дар, как у тебя.

– Я не просил этого... дара. И был бы рад избавиться.

«Эй! Я, между прочим, защищаю твою задницу!»

И ведь не поспоришь.

«Извини».

– Мы худо-бедно договаривались все это время. Ваши люди пришли в мой дом. И захотели убить. Ему это не понравилось. Мне

тоже.

Мэйр устало вздохнула и потерла переносицу. В комнате мелькнул и пропал отголосок ее эмоций, довольно сумбурных и оттого неопределимых. Просто удивительно, как при таком раздрае она умудрялась сохранять невозмутимый вид.

– Ты был в лесу, а не на необитаемом острове, и это вполне закономерно, что пришлось встречать гостей. Пойми, Себастьян, – его имя, произнесенное с этим странным певучим акцентом, даже показалось не таким глупо-вычурным, как обычно, – с силой не договариваются, ее подчиняют. И ты обязательно подчинишь, стоит только захотеть.

– Сомневаюсь. – Себастьян поморщился и отставил тарелку в сторону.

Он пытался. В детстве, когда отголоски чужих эмоций пробуждали в нем злость, Себастьян пытался закрываться. Прятался на чердаке, закрывал уши руками, чтобы не слышать, не чувствовать, быть более... нормальным. Спускался, когда становилось легче и тише. И всякий раз получал от отчима порцию нравоучений – будущий маг не должен прятаться, если не хочет прослыть слабаком.

«Люди боятся только силы, – говорил он в конце каждой воспитательной речи, коих было слишком много. – Ты же сильный мальчик, ведь так?»

Если бы Себастьян мог, он бы убил его еще раз. Даже без помощи монстра.

– Не говори ерунды! – отрезала Мэйр, снова сверкнув глазами. – Моя землячка, Киара Блэр, в неполные пятнадцать лет стерла с лица земли целую деревню. Прокляла землю, уничтожила все живое на милю вокруг, ну и на десерт подняла нежитью всех убитых, а заодно и тамошний погост. Говорят, это было чудовищно. Однако Блэр не развеяли прахом по ветру, а забрали в Академию и научили всему, что нужно. Теперь она уважаемый архимаг, командер полиции, приятельница самого императора... героиня и все такое. А если уж из такой inferнальной жути сделали приличного человека, то тебе и подавно деваться некуда.

– Мне было восемнадцать, – проговорил Себастьян. – Отчим уже тогда говорил, что это очень поздно. А сейчас мне двадцать восемь.

Кто возьмется учить чьего-то там ублюдка с порченными мозгами? Еще и бесплатно.

– Может быть, прекратишь повторять всякую чушь за подлым и лживым ублюдком? – подчеркнуто вежливо предложила целительница. И снова оставалось только поразиться ее умению держать лицо – на Себастьяна жаркой волной плеснула чужая злость, которая, впрочем, тут же схлынула, как будто ее и не было вовсе. – Восемнадцать – это не поздно. Верхняя граница нормы, так скажем... Образование бесплатное хотя бы потому, что ты по закону обязан его получить. Необученные маги потенциально опасны, поэтому никто не станет спрашивать ни тебя, ни преподавателей, у которых ты будешь обучаться. Это ясно? Вот и славненько. Если ты закончил с ужином, то давай укладываться спать.

Себастьян оглянулся на кровать – крепкую, застеленную чистым бельем. Так было очень давно, в прошлой жизни, когда еще стоял Серый Дол, мама была жива, а отчима хотелось называть отцом.

Отчима, который сломал ему жизнь и мозги ради кошелька с золотом.

– Я не хочу спать. Я хочу... узнать больше о себе. То есть как о менталисте. При магию и как все это работает. У вас же есть книги для таких, как я?

Мэйр вздохнула – скорее устало, чем раздраженно, – и, помедлив, кивнула.

– Любая твоя просьба – *разумная* просьба – будет выполнена, так что не стесняйся просить. Книги будут. Только я прошу тебя, не пытайся по ним колдовать! Тебе самому это будет не слишком полезно, сначала защиту нанести надо.

– Защиту?

– Татуировки.

Она перекинула длинные волосы за спину, закатала до локтя рукав рубашки, затем расстегнула несколько пуговиц у ворота, обнажая шею и острые ключицы. Смуглую кожу покрывали загадочные чернильно-черные знаки; они складывались в причудливый узор (или, быть может, заклинание), который змеился от кистей рук и основания шеи, уходя под одежду.

– Вместе с краской под кожу вводится ювелирная пыль, на которую ложатся чары, помогающие стабилизировать магическую

силу и облегчить колдовство, – менторским тоном пояснила Мэйр, нарушив несколько затянувшееся молчание. – Мы с Уиллом начнем наносить каркас, когда сочтем, что ты к этому готов.

Себастьян рассеянно кивнул, наблюдая, как она приводит одежду в порядок – спешно, почти нервно. Может, эта невозмутимая с виду целительница и равнодушна к голым мужикам, но сама, немного оголившись перед едва знакомым человеком, явно испытывала дискомфорт. Хотя внешне смущения не выдала, разве что чуть порозовели изящные скулы и заостренные кончики чудных эльфийских ушей.

«Такая милая», – поведал монстр флегматично.

«Долбанулся?» – переспросил Себастьян почти со священным ужасом. Нет, ему сдержанная и деловитая девочка-фея тоже казалась прехорошенькой... Но его личное чудовище если и находило что-то милым, то это обычно было связано с кровопусканием и чьей-нибудь мучительной смертью.

Монстр не удостоил его ответом.

Вместо этого он – ну потому что Себастьяну это в голову бы не пришло! – поймал ее за тонкое запястье, потянул на себя. Мэйр едва слышно выдохнула и посмотрела непонимающе, в мыслях ее царил беспорядок.

– Красиво, – проговорил Себастьян, поглаживая большим пальцем испещренную татуировками кожу. – Хоть и странно. Немного.

– Да я вообще одна сплошная странность, – с легким недовольством проворчала Мэйр, аккуратно высвободив руку. – Все же попробуй поспать. Я помогу, если хочешь.

Зачем он кивнул, Себастьян и сам не знал – с чем с чем, а со сном у него проблем никогда не было. Монстр заботился о своем дурном хозяине, отправляя чуть ли не в кому всякий раз, когда тот выматывался. Просто хотелось ощутить еще немного чужой магии. Уютной, незлой и очень... волшебной.

– Засыпай, – негромко велели ему. Теплая ладонь коснулась лба, отчего сделалось еще спокойнее. – Я уйду, но потом вернусь. И буду возвращаться до тех пор, пока тебе это нужно. Не волнуйся.

– Я не волнуюсь. Сейчас – нет.

Чужая сила пробралась в мозг Себастьяна, окутала его незримой сетью, усмирила внутреннего монстра. Может ли такое сделать

любой маг? Или только эта беззащитно-трогательная с виду девушка, что ощущалась то прохладой весеннего леса, то жаром нагретой на солнце стали?...

— А п-правда, что эльфы подбросили тебя людям? — невпопад пробормотал Себастьян, глядя на нее из-под отяжелевших ресниц и уже толком не понимая, что мелет. Дремота наваливалась медленно, но верно. — Зачем они?...

— Фейри, — поправила Мэйр, улыбаясь, однако веселье не затронуло ее ярких звериных глаз. — Правда. Не нужна была, вот и подбросили.

— Они что, идиоты? — Изумление было неподдельным, хотя невесть откуда взявшуюся сонливость не согнало. — Была бы ты моей... я б тебя точно никому не отдал.

«Звучит как угроза», — донеслась до Себастьяна насмешливая мысль, прежде чем он отключился.

* * *

— Сколько их?

То был первый вопрос, который Мэйр задала, едва вышагнув из портала возле дома четы Фалько.

— Хотел бы я знать, — сварливо отозвался лорд Вилмар. — Да хрен бы там: дальше рабочей памяти он меня не впускает. Чужое присутствие просекает на раз. Племянничек, м-мать его так...

Едва они оказались в уютной светлой гостиной, он грубовато толкнул Мэйр в кресло и сам тяжело опустился рядом с ней на одно колено.

— Подменыш, ты как, нормально?

— Сойдет, — пробормотала Мэйр, против воли принимаясь сонно тереть глаза. Сил на поддержание темного психа в светлом уме уходило немерено. — Это, конечно, не моя заслуга... меня Неметон подкармливает.

— И то хорошо. — Фалько деловито кивнул и переместился на диван, чтобы подозрительно глазеть уже оттуда. — Я боялся, пацан тебя прибьет или с ума сведет... А тебе хоть бы хны.

Мэйр покачала головой.

– Я была добра к нему, сам же он просто хотел, чтобы о нем хоть кто-нибудь позаботился. Только и всего.

– Только и всего! – передразнил он в ответ. – Я к нему тоже, знаешь, не с топором пришел!

Она насмешливо вскинула брови, отчасти даже изумляясь, как Уилл, при его-то ментальном могуществе, не понимает очевидной вещи.

– Уилл, ты пришел к нему с извечным сволочизмом темного мага, окатил его своим треклятым гражданским долгом и заполировал эффект мечтами свалить на пенсию. Я пришла с сочувствием и заботой – дать Себастьяну то, чего он так долго был лишен. Как можно не видеть разницы? Милорд, а вы точно менталист-то?

Фалько громко фыркнул, явно уязвленный.

– А о гонораре ты, конечно, и думать забыла?

– Я не думала о золоте тогда, – дернула плечом Мэйр. – Но думаю о нем сейчас, так что вы с Дорихом один демон не отвертитесь. Кстати, где лорд наш канцлер потерялся?

– Обещал прийти чуть позже.

Она кивнула и, прикрыв глаза, устало сползла по спинке кресла.

Сколько их?

Двое как минимум. Второй, конечно же, всего лишь плод воображения Себастьяна, но убедить его в этом будет сложно. Мэйр не сталкивалась с таким на практике, однако уже готова была классифицировать этот случай как тяжелое психомагическое расстройство. Что уж там, по пути от лечебницы до дома Фалько она уже целую «триаду Макинтайр» вывела: множественные стрессы, подвижная психика, нестабильный ментальный дар. Все вместе дает механизм, четко ведущий к расстройству, а проявляется этот покуда безымянный недуг в виде...

– ...и замордовали мне бедную девочку, два бессовестных мудака! – возмущался где-то над головой мелодичный женский голосок. – Ладно она еще маленькая, берегов не чувствует, но у тебя-то должно быть хоть какое-то соображение?! А, о чем это я, его отродясь не было!

– Рани, милая, ну мы ж ради благого дела...

– Отвали, Фалько! Имела я твое благое дело так и эдак! – огрызнулась женщина. Мэйр почувствовала легкую маленькую руку у

себя на плече; ее осторожно потрясли и совершенно другим тоном позвали: – Ну-ну, просыпайся, моя хорошая.

– Прос-стите, я... – промямлила Мэйр, выпрямляясь и осоловело глядя по сторонам, – я задремала?...

– Угу, – промычал лорд Фалько, опасливо косясь на свою супругу – миниатюрную хорошенькую брюнетку с едва тронутым годами, будто фарфоровым личиком, – и явно мечтающая сделаться крохотным да незаметным. – Перетрудилась, видать, м-маленько.

– М-маленько! – передразнила леди Рангрид, бросив на мужа свирепый взгляд. – Твоя забота как старшего – следить, чтобы не «маленько», а «нисколечко»!

– Все в порядке, леди Ф... Рангрид, – спешно заверила Мэйр. Беднягу лорда-менталиста надо было спасать, пригодится еще в хозяйстве. – Приду домой, пообнимаюсь со своим чокнутым деревцем, буду как новенькая.

– Надеюсь, что так! – вышло почти угрожающе, и, видимо, поняв это, Рангрид чуть натянуто улыбнулась. – Выпей чаю, моя хорошая. С земляничными пирожными, как ты любишь!

Она взмахнула рукой, отчего плотно заставленный угощениями чайный столик придвинулся ближе к креслу.

– Хм, да, спасибо...

Благостно кивнув и проследив, чтобы Мэйр воссоединилась с любимыми пирожными, леди Рангрид в очередной раз зыркнула на мужа (тот ехидно улыбался, но тут спешно принял кругом виноватый вид) и покинула гостиную.

– Ух, страшна! – протянул лорд Фалько, глуповато ухмыляясь и глядя на гулко хлопнувшую дверь. – Это она еще не в курсе, что у нас племянник неучтенный образовался... Чтоб меня в Инферно, и как такие новости сообщать?...

– Прости, тебе из-за меня досталось.

– Да брось, не впервой! – отмахнулся он. – Тем более, Рани права: мне следовало дозировать ваше с Себастьяном трогательное общение. Как и Арлену... Кстати, где он застрял? Ну-ка, давай прикончим все сладости, чтоб ему не досталось...

И тут, будто почуяв, что вот-вот лишится десерта, явился лорд-канцлер. Слегка потрепанный и с заметно припухшей скулой.

– Виктория, – пояснил он, осторожно пощупав синяк и состроив кислую мину.

– Я так понимаю, твоя сестричка не обрадовалась новому родственнику? – ехидно поинтересовался Вилмар. Но на ближайшее кресло благосклонно кивнул, мол, присаживайся и жалуйся, все свои. – Ну будет ей, какой Эрмегар без Лейернхартов?

– Виктория предпочла бы, чтобы в Империи остался один Лейернхарт – ее дочь, – отрезал Дорих. – И я вполне могу ее понять: если в столице нарисовался левый сынок Эдриана – значит, нас ждет пересмотр завещания. А там завещание презанятное, поверь.

– Да уж верю. И, небось, в двух экземплярах.

Лорд-канцлер нервно фыркнул, вертя в руках чашку с уже остывшим чаем.

– А дюжину не хочешь? В двух, как же. О паранойе лорда-паука по сей день легенды ходят.

– Твоя правда.

– Ваша сестра хочет оспорить завещание? – подала голос Мэйр.

– В точку, моя дорогая, – ответил Дорих, смерив ее угрюмым взглядом. – Да вот ни демона у нее не выйдет... по крайней мере, без моего вмешательства, а я вмешиваться не стану. За то и пострадал.

Как выяснилось, лорд-паук был не только параноик, но и редкий затейник. Согласно его завещанию, Себастьян Траун, при наличии у него дара к ментальной магии, получает фамилию и титул лорда Лейернхарта, а также майоратное имущество; в противном случае все это наследует старший внук лорда по достижении шестнадцати лет. Внушительный капитал, хранящийся в Имперском банке, следовало разделить поровну между Себастьяном и детьми Гейбриела от Виктории Дорих – при условии, что те будут носить фамилию отца. Самому же Гейбриелу, как и госпоже Эбигейл Траун, причиталась разовая выплата в две тысячи золотых и скромное ежемесячное содержание. По меркам обычного имперского гражданина – суммы немалые, но балованный сынок лорда-менталиста наверняка выпрыгнул бы из штанов от возмущения.

– Мне прямо жаль, что Гейб давно помер, – с притворной печалью заметил лорд Фалько, постучав ложечкой по краю блюдца. – Посмотрел бы я сейчас на его лощеную морду...

– Я ему сразу сказал, что от мальчишки стоит избавиться, – заявил Дорих. – А толку? Он лишь взбесился пуще прежнего. «Лорд Лейернхарт не воюет с мелкими ублюдками, что были прижиты от нищей шлюхи без капли магии в крови!» Нет так нет... И впрямь жаль: я бы тоже полюбовался, как душечка Гейбриел истерит, подобно капризному ребенку.

Мэйр, которая о феерических похождениях Гейбриела Лейернхарта знала только по многочисленным рассказам, тоже была бы не прочь понаблюдать за всем этим цирком. Длился бы он, правда, недолго – ровно до того момента, как Гейб открыл бы рот. Себастьян не Киара, терпеть десять лет не станет.

– Мы бы полюбовались на его скорую кончину, вздумай он ляпнуть такое Себастьяну.

– При условии, что наглый сопляк не помер бы раньше, – как бы невзначай заметил Дорих, меланхолично размешивая сахар в фарфоровой чашечке. – Здесь и сейчас у него все шансы не дожить и до зимы.

– Еще чего не хватало, – мигом рассвирепела Мэйр, услышав лишь намек на угрозу жизни драгоценного пациента. – Пусть ваша милость держит свою сестрицу на коротком поводке, а уж Себастьяна я в порядок приведу. В будущем году пойдет учиться, или я не Мэйраэн Макинтайр.

– Что с ним творится, как по-твоему? – нахмурившись, задал Фалько вопрос, что явно терзал его уже не один час. – Я не стал говорить, хотел дать тебе составить свое мнение... Мне кажется, это шизофрения. У пацана жуткие галлюцинации, проблемы с речью, а в его сознании даже из рабочей памяти отчетливо видна какая-то хрень, с которой он подолгу беседует... и которая подчас вертит им как хочет...

Мэйр раздраженно вздохнула и вскинула перед собой руку, прося его замолчать.

– Уилл, он десять лет проторчал в лесу один! Поведенческие нарушения тут не то что норма – закономерность. И уж тем более некорректно говорить о шизофреническом делирии, если мы имеем дело с нестабильным менталистом. По крайней мере, я уверена, что это не делирий, а банальнейшие проявления неуправляемой силы. К

тому же у Себастьяна целенаправленно сбили всю природную защиту, и его мозги чудом справляются с перегрузкой...

– Ладно, ладно, понял! Кругом неправ! – замахали на него руками. – Гони уже диагноз, зануда ты ушастая.

Против собственной воли потрогав кончик дурацкого оттопыренного уха, Мэйр все же подавила всплеск бурного негодования и продолжила:

– Под шизофренией в современной имперской медицине понимается расщепление рассудка. Насколько могу судить, рассудок Себастьяна в полном порядке... причинно-следственные связи он видит хорошо, рассуждает вполне логично. Нет, полагаю, здесь уместнее говорить о расщеплении личности.

– Думаешь? – с сомнением переспросил лорд Фалько.

Мэйр нетерпеливо мотнула головой.

– Мне нужно будет побеседовать с ним еще хоть пару раз, чтобы сделать выводы, но я почти уверена. Себастьян постоянно говорит о своей силе, как об отдельном разумном существе, причем обычно использует местоимение «он». Я подозреваю, что присутствует некая... персонификация, олицетворение его темной силы. А так как силой своей Себастьян толком не владеет, эта самая персонификация частенько берет верх и начинает творить всяческую хрень. Как-то так.

Как бы подведя финал своей речи, она приманила к себе на тарелку пятое по счету пирожное. «Наш подменыш всех нас продаст на органы за мятную пастилу и миндальное печенье», – хихикал Алан, ее коллега, друг и по совместительству зять. Мэйр обычно возмущенно качала головой: «Да за кого вы меня принимаете?!» – и требовала в довесок вот эти самые сливочные пирожные с земляникой. Продавать, так задорого!

– Что ж, – вмешался в их беседу лорд Дорих, – по мне, так звучит вполне разумно. И не столь проблемно, как шизофрения.

Мэйр могла бы поспорить. Все же методики исцеления психических недугов – ее любимый конек. Но она слишком устала, а посему ограничилась сдержанным кивком.

– Пожалуй. Будем держаться этой теории, пока не получим опровержения.

На том и порешили.

Глава 4

Мэйр искренне полагала, что хороший вечер – это чтобы сладости, интересная книжка и ни единой живой души на пару сотен ярдов вокруг. Несомненно, ее занудство давным-давно стало общеизвестным фактом, равно как и нелюдность. Однако у ее друзей имелось на сей счет другое мнение, и посему она с завидной регулярностью обнаруживала себя в каком-нибудь развеселом кабаке, где под ехидными взглядами друзей попивала винишко и вежливо отбивалась от Бездна знает какого по счету ухажера в алом мундире. Ухажеров исправно поставляла ее кошмарно неугомонная старшая сестрица. Мол, ты сосватала мне своего дружка, а теперь я буду сватать тебе своих.

Вообще-то – просто ради исторической справедливости! – Мэйр никого не сватала. Ее старинный друг и коллега Алан Броуди втрескался в шумную рыжекудрую красотку Дейдру по собственной дурости. Та была не сильно-то и против, учитывая, что всего через три месяца отношений они съехались, а еще спустя год поженились. Мэйр усмехнулась, припомнив, в каком ужасе были семьи новобрачных. Ее приемные родители – люди добрые, но весьма консервативные – никак не могли поверить, что жених Дейдры младше на тринадцать лет; родители же Алана, типичные маги, были не против сорокалетней невесты, но ранней женитьбы сына не одобрили.

В общем, эти две стороны так и не нашли понимания. Семейные обеды до сих пор напоминали не то поле битвы, не то цирковое представление.

«Ну что ж, кабаки определенно выигрывают в сравнении с застольными войнами наших дражайших родичей», – решила Мэйр, вертя в руках бокал с ежевичным вином и стойчески игнорируя насмешки сестрицы и Френсиса – те по своему обыкновению хлестали темный эль чуть ли не бочонками и знай себе прохаживались по изысканным вкусам дивнюков и прочей нечисти.

– Что, сегодня никаких дружков, случайно оказавшихся поблизости? – чуть сварливо поинтересовалась Мэйр, на что Дейдра картинно развела руками.

– А ты как думала, пакость мелкая? Распугала всех поклонников, один Френсис на твою долю остался. Мудак муذاком, смею заметить, и вообще некрос позорный.

– Ты тоже ничего, кэп!

Френсис радостно ухмыльнулся и отсалютовал здоровенной кружкой, а Мэйр выразительно закатила глаза. «Позорного некроса» ей можно не сватать, благо уже давно успели и повстречаться, и разбежаться. Почему разбежались? Сложно сказать. Ссориться не ссорились, нравились друг другу, в постели тоже все было нормально. Виделись, правда, от силы раз-два в неделю, ну так их обоих это устраивало. Или все же нет?...

«Вот уж впрямь – дивное создание! В жилах не кровь, а холодная сталь!» – бросил Френсис в пылу их первой и единственной ссоры.

Мэйр эти слова ужасно задели, но возражений не нашлось. Все попытки помириться она пресекла – не столько из обиды, сколько из любви к придурку Френсису... которого, увы, не могла любить так, как тот заслуживал. Пусть Мэйр любила, дорожила, хотела – но не испытывала ни щемящей нежности, ни головокружительной страсти, ни что там еще полагается по уши влюбленным кретинам.

Не испытывала – и, должно быть, не могла испытать. Ведь она же нелюдь, и в жилах ее не кровь, а сталь.

– Ну, Дейд, где муженька-то оставила? – Френсис, конечно же, вовсю зубоскалил. – Меня, само собой, на всех хватит, но...

– Тьфу на тебя, рожа некромантская! – отмахнулась Дейдра. – Алана я пыталась вытащить, но он позорно сбежал от своего счастья. Я окружена занудами!

Мэйр искренне позавидовала своему другу: сама она не обладала достаточной сноровкой, чтобы улизнуть от капитана Дейдры Макинтайр. Та и мертвого допечет, и не хуже любого некроманта.

– А я идиотами, – сочувственно вздохнул Френсис. – Подменыш, а ты кем окружена?

– В данный момент – алкашней. – Мэйр демонстративно отпила из бокала и прикрыла глаза, наслаждаясь насыщенным ягодным вкусом. Вино здесь подавали приличное, если не сказать больше. – Или даже психами. Причем некоторые из них железно уверены, что они в порядке.

Френсис недоуменно приподнял брови — ну разумеется, встречались они всего-то с годик, а клятый некрос успел изучить ее достаточно хорошо, чтобы заподозрить неладное. «Недоговариваешь ты что-то, морда дивная!» — так и читалось на его подвижном бледном лице.

— О каких психах речь? — тут же заинтересованно осведомилась дорогая сестрица. И на всякий случай понизила голос: — Никак ненаглядный Дорих что-то выкинул?

Мэйр шикнула на нее. Обсуждать канцлера, у которого повсюду уши, глаза и прочие органы, в кабаке, полном народу, — верх недалновидности. И главный признак перебора с алкоголем, который у всякого боевого мага считается за достижение.

— Чует моя задница, не в канцлере дело, — хмыкнул Френсис, — а в чьей-нибудь хорошенькой мордашке. Признавайся, опять запала на симпатичного блондинчика?

Мэйр покладисто кивнула — «блондинчик» и впрямь симпатичный. Ушибленный на всю голову, дикий, как десяток келпи, и наглый настолько, что любой некрос обзавидуется. Без щетины, грязи на щеках, в чистой одежде — красивый почти до неприличия. Не хуже любого столичного лорда, мнящего себя чистокровным имперцем в сотом поколении.

Ах да, он же и так без пяти минут лорд, к тому же Лейернхарт, чье имя старались не поминать всуе по сей день. Одних рассказов Фалька хватило, чтобы понять — если Себастьян и впрямь пошел в высокородного папашу, Эрмегар ждут веселые времена.

Правда, сначала стоит основательно подлечить ему голову. А значит, о всей этой красоте *без* одежды придется забыть — профессиональную этику никто не отменял, а вместе с ней еще кучу неписанных правил любого приличного целителя.

Даже жаль. И вовсе дело не в любви с первого взгляда. Просто Мэйр, как и все остроухие, падка на все красивое. А если оно еще и уникальное...

— Моя девочка выросла! — умилился Френсис, очевидно, истолковав ее молчание по-своему. Ну и пусть — зато отстанут со своими хахалями хотя бы на полчаса. — Ну давай, рассказывай, что там у тебя за психи в хозяйстве. Мы же умрем от любопытства!

– Ты некрос, тебя захочешь – хрен убьешь. Но я могу попробовать.

– Дейдра, ты слышала? Наш подменыш увиливает от ответа, – не унимался Френсис. – Мой вердикт – все серьезно, через месяц ждем свадьбу.

– Главное, чтоб не некрос. – Дейдра меланхолично отхлебнула из своей кружки. – Пугают меня эти новомодные мезальянсы.

На последней фразе Мэйр не сдержалась и совершенно неприлично рассмеялась, чудом не расплескав вино. Знала бы Дейдра, что сватает любимой младшей сестренке необученного менталиста – лично побежала бы к командеру Блэр, выдавать свою непутевую родственницу за какого-нибудь перспективного некроманта. Ну или некромантку, Мэйр в этом плане не очень привередлива.

– Ну я-то не боевик, – резонно заметила она. – Стало быть, мне некросов обженивать дозвоительно? Отлично. Эй, Френ, бежим в храм, пока разрешают!

– Нет уж, пакость из-под холма. Раньше надо было думать, а теперь все, закрылась лавочка! Не для тебя мама цветочек растила! – возвестил Френсис, манерно отставив руку со здоровенной кружкой эля. Да еще и мизинчик оттопырил, зараза ехидная. – Однако у нас в некроотделе есть желающие...

– Вот ведь парочка придурков на мою голову, – вздохнула Дейдра и жестом подозвала подавальщицу. – Сестрица, тебе твою сладкую пакость повторить?

Мэйр открыла было рот, чтобы отказаться – с алкоголем у нее не слишком ладилось, поэтому лучше не злоупотреблять, – но тут же оборвала себя на полуслове и стиснула в кулаке амулет ментальной связи.

«Подменыш, чеши в больничку, наше чудище опять что-то натворило», – сообщал Вилмар Фалько в свойственной ему изысканной манере. Оставалось лишь от души выругаться про себя, упрятать амулет обратно под ворот рубашки и спешно засобираться в сторону ближайшего портала.

– Что-то случилось? – обеспокоенно нахмурилась сестра.

Мэйр неопределенно мотнула головой.

«Чудище случилось. Весьма симпатичное, но поди ж ты, наглухо долбанутое».

– Пациент... сложный, – выдала она уже на ходу. – Бежать надо. Еще увидимся.

– Привет блондинчику, – донеслось вслед саркастичное напутствие Френсиса.

* * *

Нормальному человеку наверняка опостылело бы сидеть в камере уже на второй день. А то и вовсе на первый – сразу после того, как за дверью объявились два соглядатая в алых мундирах.

«Охрана», – решил Себастьян.

Вопрос только, кого они охраняют – ценного пациента от неведомых врагов или врагов от него же?

«Интересненько», – выдал монстр, чем вызвал смешок.

Интерес интересом, а прибить бедняг ненароком очень не хотелось – Себастьян не питал иллюзий относительно своего недолгого просветления. Объявившегося к обеду лорда Фалько он попытался вразумить, на что тот снисходительно улыбнулся, потрепал его по голове (монстр не иначе как упал в обморок от такого вероломства), всучил огромный пакет с какими-то соленьями, вяленным мясом, яблоками и был таков. Ни дать ни взять заботливый дядюшка.

Еще раз глянув на стеклянную стену и решив, что вряд ли целый лорд-менталист отправит к нему двух ни в чем не повинных людей без какой-либо защиты, Себастьян махнул на охранников рукой. Пусть стоят. А у него вон – яблоки да копченая телятина.

«*Не камера, а дом отдыха*», – чуть ли не счастливо заявил монстр. Ему, как и самому Себастьяну, из всех плюсов заключения больше всего нравилась обильная кормежка.

«И не говори».

А еще были книги, которые на третий день принесла Мэйр. И непонятно, как донесла – Себастьян только глянул на стопку тяжелых фолиантов с мудреными названиями, а спина и руки уже заныли. Хотя кто их знает, этих целителей – на попытку забрать стопку из изящных рук его удостоили вовсе не благодарностью. А впечатляющей тирадой, суть которой сводилась к одному – теория теорией, но никакой самодеятельности, и вообще «леди Рангрид не простит». Причем

сказано это было таким тоном, что под «не-прощением» легко угадывалось «нам всем конец».

Кто такая эта загадочная леди, Себастьян спрашивать не стал. Воображение нарисовало грозную ведьму с развевающимися черными волосами, в плаще и почему-то с посохом, сверкающим молниями. Связываться с такой дамочкой категорически не хотелось. Себастьян охотно покивал на все нравоучения, все же отобрал книги и, в очередной раз полюбовавшись нечеловеческими глазами и острыми ушками Мэйр, уткнулся в первый попавшийся талмуд.

«Магия есть чудо опаснейшее и последствия имеющее, а потому необходимо тщательно следить за ее проявлениями и всячески контролировать, – гласили первые строчки. – Особливо это важно для магов разума, чье влияние может быть ужаснее любого другого колдовства».

Уж кто-кто, а Себастьян с подобным поспорить не мог. Но все равно закатил глаза – автор книжонки, судя по всему, был как раз менталистом и предсказуемо считал всех остальных магов заведомо слабее и бесполезнее. Ничего нового. Родерик тоже считал себя светочем магической науки, а остальных – недостойными бездарями. Не считая Себастьяна, пожалуй: во-первых, он менталист, а во-вторых, в глазах отчима был ходячим мешком с золотом.

Себастьян потряс головой, ощущая, как сила рвется наружу, стиснул кулаки и задышал, считая про себя. Первый путь к пресловутому контролю, если верить книжке и собственному сомнительному опыту.

Направлений ментальной магии существовало множество. Сюда относилась и стандартная телепатия, и эмпатия, и контроль над чужим разумом, воспоминаниями, снами, и наведение иллюзий... Обычно маг-менталист владел одним-двумя направлениями, остальные осваивал в процессе обучения и зачастую пользовался различными вспомогательными средствами в виде заклинаний, рун и различных артефактов.

У Себастьяна же, если опустить съехавшую крышу, монстра в голове и отсутствие контроля, проблем не было ни с одним видом ментальной магии. Судя по книге, основную специализацию можно было определить по расходу резерва – чем больше сил тратится, тем менее приспособлен маг к данному виду воздействия. Себастьян, как

ни пытался, не мог вообще припомнить случая, когда его резерв был бы полностью опустошен. Не считая катастрофы в Сером Доле, конечно – в тот день его магия выплеснулась так мощно, что свела с ума и убила сотню человек, включая ментального мага Родерика.

«Первое. Узнать уровень сил, – неумело нацарапал на листке Себастьян. Скривился, поняв, что пишет хуже, чем это делала Сэра в шесть лет, зачеркнул надпись и взгляделся в книгу. Как можно аккуратнее вывел: – Определить уровень магического резерва».

Следующие несколько страниц Себастьян перелистал, поняв, что доходчивые объяснения кончились, а из заумных слов можно понять в лучшем случае половину. Но все пропущенные страницы отметил на том же листке, подписав сбоку: «Спросить Мэйр». Подумав, неохотно дописал и фамилию лорда-менталиста.

Следующим важным (для неуравновешенного мага так точно) пунктом был пресловутый контроль. Дыхание по счету и медитация – примитивный подход, действенный в самых простых случаях. Себастьян с его монстром в голове таковым точно не являлся. Когда не слышишь сам себя, видишь перед глазами мутную пелену, а внутри бурлит жажда крови и смерти, как-то не до счета и фантазий о домике на берегу озера. Если верить автору учебника, самый надежный путь к контролю над магией – ежедневная практика, желательно монотонная и не имеющая эмоциональной привязки.

Себастьян огляделся. В камере, где имелись кровать, стул, небольшая тумбочка и стол, воздействовать было не на что. Тем более Мэйр запретила выпендриваться и вообще строго-настрого велела забыть о магии на ближайшее время. Правда, была еще массивная дверь с едва заметной переливающейся сетью заклинаний.

«Мне она не нравится», – тут же охотно поведал монстр, предвкушающий новое развлечение.

«Мне нравится», – оборвал его Себастьян. Дверь, хоть и держала его внутри камеры, в то же время надежно ограждала от внешнего мира, шума в голове и очередного приступа.

Другое дело, что Мэйр была права – он не мог прожить в лесу всю жизнь и не столкнуться с другими людьми. Не сможет просидеть и в камере, к тому же у Фалько на него явно какие-то планы. Однажды выйти все же придется, оставшись без защиты каменных стен и чужих заклятий, а значит, нужна стена совсем иного толка. Вроде той, что

имелась в голове у дорогого дядюшки, или кем там ему приходился клятый лорд-менталист.

Себастьян наспех пролистал книгу до конца, но про ментальную защиту ничего не нашел. Нет, имелась целая глава, как защититься от чужого воздействия, но о том, как оградить собственные мозги от собственных же способностей, не было ни слова. Подразумевалось, что у всякого менталиста такая защита имеется с рождения, и ее можно только усилить.

Он устало потер глаза и отложил талмуд в сторону. В голове вертелась какая-то мысль, но поймать ее и оформить во что-то внятное никак не получалось.

«Идеи есть?» – неохотно поинтересовался он у монстра.

«Для особо одаренных напоминаю – мы в одном лесу сидели, – ехидно протянул тот в ответ. – Милашку спроси, она у нас умная».

«У нас?»

Монстр многозначительно промолчал.

Себастьян не заметил, как провалился в сон. То ли потому, что мудрые книжки обладают усыпляющим эффектом, то ли потому, что на постоянный контроль над чудищем уходила прорва душевных сил. Снилось ему всякая муть навроде кривоватых башен посреди леса, окруженных стаями крохотных человечков с разноцветными крыльями. Прежде чем ему удалось войти хотя бы в одну из них, картинка резко сменилась, и Себастьян оказался посреди поля, в окружении старых камней. Очевидно, когда-то они были крепостью, которую непременно нужно было построить. И он строил, тягал камни голыми руками, почти физически ощущая их тяжесть; но стена разваливалась от малейшего порыва ветра.

– Цемент, – словно наяву услышал он голос и с удивлением понял, что говорит он сам. – Для всякой стройки нужен цемент.

Хорошая идея, да где ж его взять посреди поля?

С этой мыслью он и проснулся, ни капли не отдохнувший. Зато с напрочь засевшим в голове вопросом – а как все-таки построить крепость посреди поля, имея только камни?

«Это же очевидно, идиот», – монстр наверняка закатил бы глаза, если бы мог.

«Так просвети идиота!»

«Магия, гений».

«Я тебе что – маг земли?»

«А ты что, всерьез собрался замок себе строить?»

Ладно, стоит признать – он и впрямь идиот, которому нужен хороший мозгоправ.

«Твою мать».

Строительным материалом для любого мага является – вот ведь сюрприз! – магия. Желательно подкреплять ее мудреными заклинаниями и прочей ерундой, о которой Себастьян пока не имел ни малейшего понятия. Все, чему он успел научиться у Родерика – это видеть чужие плетения на артефактах, которые ему приходилось ломать. В этом они с монстром были неплохи, стоит признать. Взять хотя бы наручники, которых не хватило и на пару дней, а ведь они наверняка были рассчитаны на психов вроде него.

Себастьян оглянулся на дверь. В отличие от браслетов, она пока держалась, загадочно мерцая. Интересно, что сотворили с ней ученые маги, раз она смогла столько времени удерживать их с монстром?

Он поднялся с кровати, старательно игнорируя настороженные взгляды охранников в свою сторону. Махнул рукой – мол, не пяльтесь, все в порядке, – и позвал своего монстра. Наверное, впервые сделав это по доброй воле.

«Поможешь?»

«Эй, напоминаю, нам запретили выделяться. Не то чтобы я против...»

«Мы не будем колдовать. Просто... посмотрим».

«Ах, ну если посмотрим, – монстр в голове ехидно хихикнул. – Ну давай попробуем. Но перед феей оправдываться будешь ты».

Можно подумать, у него были другие варианты.

Сила выплеснулась лениво, неохотно, будто ей и впрямь нравилось сидеть без дела. На самом деле нет – ей просто не нравилось подчиняться Себастьяну. С куда большим удовольствием она бы рванула вперед, снесла стены, дверь и обоих охранников, упиваясь их страданиями. Но сейчас монстр оставался под контролем, пусть и не очень уверенным. А может, ему самому было интересно, что задумал его дурной хозяин.

Дверь постепенно исчезла перед взором, сменившись переплетением нитей. Разноцветных, крепких – так просто не разорвать даже его чудовищу.

– Из чего же ты сделана?... – проговорил Себастьян. Он осторожно подцепил одну из них – и тут же отпустил, почувствовав, как неприятно кольнуло пальцы.

Распутывать узлы всегда нужно с конца. А разбирать плетение заклинаний – с самого верхнего слоя. По логике (и кое-какому опыту), последней всегда накладывали охранку, будь то защита от воров, взлома или даже случайного падения. Учитывая, что в этой камере держали магов, которым необходима помощь целителей, в первую очередь стоит искать сигнализацию.

Одну за одной Себастьян перебирал нити, пока не заметил, что одна из них тянется за пределы двери. Коснулся – в голове тут же отдалось тихим звоном. Причем не только в его, судя по всему – по ту сторону раздался голос одного из охранников:

– Эй, парень, отойди от двери!

«Кажется, им не нравится твое «посмотрю», – деловито сообщил монстр. – Спроводить их?»

«И сломать это? Нет уж».

«Зануда».

«Ага», – согласился Себастьян и решительно потянул за нить охранного заклинания.

* * *

Чего только не напридумывала себе Мэйр, пока добиралась от кабака до иленгардской больницы. Картинки перед глазами вставляли одна краше другой: и собственно больница, полная психов; и свихнувшиеся жители столицы, режущие друг другу глотки; и сам Себастьян, обращенный в прах расторопными некромантами во главе с Блэр. Последнее отчего-то пугало больше всего, и природы этого страха она, как ни силилась, так и не смогла понять. Просто было ужасно представлять мертвого Себастьяна, которому очень не повезло в жизни и которому именитая целительница Мэйр Макинтайр не смогла помочь.

Поправка: не успела, легкомысленно решив, будто в четырех стенах, под присмотром Фалько и после ее терапии, с Себастьяном уж точно ничего не случится.

«Целительница, мать твою, – выругалась про себя Мэйр, толкая кованую калитку больничных ворот. – Что я прошлапила?»

– Уилл! – окликнула она маячившего у дверей больницы Фалько. Тот нервно притопывал и оглядывался по сторонам, видимо, ожидая ее. – Что случилось?

– В душе не разумею, подменыш, – отозвался он и махнул рукой, мол, по пути поговорим.

Оно и правильно – оставлять без присмотра свихнувшегося и явно что-то натворившего Себастьяна точно не стоит.

– Со мной связался один из охранников, что я к нему приставил. Кажется, наш мальчик собирается сбежать: сломал защиту на двери, на требования остановиться не реагирует.

Мэйр коротко кивнула и прибавила шагу; почти бегом слетела вниз по узкой лестнице и...

...узрела охрану живой и здоровой. Двое громил в гвардейской форме сгрудились возле двери, не замечая прибывшей на их зов целительницы, и с явным интересом глазели на дверь камеры.

– Ишь, – суфлерским шепотом выдал один, – ковыряется, сука. Упертый какой.

Его напарник захихикал. Мэйр зло сощурила глаза. Ковыряется, значит!

– У вас мозги есть?! – рявкнула она не своим голосом. Боевики шарахнулись от двери и вытянулись по струнке; один даже честь отдал, надувшись от важности. – Хоть одни на двоих? Вы на кой долбаный демон тут стоите?!

– Мы это... ну... мы...

– «...не годимся даже на то, чтобы стенку подпирать, уж куда там вырубить пацана», – хладнокровно закончила Мэйр. И, заслышав за спиной шаги, прибавила: – Уилл, охрану смени. Чтобы я этих двух кретинов здесь больше не видела.

И, не дожидаясь ответа, она сняла запирающее заклинание. Лязгнул засов; дверь с грохотом распахнулась.

Представив взору Мэйр отнюдь не поехавшего берсерка или психа с раздвоением личности. А вполне себе живого и целехонького Себастьяна, который мало того, что смел просто стоять и пялиться на них как ни в чем не бывало, но еще и выглядел удивленным и даже разочарованным.

– Вы рано, – заявил он, неохотно отступая от клятой двери. – Я что-то не то сделал?

Прежде чем Мэйр успела открыть рот, Себастьян вдруг нахмурился и, по-птичьи склонив голову набок, поинтересовался:

– Кто тебя так разозлил? И... испугал?

Больше всего ей сейчас хотелось взять стопку тяжелых книг и уронить на голову засранцу. Однако Мэйр сдержалась и, прикрыв глаза, спросила чуть подрагивающим голосом:

– Радость моя, тебе о чем-нибудь говорят слова «цепная реакция»? «Нестабильная матрица», «число выходных каналов»?

– Н-ну...

– Что, нет? Хорошо, давай попроще. – Она выдохнула и судорожно сцепила руки в замок, силясь усмирить живую сталь – та хлестала наружу вместе с праведным гневом, расчерчивая на коже мудреные узоры и норовя выпустить шипы. – Скажем, возникают ассоциации со словами «взлететь на воздух», «дымящийся котлован» или, не знаю... «долбаная гора трупов»?!

– Да что ты сразу... я же просто посмотреть хотел! – возмутился Себастьян. – А вовсе даже не...

Когда Мэйр вскинула на него полный бешенства взгляд, он осекся и, кротко потупив взгляд, непривычно робким тоном сообщил:

– У тебя... э-э... иголки. Вот здесь, – и указал на свой лоб, а затем с любопытством уточнил: – А все эльфы такое умеют?

Кто бы знал почему, но для Мэйр это стало последней каплей. Схватив первое, что попало под руку (к счастью, то была подушка), она принялась под гнусные смешки лорда Фалько охаживать его гореплемянничка, попутно рыча что-то в духе: «Зашибу нахрен, погань ты белобрысая!».

И наверняка зашибла бы, не будь Себастьян, во-первых, сильнее физически, и во-вторых, несносным засранцем, которому явно пришла в голову какая-то навязчивая идея. Стойко стерпев побои и дождавшись, пока Мэйр остановится, чтобы перевести дух, он выдернул злосчастную подушку из ее рук. Отбросил куда-то в сторону, чтобы в следующий момент обхватить запястья целительницы, мимолетно коснуться губами ее пальцев и потянуть к столу с разложенными на нем книгами и листками.

Он ткнул в один из них:

– Как это узнать?

На листке корявым полудетским почерком было выведено: «Определить уровень магического резерва».

Мэйр не спешила отвечать – как же, разбежалась, лететь разрешите! Она все еще кипела от злости, да к тому же была обескуражена внезапными домогательствами – и собственной на них реакцией. Другой ее пациент, архимаг Нэльтан, за подобные фокусы едва не лишился зубов – Мэйр не терпела, когда ее трогали всякие малознакомые типы, – а этот жив и цел... да и мог бы домогаться поактивнее, а то как-то не очень убедительно...

Бездна, о чем она вообще думает? Этот поганец и так уже обнаглел, не хватало еще подкинуть ему эдакие затейливые мыслишки!

«Пакошь из-под холма, – мысленно процитировала Мэйр заразу-Френсиса, – ты скоро четвертый десяток разменяешь, а все никак не признаешь очевидное... Нельзя тебе пить, вот совсем!»

Нельзя, видят боги и богини. Один бокал слабенького вина – а она уже отлупила подушкой пациента (хоть тот и заслужил) и теперь стоит как идиотка, полыхает физиономией и дурацкими ушами. Больше от ярости, чем от смущения, но...

«Но пациента следует осадить, – твердо решила Мэйр. – Иначе в следующий раз он таки подорвет лечебницу».

С этой мыслью она отошла к кровати и опустилась на ее краешек; скрестила руки на груди и демонстративно уставилась перед собой, предоставив лорду Фалько просвещать новообращенного родственничка по поводу замеров резерва и прочей чушатины.

– Сразу видно, сынок Лейернхарта, – усмехнулся Фалько, пройдя к столу. – Подменыша довести – это надо обладать незаурядным талантом. Она у нас, между прочим, незлобивая; для темной так вообще добрейшее существо!

«Добрейшее существо» нахохлилось пуще прежнего, хотя держать лицо было сложно. Мэйр намеренно выплеснула свои эмоции – гнев, расстройство, обиду, целую уйму неодобрения, – а в ответ получила ожидаемую волну стыда, сожаления и непонимания. И уже готова была простить «погани белобрысой» все на свете...

Нельзя. Непрофессионально. *Нет*. Терапия идет пациенту впрок, только если тот правильно мотивирован.

– Ну, неслух, что у тебя тут? – Фалько шустро сцапал листок со стола. – А, ясно. Замер резерва обычно осуществляется в академии. Там много всякого оборудования нужно, и ради тебя его никто сюда не потащит. Так что когда вылечишься... И нет, ты точно не вылечишься, если будешь ковыряться в плетениях архимагов. Мэйр правильно разозлилась: вот ты не туда нить повел, не там скovyрнул – и будет тебе дымящийся котлован. – Ответом ему был тяжелый вздох. – То-то же. А ты что думал, там для красоты столько всего наверчено? Зачем вообще к двери полез? Обратно в леса захотелось?

Себастьян, чтоб его блэровские вампиры до самой Шафри гнали, отвечать дороговому дядюшке не торопился. Краем глаза Мэйр заметила, как тот нахмурился, поджал губы и сложил руки на груди.

– Прости, я не хотел тебя... – он вдруг запнулся, не то подбирая нужное слово, не то раздумывая, за что именно извиняться, – расстраивать. Со мной бы ничего не случилось. Я сломал бы ее. Если бы захотел. А я хотел просто посмотреть.

Еще немного, и Мэйр бы не выдержала – ее так и подмывало обернуться, глянуть гаденышу в глаза и высказать все, что она думает о его умственных способностях. Посмотреть он хотел, видите ли!

Не успела – напоследок расстроено вздохнув, Себастьян повернулся к Фалько и своим бумажкам.

– А без оборудования можно? Примерно?

Клятый лорд, не переставая распространять в воздухе флюиды веселья, немного помолчал и с сомнением выдал:

– Седьмой высший, наверное?

– Восьмой базовый, – сухо поправила Мэйр. – Может, самую малость недотягивает, но тут честнее округлить. Один демон к концу обучения будет десятый базовый, а то и средний.

– И что это значит? – озадаченно уточнил Себастьян.

– Это значит, что надо было читать книжку по теории магии, а не насиловать несчастную дверь, мои нервы и...

– Тихо, дорогуша! – одернул ее лорд Фалько. Вроде и дружелюбно, а понимаешь, что это уже ни фиги не просьба. – Не стерви. Хватит парня третировать, он уже не знает, куда деться... Хотя книжку почитать было бы нелишним. Что ж, если очень упростить, то все, что выше пятого базового уровня – по умолчанию много. Тебе двадцать восемь лет, это всего ничего, и при этом ты не обучен. Исходя

из этих данных, восьмой базовый – просто охренеть как много. Так что быть тебе архимагом, Себастьян. – Тут он выразительно фыркнул. – Себастьян и Гейбриел. Боги, а кузен Эдди впрямь был затейник.

Себастьян задумчиво кивнул в ответ на эту тираду и прошелся по камере, то и дело поглядывая в сторону двери.

«Намазано ему там, что ли?» – возмутилась Мэйр.

Фалько, судя по всему, мучил примерно тот же вопрос.

– Итак, раз уж мы ответили на твой вопрос, не расскажешь, при чем здесь дверь?

– Она, – Себастьян небрежно махнул рукой в сторону выхода, – ни при чем. Но у нее есть защита. Хотел узнать, как эта защита работает.

Мэйр переглянулась с недоумевающим Фалько. Судя по выражению его лица, Уилл тоже тщетно пытался увидеть связь между величиной резерва, дверью и ее магической защитой. Зато Себастьян видел отлично. И тоже непонимающе пялился на них добрую минуту, прежде чем подойти к столу, отыскать там книгу и нагло усесться рядом с Мэйр.

– Здесь написано, что у ментальных магов врожденная защита. – Он пролистал книгу, нашел нужную страницу и ткнул в изображение человеческого мозга, заключенное в круг. – У всех, но не у меня. Больше нет. А я хочу восстановить. Чтобы выйти из этой камеры. Не возвращаться в лес. Для этого нужна стена, как у вас. – Он указал пальцем на свою голову, а затем на Фалько. – И если все так, как вы сказали – про мой уровень, – она должна быть очень крепкой. Как эта дверь с заклинаниями.

– Кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду, – кивнул Уилл. – И ты молодец, Себастьян. Вот только поумерь пыл – в одиночку у тебя вряд ли выйдет что-то дельное. И быстро тоже не получится.

Себастьян коротко глянул на картинку в книге и зачем-то на свои руки. Красивые, надо сказать – крепкие, с широкими ладонями и длинными пальцами, при взгляде на которые в голове Мэйр возникали совсем уж неприличные мысли.

Настолько неприличные, что оставалось лишь отвесить себе ментального тумака – «Будь разумна, это же пациент!» – и заодно понадеяться на собственные ментальные щиты. Которые, увы и ах, явно не рассчитаны на монстров вроде Фалько и его родича.

– Я знаю, – ответил дядюшке Себастьян. К счастью, ему было не до Мэйр и ее занимательных мыслишек. Вроде как. – Мне нужна ваша помощь. Вам – менталист вроде меня. А времени у меня достаточно.

– Вот именно – времени достаточно, – кивнул Фалько, вертя что-то в руках – кажется, то был амулет связи. – Напоминай себе об этом почаще и не забегай вперед. А если уж решил сотворить какую-нибудь глупость, то хотя бы спроси для начала у нас. Убьешься об нестабильную сеть заклинаний – и плакала моя пенсия!

«Пенсия? Ой, лукавишь, старый хрен, – едко подумала Мэйр, направляя мысль прямо адресату. – Он тебе нравится, и ты уже немного к нему привязался».

Лорд-менталист насмешливо вскинул брови – услышал, а как же! – и сунул амулет в карман сюртука.

– Что ж, пора возвращаться на работу – меня сюда прямо из допросных выдернули. Дела, – он многозначительно хмыкнул, – не терпящие отлагательств. Счастливо оставаться, детишки! Не поубивайте друг друга, пока папочка работает.

Легко сказать. Мэйр все еще злилась на Себастьяна. Возможно, не так сильно, как сначала, но огреть чем-нибудь тяжелым по непутевой голове до сих пор мечтала.

– Я тоже пойду, пожалуй, – как можно прохладней проговорила она и привстала было с кровати.

Не успела – Себастьян поймал ее за руку и потянул обратно. Отпустил, правда, практически сразу же, и прежде чем Мэйр успела возмутиться, принялся оправдываться.

– Послушай, Мэйр... Я, наверное, и правда зря это сделал, – он кивнул на злосчастную дверь. – И ты говорила, чтобы я не колдовал, но... Я должен был. Просто посмотреть, ничего больше, поверь.

Должен.

Он, видите ли, *должен был*.

Первым порывом было уронить-таки что-нибудь на непутевую белобрысую башку, однако Мэйр строго-настрого запретила себе это делать. Целитель не должен лупить пациента. Даже если очень хочется.

Грегор Нэльтан не в счет: сексуальные домогательства от всяких светлых фанатиков, которые тебе неприятны до зубовного скрежета, следует пресекать на корню.

– Я сразу поняла, что ты умный парень, – начала она подчеркнуто бесстрастным тоном. – Именно на твой ум я и понадеялась, когда сказала, что колдовать нельзя и что необученные маги представляют потенциальную угрозу. Видимо, зря.

– Мэйр, я...

– Ничего не желаю слушать.

Сидеть на месте стало невыносимо; она поднялась и прошлась по камере туда-сюда, сама не понимая, отчего внутри по-прежнему такая прорва раздражения и досады.

– Мне, как и тебе, всего двадцать восемь, однако я вылечила немало людей. И никогда не нуждалась в чьей-то там благодарности. Но все же, знаешь... я ведь вкладываю в тебя гребаную уйму сил, без малейшего сожаления трачу свое личное время... О, я получу щедрую оплату от лорда-канцлера и твоего нового дядюшки, однако и в ней я не нуждаюсь – я бы лечила тебя и задаром, потому что в жизни никому не отказывала в помощи. – Мэйр поморщилась и досадливо помотала головой. Гнусный эмоциональный шантаж не должен был превращаться в эдакое самовосхваление. – Мне неприятно говорить это, и все же прошу тебя, Себастьян: в следующий раз, когда тебе захочется сотворить некую смертоубийственную хренотень, будь мне хоть чуточку благодарен и не пытайся похерить в клятую Бездну все, что я для тебя делаю.

Чувствуя, что с нее хватит, она искоса глянула на Себастьяна – тот с преувеличенным вниманием уставился на каменные плиты пола, до белизны стиснув руки на коленях. Похоже, его проняло, и это не могло не радовать.

Про себя выдохнув с облегчением, она куда более сердечным тоном прибавила:

– Я сказала все, что хотела. Теперь давай закроем эту тему и, надеюсь, больше не будем к ней возвращаться.

– Я благодарен тебе, – не поднимая головы, проговорил Себастьян. – И обещаю, что не буду делать ничего опасного. Но... проблема в том, что главная опасность таится во мне, – он поднялся с кровати и приблизился к ней. Трогать, правда, не стал, просто смотрел внимательно и устало. – Если для того, чтобы быть с вами, мне придется разобрать эту камеру по кирпичику – я сделаю это. Я хочу

защитить вас от самого себя. И *он* хочет. Пока. Я не мог отказаться от такого... шанса.

Злость испарилась, полоумного бедолагу предсказуемо стало жаль чуть не до слез. Себастьяном двигало не дурное любопытство и не тоска по лесным дебрям – он просто боялся навредить магам, которые ни с того ни с сего взялись ему помогать. И никак не мог понять, что один из этих магов многоопытен и чудовищно силен, а другая... ну, хоть и соплячка, а все же не последний магистр в Империи. Может, Мэйр и бездарь в боевой магии, однако есть другие способы постоять за себя.

– Я не буду извиняться за то, что наорала и побила подушкой, – проворчала она, насупившись. – Конечно, мне не следовало так делать, но ты ужасно меня напугал!

Себастьян после этих слов понуро опустил голову, потерянный и жутко несчастный. Мысленно ругая себя на все корки, Мэйр со вздохом провела рукой по его плечу. А затем и обняла – это лучшее, что сейчас можно было сделать.

И в то же время *худшее*, что *вообще* можно было сделать. Между ними двумя и так установился чересчур тесный эмоциональный контакт, и любая физическая близость только усугубляла ситуацию. Мэйр чувствовала сильные руки, сжимающие ее чуть не до боли, тяжелое дыхание над ухом, жар чужого тела; шквал эмоций, близко не похожих на благодарность к доброму доктору, – и понимала, что должна это прекратить.

Но не могла. И не очень-то хотела. И вообще, кажется, теряла контроль над ситуацией.

Боги и богини, ну до чего же неловко! И приятно.

– Я больше не сержусь, – пробормотала она, чуть отстранившись и тщетно стараясь вернуть хоть какое-то подобие авторитета. – Ну и... раз уж хочешь стенку – будет тебе стенка. Только без самостоятельности, я тебя прошу.

Себастьян отпустил ее неожиданно легко – убрал руки, напоследок проведя пальцами по запястью, отчего Мэйр едва смогла сдержать совсем уж неприличный вздох.

– Хорошо, – кивнул он с выражением абсолютной серьезности на красивом лице. – Начнем сегодня?

Все, что оставалось Мэйр – закатить глаза... и отступить к разложенным на столе книгам. С таким проще согласиться, чем объяснять, почему «нет».

Глава 5

Себастьян редко чувствовал себя хорошо. Настолько хорошо, чтобы бешеная магия успокоилась, не грозя снести все на своем пути. И даже внутренний монстр подзаткнулся, лишь изредка вставляя комментарии по делу и без. Особенно когда дело касалось Мэйр – что с чудищем было не так и почему ему вдруг понравилась целительница, Себастьян понять не мог. Боялся, что тот задумал что-то ужасное, и старался держаться подальше.

Хотя с этим возникли трудности – у него никак не получалось не обращать внимания на чарующие глаза, острые уши, которые почему-то очень хотелось потрогать, и теплую, будто бы знакомую уже лет сто магию. Мэйр нравилась ему, особенно когда улыбалась, демонстрируя ровные белые зубы и чересчур острые для человека клыки.

О природе своей симпатии Себастьян предпочитал не думать: душевное и умственное расстройство, тоска по общению с людьми и благодарность за помощь – причин находиться рядом с Мэйр было предостаточно. Хороших людей («магов», – раз за разом поправлял он себя) приятно любить.

«И лапать тоже», – ехидно добавил проснувшийся монстр.

«Не было такого!» – возмутился Себастьян, чувствуя, как начинает гореть лицо.

Кажется, он и впрямь переборщил с прикосновениями – не зря же она первые пару дней после происшествия с гребаной дверью шарахалась от него, как от прокаженного. Но что Себастьян мог поделать? Ведь Мэйр была так расстроена и обижена; ее непременно хотелось обнять и убедить, что вот он, живой и даже здоровый... не считая головы, но от этого куда не деться.

Теперь он старался не трогать целительницу без причины, невзирая на свои порывы и назойливое нытье монстра о том, что он, Себастьян то есть, дурак и ничего не понимает в отношениях.

«Можно подумать, ты понимаешь», – огрызался он в ответ. Кажется, даже вслух, но, к счастью, только когда был один.

«Да уж побольше твоего, идиот».

Нет, кое-что Себастьян все же понимал. Например, то, что думать о Мэйр в ключе, отличном от «доктор-пациент», неправильно. Уж больно смахивает на зависимость, вызванную годами жизни в одиночестве. В Сером Доле его по-настоящему никогда не интересовали романтика, секс и подобные глупости. Потребность организма, не более того. За десять лет жизни в лесу он ни разу не задумался о том, что ему кто-то нужен. Жить среди людей хотелось только из желания иметь нормальную крышу над головой, теплую постель и вкусную еду. И не думать, переживет он очередную зиму или нет.

А отношения... нет. Их Себастьян хотел разве что лет в тринадцать, когда после пары-тройки поцелуев за старым сараем уже представляешь себе семейную жизнь и общего кота.

– О чем задумался?

Себастьян вздрогнул. Как он только умудрился не заметить прихода Мэйр?

– Да так... – Он развернулся, приблизился в два шага и забрал у нее из рук очередную стопку книг. – «История магии»? Зачем она мне сейчас?

– Вместо романчика считаешь. Нет, я подумывала принести тебе «Любовницу темного лорда», но решила, что ты не оценишь.

Себастьян поежился, представив себя читающим любовный роман, а заодно припомнив одну такую сказочку, которую Мэйр со злорадной усмешкой притащила на следующий день после его «диверсии».

– Уж лучше «История магии».

– Вот и я так подумала.

Сложив книги, он не спешил поворачиваться – думал, как бы лучше напомнить об обещании помочь с защитой. Не то чтобы ему на самом деле этого хотелось. Подобное... предприятие с участием ни в чем не повинной целительницы казалось ему жутко опасным, и Себастьян был бы рад, если бы на ее месте оказался кто-то другой. Сама мысль о возможном вреде Мэйр давила на мозги, отдавалась где-то внутри глухой болью. С другой стороны, если не она, то кто? Монстр не выказывал желания сотрудничать ни с кем иным. Он и на охранников за дверью посматривал, как на потенциальный обед; что говорить о том, чтобы впустить сюда кого-то, кроме Мэйр и Фалько?

«Они тихие, – говорил монстр. – И мы им нравимся».

«Надолго ли?» – мрачно спрашивал Себастьян, на что тот непременно ухмыльнулся бы, не будь он надежно заперт в чужом теле.

– Мэйр, я хотел спросить, – начал он, – как много времени может занять создание защиты?

– А ты куда-то торопишься? – со смешком поинтересовалась Мэйр и встала рядом. Подцепила один из листков, исчерченный линиями: Себастьян, оставаясь один, по памяти перерисовывал плетения заклинаний на двери. – Никак не успокоишься?

– Не успокоюсь. Надо же мне чем-то заниматься здесь? И да, тороплюсь. – Он развернулся к ней, аккуратно забирая изрисованную бумажку. – Сейчас я чувствую себя хорошо. Благодаря тебе и Фалько. Но... я не знаю, сколько это продлится. *Ему* может не понравиться что угодно. И тогда ты пострадаешь. Все вы. А я этого не хочу.

Мэйр уже привычным нервным жестом заправила за ухо прядь непослушных густых волос, что все время выбивались из прически и лезли в глаза.

– Мне сложно делать выводы касательно твоей ментальной защиты, – наконец проговорила она чуть извиняющимся тоном. – Твой случай необычен, почти уникален. Каркас защиты – или, если тебе так понятнее, ее фундамент – будет ставить Уилл; он же покажет тебе, как наращивать слои. Что-то будет нарастать само, но это очень медленно – как если сравнивать естественную регенерацию и воздействие целителя. Что касается сроков... ну, думаю, дня через три-четыре я разрешу ему начать. Не раньше.

– Почему не сейчас?

– Потому что твое состояние, хоть оно и улучшилось, все еще нельзя назвать стабильным. Ну, то есть... поставит Фалько каркас, а тут откуда ни возмись твой... злобный близнец. И все насмарку. – На лице Мэйр проступило нечто сродни неприязни пополам с любопытством. – У него есть... не знаю... имя? Ты все время говоришь «он», но, возможно, придумал ему какую-то кличку?

Этот вопрос – давно ожидаемый, но все равно внезапный – изрядно смутил Себастьяна. И разозлил, причем он сам не понимал, почему именно. Монстр был слишком уж личной стороной его непростой жизни, и рассказывать о нем означало снова окунуться в

воспоминания о Родерике, о том дне, когда был уничтожен Серый Дол...

О Сэре.

– Я стараюсь не обращаться к нему. Тем более по имени. Это слишком... – Себастьян запнулся. Слишком нездорово? Не ему говорить о здоровье. – Просто слишком. Но поначалу я называл его Эдом.

– Эдом, – повторила Мэйр безо всякого выражения, но отчего-то казалось, что она сделала в голове некую мысленную пометку. Так и тянуло подглядеть, но Себастьян, худо-бедно совладавший с собственной дурной силой, не стал лезть в чужое сознание. Невежливо, да и снова получить подушкой не хотелось. – Ты прав – ни к чему звать его по имени. Никакого Эда на самом деле нет.

От этих простых слов, к тому же очевидных, Себастьян дернулся, будто его ударили. Не от обиды, вовсе нет – напротив, он как будто ждал, что кто-то скажет ему это. Но...

«Зря она это сказала», – мрачно отозвался монстр. Его голос был пропитан недовольством и злобой.

Он злился на Мэйр, пробуждая магию. Темную, страшную, волной проходящую по телу вместе со страхом самого Себастьяна.

«Не трогай ее!»

Дернуть силу на себя удалось с трудом, впившись ногтями в ладонь – боль отрезвляла. Иногда. Когда удавалось ее почувствовать.

– Именно об этом я и говорю. – Для Мэйр его метания не прошли незамеченными, однако она и бровью не повела. – Видишь ли, у ментальных магов нестабильная, подвижная психика: это подразумевает низкую стрессоустойчивость, что компенсируется крайне высокой адаптивностью. Я не так много знаю о твоём прошлом – пока что, – но кое-какие выводы успела сделать.

Легкая рука целительницы легла на его предплечье; тонкие пальцы сжались с неожиданной силой, почти причиняя боль – но лишь почти. Чужая сила потекла по коже Себастьяна, *под кожу*, заставляя монстра присмиреть. Хотя его недовольство ощущалось и сквозь марево навеянного спокойствия.

Монстру не понравилось, что его, великого и ужасного, держат за какой-то жалкий глюк.

– Он определенно существует, – пробормотал Себастьян. – И он зол. Не зли его. Пожалуйста...

Мэйр ответила недоброй клыкастой ухмылкой, словно бросая вызов «злобному близнецу».

– Его *нет*, – повторила она резким тоном. – Просто однажды случилось то, чего ты, после множества пережитых стрессов, уже не смог вынести. И тогда, чтобы избежать полного безумия, ты разделил сознание на две части: на одну налепил ярлык «хороший», на другую – «плохой». И с того момента «плохой» стал ответственен за бóльшую часть того дерьма, которое ты натворил.

Себастьян судорожно помотал головой и попытался отстраниться, однако Мэйр не позволила. Теперь обе его руки оказались в плену хрупких с виду, но таких сильных и цепких пальцев.

– Нет-нет, я вовсе не хочу тебя пристыдить, – продолжила целительница вкрадчиво и тихо, почти полупшепотом. Ее глаза мягко вспыхнули – бледное золото и ледяная зелень, точь-в-точь блуждающие огни, что загораются на болотах в лунную ночь. – Ты спасал свой разум, делал это как умел... Ты молодец. Так было нужно. Но теперь это обернулось большой проблемой. Ты не сможешь жить среди людей, оставаясь прежним, и тебе придется исправить то, что ты сделал. Понимаешь меня? – Себастьян рассеянно кивнул и только затем, опомнившись и нервно выдохнув, снова мотнул головой. – Исправить – значит, вернуть целостность личности. Иными словами, ты либо научишься жить с тем, что когда-то сделал – как бы ужасно оно ни было, – либо умрешь. Все в твоих руках и в твоей воле, Себастьян.

На этом, видимо, Мэйр сочла разговор оконченным и отпустила его руки. Или попросту хорошенько выложились, судя по тому, как неуклюже она опустилась на краешек стула, с силой растирая виски. Ее стало жаль. Так сильно, что Себастьян опустился перед ней на одно колено и уже сам сжал ее ладони в своих, аккуратно отнимая их от головы. Удивительно, но то была не столько его реакция, сколько монстра – ему словно было совестно, что он причинил «фее» столько неудобств.

«*Она мне нравится*», – ворчливо пробормотал он, неохотно отступая куда-то в глубь сознания и забирая с собой взбесившуюся магию.

– Извини, – проговорил Себастьян тихо. Мэйр не ответила, но голову подняла, глядя на него внимательно, будто ожидая продолжения. Говорить о прошлом отчаянно не хотелось, но и молчать под этим взглядом было невозможно. – Мне нечего рассказывать о себе, Мэйр. Большую часть ты уже знаешь – об отчине, сестре и деревне. С момента, как проснулась моя сила, до того дня, как их всех не стало, я хорошо помню только тьму, плетения чужих заклинаний и боль. Когда стало совсем невыносимо, пришел *он* и остановил все это. Убил всех, до кого дотянулся, но спас меня. Я ненавижу его за то, что он сделал. Но не уверен, что готов от него избавиться.

– Да не нужно от него избавляться! – сердито воскликнула Мэйр. Но тут же смущенно потупилась и сбавила тон: – Прости, пожалуйста, я с дежурства, задолбали малость... Но нет, *нет*, он тебе нужен – и подсознательно ты это понимаешь. Проблема в том, чтобы признать это, принять его как часть себя. Неотъемлемую часть – но не главенствующую. В противном случае... ну, итог немного предсказуем.

«Да, я стану главным, и жизнь будет намного веселее», – протянул на задворках сознания монстр, заставив Себастьяна усмехнуться против воли. Не считая тяги к насилию, он и впрямь куда интереснее – не знает страха, не испытывает стыда и намного быстрее соображает, что ответить. Как будто только Себастьян торчал в лесу гребаных десять лет, в то время как монстр все это время упражнялся в язвительности и сарказме.

– Он утверждает, что понравился бы тебе куда больше. А я зануда и взять с меня нечего. – Он неохотно выпустил ладони Мэйр из своих и поднялся. – Может, тебе стоит прилечь?

Его, разумеется, одарили возмущенно-высокомерным взглядом.

– Благодарю покорно. Я пока что далека от состояния «упасть и не встать», – заявила Мэйр. – Но если ты в порядке, то мне и впрямь лучше пойти домой и лечь спать. И да, своему подельнику можешь передать, что он мне *уже* не нравится. Злобные кровожадные мудаки слегка не в моем вкусе.

Себастьян все же протянул руку, помогая ей подняться, с трудом удержавшись от того, чтобы не поддержать целительницу за плечи. Не оценит, судя по сверкающим глазам и сумбурным мыслям о всяких

обнаглевших пациентах — они были настолько явными, что не подслушать не вышло.

— Извини, — еще раз проговорил он, на этот раз не зная, за что именно извиняется. За все, наверное.

Мэйр только отмахнулась:

— Тебе не за что просить прощения. Просто постарайся смириться с мыслью, что есть только ты. Собери себя в одно целое.

Несколько заторможенно, но Себастьян кивнул. Если для того, чтобы не представлять больше опасности для Мэйр и не видеть ее такой... вымотанной после общения с собой, нужно принять монстра — он готов попробовать. Даже если придется вновь столкнуться с кошмарами прошлого. В любом случае, тот темный период его жизни никогда уже не вернется — Родерик мертв, а вместе с ним и тот деревенский мальчик. Прежний Себастьян.

— Постараюсь.

Когда Мэйр ушла, на прощание попросив все же не увлекаться чужими заклинаниями — «Отстань уже от гребаной двери, всеми богами молю!» — Себастьян, недолго думая, принялся за изучение «Истории магии». Сам не знал почему, просто внезапно стало интересно. Особенно раздел про менталистов — в самом деле, не читать же про некромантов и их жуткие эксперименты над людьми, живыми и мертвыми? Хотя кое-что о слугах Хладной он выцепить все же успел — согласно книге, некросов ментальная магия почти не берет, а уж прожарить им мозги вовсе невозможно.

«С некромантами не ссориться», — сделал он пометку и отложил книгу в сторону.

Нужно было всерьез поразмышлять над тем, что делать с монстром в его голове. Как там говорила Мэйр — смириться, что они одно целое, и научиться жить с тем, что он натворил.

Воспоминания о том дне — первое число месяца Левис — навалились быстро. Себастьян будто бы снова ощутил холод, совершенно не весенний, услышал шум дождя за окном, почувствовал запах паленой плоти. Своей собственной, потому что из-за боли в голове запутался в плетениях на очередном артефакте, дернул не за ту нить и обжег руку.

Он всего лишь хотел помощи, а в итоге узнал, сколько стоит. Две тысячи золотом, из них аванс в пятьсот — такова цена менталиста,

готового выполнять любые приказы своих хозяев.

Когда именно внутри него проснулось чудовище – когда он слышал это, или же когда Родерик заметил пасынка и велел тому убираться, – Себастьян точно не знал. Только помнил, как поднялась внутри сила, затопила сознание, а голос в голове велел убить отчима, отомстить за все, что он сделал. За то, что почти год мучил его ради горстки золота. И Себастьян уступил, охотно и легко, позволил чужаку вгрызться в разум Родерика, разлиться по дому темной волной.

Себастьян хотел, чтобы Родерик горел, как он сам несколько минут назад. А вместе с ним и те люди, для которых он был лишь товаром, а не человеком. Он слышал их мысли, планы на себя, их глазами видел собственное будущее – кровь, смерть, лицо женщины, застегивающей на его руке серебряный браслет. Что ж, не считая загадочной незнакомки, они получили все, о чем думали. Даже золото свое оставили при себе – монстр заставил их глотать рассыпавшиеся монеты одну за другой.

Когда в дом вернулась Сэра, остановиться он уже не смог. Она просто не выдержала чудовищной силы, обрушившейся на нее; успела только позвать его и Родерика по имени, прежде чем...

Прежде чем его маленькой сестренки не стало.

Ей было всего восемь, и она уж точно не желала ему зла, в отличие от отчима и его поделельников.

– Я не мог этого сделать... – прошептал он, уставившись в потолок. Замотал головой, вцепившись себе в волосы. – Я не мог убить ее. Только не ее.

«В войне потери среди мирного населения неминуемы», – прозвучала в голове фраза из давно прочитанной книги.

Монстр книг не любил.

За раздумьями о своей личности, о том, кто из них более настоящий, Себастьян не заметил, как уснул. Просто в один момент провалился в душное марево кошмара – впервые за долгое время красочного, яркого и слишком реального.

Вокруг него снова полыхало пламя, кто-то очень злой снова кричал о смерти, оглушая и заставляя зажимать уши. Бессмысленно – никогда еще не помогало. Себастьян беспомощно огляделся, ища взглядом сестру. Она где-то здесь, в этом доме. Быть может, сейчас удастся ее...

– Выпусти меня! Выпусти, выпусти! – знакомый голос оглушил, испугал даже. Магия потекла в пальцы охотно, как всегда делала это в момент опасности.

– Нет, нет, здесь же Сэра, нельзя...

– Выпусти меня, ну же, зануда!

«Что?»

Себастьян моргнул и увидел перед собой... самого себя, с глазами черными настолько, что не видно даже белков, окруженного тенями и очень, очень злого. Отражение – неправильное, *ненастоящее* – открывало рот, говоря что-то, но Себастьян, сколько ни силился, не мог расслышать ни слова. Он протянул руку, то ли желая прогнать, то ли ударить его, но пальцы прошли сквозь пустоту. Зато теперь он смог услышать голос – нет, крик – своего близнеца:

– Проснись! У нас гости!

Себастьян распахнул глаза, на этот раз по-настоящему, и понял, что находится не в кровати, а перед зачарованной дверью. За которой – он чувствовал это, видел, отчего-то чужими глазами, – уже корчился в предсмертных муках один из охранников.

Очередное «Выпусти!» проорал уже Себастьян, пиная дверь. Охранник, очевидно, услышавший его, потянулся было к засову, но не успел – меч прошел через его руку, как сквозь масло.

– Поздно, – прошептал Себастьян, с ужасом наблюдая, как старый кошмар вновь становится реальностью.

«Поздно, – согласился монстр, склонив голову набок. – Но кое-что мы сделать можем. Хочешь?»

«Хочу».

* * *

...все вокруг сияло пронзительной белизной: огромная круглая луна в темном небе, заснеженная прогалина, стволы голых деревьев; волосы девушки, чуть заметно отливающие зеленцой, ее острое лицо, длинноносое и краснотубое; опушка на капюшоне светлого плаща; тонкие руки, держащие ручку плетеной корзинки...

Девушка прошла к менгирам – нагромождению камней высотой чуть не в два ее роста – и плюхнула корзину на грубо вытесанную

каменную плиту дольмена. Но не ушла, замерла на месте, разглядывая содержимое корзины со странной смесью брезгливости и сожаления.

– Уродина, – выдохнула она. – Была бы ты немного посветлее... Может, тогда бы я тебя оставила. А с такой рожей на что ты мне?...

Мэйр заглянула в корзину, уже зная, что там увидит – чернявого младенчика с жутко горящими глазами, крепко спеленатого и закутанного в толстое одеяльце так, что видать лишь толстощекое, лупоглазое личико да вихор черных волос надо лбом.

Девушке не следовало так закутывать ребенка – ведь она хотела, чтобы тот замерз до смерти...

Девушка ушла, ни разу не оглянувшись.

...зловещая темная фигура запятнала белизну платановой рощи. Незнакомец, с головы до ног закутанный в черное, склонился над дольменом и долго разглядывал корзинку – точнее, то, что в ней.

– И впрямь уродина. Но забавная, – хмыкнул он. И протянул руки к ребенку.

Мэйр беспокойно дернулась, рванула к стремному мужику... и проснулась.

Она всегда просыпалась на одном и том же моменте этого сна, гадкого и чересчур подробного.

– Опять твои фокусы? – хрипло осведомилась она, садясь на постели и грозя кулаком – больше для проформы, ничуть не рассчитывая, будто Неметон увидит и оценит этот грозный жест в сторону зашторенного окна. – Пущу на дровишки!

Неметон не откликнулся, изображая глубокую дрему. Сердито качая головой, Мэйр выбралась из одеяла – она в него вечно куталась, как в кокон, даже когда не было холодно, – наспех оделась и поплелась вниз. Времени было чуть больше трех утра, но сон после эдакой пакости не шел. Так лучше не ворочаться, а согреть чайник и уничтожить часть запасенных на утро сладостей.

Увы, амулет на груди согрелся куда раньше чайника.

Уилл был немногословен и не шибко изыщен в выражениях:

«Трижды долбаное чудище славно поразвлеклось и ждет тебя».

– Рада за него, – выдохнула Мэйр тоскливо, стиснув камешек в кулаке. – Эх, плакали мои сладости.

Выскакивать на улицу в одних штанах и тонкой рубашке оказалось не слишком хорошей идеей – все-таки уже не лето. Благо,

портал у Мэйр был свой, стационарный, стоивший ей кучу золота, но неизменно полезный.

– Ну, гад белобрысый, – ворчала она себе под нос, зябко ежась и настраиваясь на портал столичной лечебницы, – если ты расхреначил-таки дверь, то я тебе не завидую...

Фалько встречал ее на выходе, непривычно растрепанный и тоже небрежно одетый. Лицо лорда было бледнее обычного, а его эмоции – раздражение, досада, злость, усталость – неприятно холодили кожу вместе со шквалом осеннего ветра.

– Что случилось, Уилл? Чудище дорвалось до вожденной дверки? Ну я ему...

– Дорвалось, – сумрачно поведал Фалько, пригладив растрепанные светлые волосы. Костяшки на его руке были сбиты и атели свежей кровью, словно блистательный и манерный лорд-менталист съездил кому-то по физиономии. – Только в том не его вина.

Вся досада на «гада белобрысого» немедля испарилась, сменившись зудящим беспокойством.

– Уилл, в чем дело?

И, не дожидаясь ответа, она быстро зашагала уже знакомым маршрутом, уверенная, что Уилл поспешит следом и будет трепаться прямо на ходу.

Так он и поступил.

– Едва неделя минула, как это чудо выползло из леса, а какой-то ловкач уже выслал по его душу двух гильдейских убийц. Ну, а что он? Угрохал и убийц, и всю сеть заклинаний. Дверь снесло начисто, стекло зачарованное тоже в хламину, сам пацан в полнейшем неадеквате. Не знаю, как ты его тогда в чувство привела... У меня не выходит.

В полнейшем неадеквате.

Еще вечером Себастьян был нормальным, насколько вообще позволяло его состояние. Его сила была смирной, он даже смог ее контролировать и почти признал, что никакого «монстра» в его голове нет. И взгляд его был таким ясным, что непосвященный в дело нипочем не заподозрил бы в нем психа с раздвоением личности.

– Вся работа насмарку, – зло процедила Мэйр, не сбавляя шагу. – Он ранен?

Не то чтобы они с Себастьяном так уж далеко продвинулись, однако начинать с самого начала не хотелось. Это бессонница и

алкоголизм поддавались Мэйр за пару-тройку сеансов, а излечить магическую нестабильность, да еще и такую запущенную, требовало немалых трудов.

– Пара порезов, ничего серьезного... Не ной, подменыш, мы оплатим тебе все переработки.

Мэйр глубоко вдохнула. Выдохнула. Увы, не помогло.

– Да какие, к Хладной, переработки?! – резко остановившись, прорычала она не своим голосом. – Вы мне парня чуть не угробили! Куда твои сраные гвардейцы глядели?!

Фалько смущенно потупился.

– Чего не знаю, того не знаю. Они, видишь ли, мертвее мертвого.

– А. Ясно. И ты оставил Себастьяна одного, среди кучи трупов и битого стекла?

– Ну, как бы... хм, подменыш, ты иголки-то свои с морды убери, а то он еще больше перепугается...

Выдав любимый матерный загиб своего старшего братца Брендана, Мэйр круто развернулась и уже почти бегом направилась к лестнице.

Уже на подходе к той самой лестнице делалось беспокойно. Чем ближе они были к изоляторам, тем сильнее Мэйр продираал озноб. Ей приходилось прикладывать усилия, чтобы не развернуться и не сбежать отсюда ко всем демонам. Даже в полицейском морге, где она бывала пару раз, находиться было не в пример легче. Себастьян мог собой гордиться: его силища оказалась гаже и агрессивнее, чем сборище колдующих некромантов.

«Перепугаешь такого, ага, конечно», – отстраненно подумала Мэйр, сцепляя руки в замок. Запах смерти и гнетущая атмосфера пуще прежнего раздражили живую сталь, и та звенела в венах, серебрилась на коже хаотичным узором, как иней на стекле; рвалась на волю и требовала напоить ее кровью...

«Гребаная фейская приبلуда! Не видишь разве, не до тебя сейчас?»

Напротив развороченной двери изолятора валялись тела в гвардейских мундирах – двоих боевиков против двоих же опытных наемников оказалось мало. И ничего удивительного. Боевые маги хороши в дальнем бою, ближники из них зачастую никакие. Хотя насчет опытности убийц и были некоторые сомнения – уж очень

грязно сработали, крови напустили целую уйму. Да и то, как шустро они пришли убивать Себастьяна, тоже говорило не в их пользу: если верить Френсису, ассасины верхнего эшелона не терпят суеты. «Поэтому-то они самые успешные и самые опасные», – заявлял друг со знанием дела.

Выцветшие стены изолятора были забрызганы кровью, но то уже была не кровь боевых магов. Насколько можно судить, убийцы – два невзрачных и с виду хлипких парня – дрались между собой. Один был распахан лезвием от ключиц и до лобка и красовался кишками наружу; другой валялся тут же, с ножом точно в сердце. У обоих изрезаны руки, торсы, лица – видимо, бой вышел бестолковый, но ожесточенный.

Пугало во всем этом не обилие ран и не вид расхристанных внутренностей – право слово, целитель она или где? – а выражение обреченного ужаса на лице второго ассасина. Картинка сложилась мгновенно: он убил своего подельника, а потом вонзил нож в самого себя.

Положительно, зря эта парочка так сюда спешила.

Мэйр невольно поежилась – Себастьян, будучи не в ладах и с головой, и с силой, умудрился избавиться от убийц на редкость изобретательно. Знать, что именно он подкинул в головы неудачливым ассасинам, категорически не хотелось. Страшнее маньяка может быть только маньяк с фантазией, способный ковыряться в твоих мозгах.

Жутковатую картину венчал сам Себастьян. В окровавленной рубашке, с непроницаемо-черными глазами, без капли человечности во взгляде, он ничуть не напоминал того нахала, который выделялся перед Фалько. И даже отстраненного, погруженного в свои мысли и караули парня, все еще заговаривающегося, при любом удобном случае хватающего Мэйр за руки.

«Берсерк», – промелькнуло у нее в голове.

Она поспешно отогнала мысль, вместе с невесть откуда взявшимся испугом, и решительно шагнула к Себастьяну. Ни к чему вносить путаницу в чужие, без того не самые ясные мозги. На миг обожгло чужой магией, заставив еще раз поежиться.

И вдруг Себастьян, как и в день их знакомства, сам шагнул навстречу, протянул руку и с силой сдавил ее запястье. Мэйр невольно зашипела от боли и только чудом умудрилась сдержать собственную

магию. Хватка вмиг ослабла, но отпускать ее не спешили – длинные пальцы прошлись по предплечью, невесомо огладив кожу, чуть проникли под закатанный измятый рукав, вырывая непозволительно шумный вздох. И тут же исчезли, чтобы вернуться, уже касаясь скулы костяшками.

– Ты долго, моя фея, – послышался над ухом хриплый шепот.

И Мэйр сразу поняла, что лицом к лицу повстречалась с той самой «плохой» половиной.

«Это все еще Себастьян», – спешно напомнила она сама себе.

Все-еще-Себастьяна хотелось швырнуть о ближайшую стену, настолько он был... не-Себастьян. Даже ощущался иначе. Как нечто едко-желчное, агрессивное и крайне хитрожопое. И злое. И притягательное. Но то была какая-то дурная, неправильная притягательность. Она вгоняла в ступор и смущала, заставляла принимать чужое прикосновение как нечто должное – это Мэйр-то, которая терпеть не могла, когда ее трогал кто попало.

– Я не фея, – прохладным тоном проговорила она, оттолкнув чужую руку, – и я своя собственная. Уж прости, что долго; многие люди и нелюди по ночам имеют обыкновение спать.

В самом деле, а что еще здесь скажешь? Не набрасываться же с воплем «Верни моего Себастьяна, злобный мерзавец!». И хотелось бы, да нельзя: как ни нравился Мэйр «ее» Себастьян, а отвергать его дурную половину – плохая идея. В лечении это однозначно не поможет, скорее навредит.

Не-Себастьян отходить не спешил, но руки все же убрал, сложив их на груди; на губах его застыла усмешка, будто бы он *знал*, о чем думает Мэйр. Хотя, скорее всего, и правда знал – на наличие совести у сильного темного и злобного мага рассчитывать глупо.

– Как жаль, – тягуче произнес он и небрежно кивнул на трупы ассасинов, – мне было скучно в их компании. В Гильдии все такие слабаки?

Рядом нахмурился Фалько: кажется, он тоже начал подозревать, что с его подопечным что-то серьезно не так.

– Тебе повезло, – откликнулась Мэйр со всей невозмутимостью, на какую была сейчас способна. – Явись сюда Триада Хельты, тебя бы уже собирали по кускам.

В ответ на это Себастьян приподнял бровь, будто всерьез сомневался в способностях хваленых убийц. Равнодушно глянул на выпотрошенное тело и шагнул в сторону выхода.

— Далеко собрался? — поинтересовался Фалько, в последний момент успев схватить его за плечо.

На вцепившиеся в него пальцы Себастьян глянул так, что, будь на месте Уилла Мэйр, она бы предпочла не только мигом убрать руки, но и отпрыгнуть к противоположной стене. Удивительно, однако по отношению к себе она злобы не чувствовала — только гнетущую, едва не пригибающую к полу силу.

— А что, вы собираетесь оставить своего племянника в камере с этими неудачниками? Я думал, подыщете мне жилье получше.

Был бы Фалько чуть моложе и не умея он держать себя в руках — по шее дорогому племянничку за такой тон наверняка бы двинул. Ну или оттащил бы за ухо, на что Мэйр с удовольствием посмотрела бы. Но Уилл, как ни крути, был лорд, великосветский козел, темный маг и вообще Шелкопряд Его Величества. Он сдержался. Руки, правда, не убрал, без особых усилий втянув зарвавшегося поганца обратно в камеру. Мэйр почувствовала волну магии — густой, угнетающей, но без агрессии.

— Не нравишься ты мне, мальчик, — хмыкнул Фалько. — Подменыш, будь любезна, объясни, чего я не понимаю.

— Это не наш Себастьян, — флегматично пробормотала Мэйр, заправив за ухо прядь волос, выбившуюся из наспех собранного неряшливого пучка. — И мне тоже *этот* не особо нравится, но что поделать?

— Так верни нашего!

— Успею еще. Авось сам вернется, — она подозрительно зыркнула на Себастьяна — тот расплылся в гадкой усмешке да знай себе глазел на нее, как на похабную картинку. — Он же вернется? То есть вернется он в любом случае, но я все-таки не сторонница насилия.

— В насилии есть своя прелесть, — заметил Себастьян, вновь приблизившись к Мэйр. Протянул руку, заставив дернуться, но лапоть не стал, только заботливо расправил замявшийся воротничок рубашки. Пальцы невзначай коснулись шеи, заставив скрипнуть зубами. — Он очень хочет вернуться. Но зачем? Он же опять будет ныть и устраивать

драмы. «Ах, я их всех убил!», «Я опасен для своей феи!». Такая чушь!..

Мэйр улыбнулась одними уголками рта, кажется, немного разобравшись во взаимоотношениях «хорошей» и «плохой» половин. В обоих случаях спрашивал один, но и другого ответ интересовал не меньше, а может, даже и больше. Пусть взаимодействие между этими двумя крайностями протекает бессознательно, однако оно есть.

— И впрямь такая чушь, — согласилась она, глубокомысленно кивая. — То, что он... то, что *ты* опасен для меня. Что касается убийств, так не помешает немножко поработать с причинно-следственными связями. Что-то вроде: «Ах, я их всех убил; и что мне за это будет? Ни феечек, ни жратвы нормальной, в Хладном-то чертоге!»

Вдоволь налюбовавшись помрачневшей физиономией, она все же уточнила:

— Нет, за этот гильдейский мусор тебе ничего не будет. Но не думай, что если мы перед тобой тут прыгаем, то тебе все можно. Грохнешь кого-нибудь не того — я тебе самолично шею сверну. Полагаю, это достаточно доходчиво даже для такого невыносимо наглого засранца, как ты?

— У тебя талант, — скривился в усмешке Себастьян, но Мэйр расслышала в его голосе нечто вроде восхищения.

— Да я вообще одаренная. *Особо* одаренная, судя по тому, что нянчусь тут с тобой, — проворчала она и сердито поджала губы. — Если хочешь что-то отсюда забрать — забирай. Мы уходим.

— То есть как это — «мы уходим»? — тут же отмер лорд Фалько, озадаченно и любопытно наблюдая их беседу. — Ты не можешь просто взять и забрать его! Не имеешь права!

— Он здесь не останется.

— Мэйр, хватит. Боги и богини, ты с этим мелким поганцем превращаешься в долбанутую курицу-наседку! Нападение не повторится, я усилю охрану.

Мэйр сложила руки на груди и отчеканила:

— Три некроманта. Тогда он остается.

Лорд-менталист задрал светлые брови чуть не к самой линии роста волос. А затем нервно засмеялся и погрозил пальцем, будто в ответ на излишне двусмысленную шуточку.

– Три. И тогда, выходит, еще три на вторую смену. Ты в своем уме, Мэйр Макинтайр? Я у Блэр справился насчет *одного* некроа и возможности в случае чего переправить пацана к полицейским. А она мне: «Пока эта херотень лесная в разум не войдет, я на него людей тратить не стану. Перестанет быть потенциальным трупом, тогда и поговорим». Конец цитаты.

– От душечки Киа ничего другого я и не ждала, – досадливо скривилась Мэйр. – Но неважно. Вы, милорд, прошу прощения, здорово облажались с охраной. Я не собираюсь ждать второго нападения, поэтому забираю Себастьяна к себе. В моем лесу нет никого опаснее меня.

– Да не будет второго нападения! – уже явно злясь, воскликнул Фалько. – И первого бы не было, будь наш лорд-канцлер не таким говнюком.

– То есть?...

– То есть он знал заранее, что они придут. Просто ему, видишь ли, было интересно, чем дело кончится!..

Он покосился на собственный сбитый кулак и резко умолк, видимо, сообразив то, что Мэйр поспешила озвучить:

– Уилл, ты сам-то как думаешь, после твоих слов оставлю я его здесь?

– Нет, – Уилл сердито вздохнул, признавая поражение, – но Арлену это не понравится.

Мэйр лишь хмыкнула и пожала плечами. Сама она была уверена, что лорд Дорих нарочно позволил ассасинам добраться до Себастьяна – чтобы Мэйр предсказуемо вызверилась, сграбастала пациента и утащила в свой лесок. И Дорих, и сама Мэйр прекрасно понимали все плюсы такого исхода.

И минусы тоже.

Но Дориху плевать на чувства какой-то полукровной соплячки. А Мэйр... Мэйр просто не могла оставить в этом гадком месте бедного перепуганного парня, бессознательно маскирующего страх под личиной наглого, зловредного негодяя.

За спорами они оба совсем позабыли про Себастьяна. Не настолько, чтобы прошляпить его уход – он по-прежнему стоял напротив них, непривычно высокомерный и *чужой*. Но кое-что в нем изменилось: кривоватая усмешка сползла с губ, взгляд стал еще

темнее; сам он уже не подпирал задницей стол, а выпрямился и сжал кулаки. Его магия опаляла так, что передернул плечами даже Уилл.

– Себастьян?...

– Сюда идут, – коротко отозвался он уже без всяких кривляний.

А потом вдруг схватил Мэйр за руку, решительно задвинул себе за спину и уставился на виднеющуюся из камеры лестницу.

– Кто идет? – От неожиданности Мэйр даже не стала возмущаться такому приступу то ли собственничества, то ли благородства.

– Огонь. – Себастьян несколько долгих секунд пялился на пустой проход, прежде чем резко повернуться к Фалько. – Кто такой Грегор? И почему он хочет мою фею?!

Глава 6

Не стоило и говорить, что при таких обстоятельствах Грегор Нэльтан – самый нежеланный гость из всех, кто мог бы сюда припожаловать. Архимаг Светлого Круга, выдающийся боевик и говнюк настолько редкостный, что даже одиозная Блэр могла ему позавидовать. А уж его нездоровая фиксация на целителе Макинтайр и вовсе отбивала желание общаться, да и вообще находиться с ним в одном городе.

В лечебницу Грегора с год назад сунули заботливые сослуживцы – тот был настолько одержим работой, порядком и ненавистью к «темным мясникам», что заработал серьезный нервный срыв, тяжело ранил троих аспирантов Академии и едва не вылетел из Круга. Грегор сначала ни в какую не желал связываться с «темной тварью», а затем, похоже, вошел во вкус. И вообразил себя паладином на страже ее, Мэйр, чести. Любви к темным магам ему это, впрочем, не прибавило. Нэльтан и по сей день не уставал разоряться, какие все они подлецы, убийцы и жестокие мрази. А его распрекрасная остороухая целительница – та, поди ж ты, *не такая!*

Обычно Мэйр навещала Нэльтана раз в квартал. Наспех проводила профилактику и спешила к ближайшему portalу – в родной Синтар, жаловаться Неметону на доставшего до печенок поклонника. Сказать честно, на первый взгляд огненный архимаг показался ей завидным кавалером – молодой, успешный, привлекательный и умный. Но недостатки перевешивали. Кому, как не мозгоправу Грегора, знать, что тот нетерпим, резок в суждениях, навязчив, агрессивен и склонен к насилию? Ничего не скажешь – эталонный светлый маг и воплощенная добродетель. Только вызови его недовольствие – и тебя уже прижимают к стенке, больно ударяя макушкой о стену да зло обрывая пуговицы на вороте платья...

Естественно, после такого Грегор угодил уже в столичную лечебницу – с тяжелыми травмами. Мэйр его больше не навещала. Что вовсе не остановило архимага: едва поднявшись с больничной койки, тот принялся обивать пороги и ныть, что был неправ. Как ни удивительно, эта пресветлая задница искренне раскаивалась –

обмануть эмпатку, пусть и слабую, весьма сложно. Только поэтому Грегор не вылетел в ближайшее окно.

Но сегодня старина Нэльтан так легко не отделается. Это стало понятно, едва тот степенно проплыл по лестнице, как всегда вычурно одетый и идеально причесанный, с царственной осанкой, преисполненный пафоса с ног до головы. Грегор оглядел живописную картину, развернувшуюся пред его взором; его лицо с темными оленьими глазами, нервное и чересчур породистое для сына кузнеца, вмиг сделалось брюзгливым и жутко неприятным.

– Так-так, – разорвал тишину его голос, тягучий, желчный и полный превосходства. Последнее могло объясняться как троицей мордоворотов, что притокала следом за архимагом, так и чересчур раздутым самомнением, – стало быть, донесения верны? Годы идут, а наш досточтимый Темный Круг не меняет своих привычек. Ну и какое же чудище вы притащили в столицу на сей раз?

«Чудище» в лице Себастьяна дернулось вперед – показать себя лицом, а заодно превратить в кашу без того увечные мозги Грегора. Причем у него вполне могло получиться. Удержать Себастьяна на месте удалось Мэйр с трудом, изо всех сил вцепившись в плечо.

К счастью, Фалько оказался проворнее своего ретивого племянничка.

– Грегор, дорогой! – Он протянул руки к архимагу, словно ожидая, что тот бросится к нему в объятия. – Безмерно рад тебя видеть! Только вот не припомню, чтобы тебя сюда приглашали.

– Меня не приглашали, милорд, – процедил Нэльтан, смерив собеседника крайне брезгливым взглядом. – Я пришел... взглянуть на вашего очередного нелюдя.

– Вы лжете, Грегор, – тихо проговорила Мэйр, выступив вперед и на всякий случай удерживая на месте Себастьяна. Тот был вне себя от злости, видимо, по привычке зеркаля эмоции светлых радикалов, и вообще донельзя напоминал разъяренного келпи – а недоумки, рискнувшие злить здоровенную плотоядную лошадь, редко выживают. – Мы ведь все знаем, зачем вы пришли. Тут даже не нужно быть эмпатом: ваша репутация говорит сама за себя.

Грегор, заметив ее, стушевался и ощутимо подрастерял свой праведный гнев. Узреть в изоляторе целительницу, у которой не так давно лечился, он не ожидал.

Вернее сказать, не ожидал именно сейчас, посреди ночи.

– Здравствуйте, Мэйразн, – робко промолвил Грегор, нервным жестом оправив воротник рубашки. – Я, хм... Я надеялся встретить вас в более... приятных обстоятельствах.

Что до Мэйр, так она надеялась не встречаться вовсе. И ведь сущая глупость – бояться того, кого можешь разорвать голыми руками; однако от близости светлого ублюдка все равно делалось дурно и гадливо. Мэйр слишком отчетливо помнила, какими злобными и остервеневшими могут быть эти кроткие оленьи глазки.

– Вам здесь нечего делать, Грегор. Я вылечу Себастьяна, он будет в порядке.

– Вот как? – Грегор горестно вздохнул. – Значит, этот великосветский палач и мерзавец, – кивок в сторону ехидно ухмыляющегося Фалько, – воспользовался вашей добротой и сделал из вас поводок для монстра. Ах, Мэйразн, вы, конечно, совсем не понимаете...

– Да это вы не понимаете ровным счетом ни хрена! – отрезала Мэйр. – Грегор, вашу ж мать, прекратите нести чушь! Это просто мальчик, который десять лет жил незнамо где и не получал надлежащей медицинской помощи! Почему вы называете больного человека монстром? Где ваше хваленое сопереживание? Вы же такой из себя пресветлый праведник!..

– Тихо, подменыш, а то опять ежиком станешь, – подал голос Фалько, не скрывающий злорадного веселья. Тошно делалось, стоило лишь представить, как треклятый менталист прохаживается по великой любви «пресветлого праведника» к одной остроухой персоне. – Эй, Грегор, а девчонка ведь дело говорит. Лично мне насрать на твое сочувствие, однако же *твое счастье*, что мне сейчас некогда выбивать из вас дурь. Давай ты со своими мудозвонами быстренько исчезнешь, а я сделаю вид, что вас здесь не было. Идет?

Угрозой Грегор не впечатлился; напротив – фанатичный огонек в темных глазах разгорелся ярче. Он ступил с нижней ступеньки на каменный пол; перешагнул через трупы боевиков, безглаголиво приподняв подол белоснежной, идеально отутюженной мантии, и замер прямо напротив Фалько.

– Но я же *здесь*, Уилл. И крайне недоволен тем, что вы притащили в столицу столь опасное... – он глянул на Себастьяна и презрительно

скривился, всем видом выражая омерзение, – создание. Думаешь, я не знаю о его подвигах? Отнюдь! Наслышан! Полторы дюжины трупов за несколько дней! А вместо того чтобы передать преступника на опыты в некромантский гадюшник, его усыновляют всем Темным Кругом. Что, твоя Рангрид уже приготовилась подтирать ему сопли?

– Моя Рангрид если что-то и подотрет, то твои мозги с пола, – процедил лорд Фалько, явно возмущенный тоном Грегора. – Думай, чье имя треплешь.

Нэльтан не удостоил его ответом и перевел нервно бегающие темные глаза на Мэйр. Та поняла, что ее сочли слабым звеном в сборище плохих черных магов. Ничего нового, целителей всегда недооценивают.

– Мэйразн, эти темные нелюди сознательно вводят вас в заблуждение, играют на вашей жалости к этому... существу. – Ласковая улыбочка ничуть не вязалась с колючим взглядом, вызывая лишь желание отхлестать треклятого лицемера по морде. – Я ценю вашу самоотверженность, вы добрый и сострадательный человек...

– Во мне человеческой крови меньше осьмушки, – спустила его с небес на землю Мэйр. – Используя вашу терминологию, *существо* и темная нелюдь здесь как раз я. Хватит, Грегор, мы вдоволь вас наслушались! – отрезала она, не давая Нэльтану продолжить эту кретинскую проповедь. – Себастьян поддается лечению. Могу вам официальное заключение выдать, с печатью и подписью. Если он начнет сознательно и беспричинно выжигать людям мозги, я убью его сама. А если вы сейчас попытаетесь причинить ему вред, я готова убить вас. Без малейших раздумий.

– Не убьете, – заявил Грегор, опрометчиво делая несколько шагов в их сторону; плечо Себастьяна закаменело под пальцами, а воздух вокруг потяжелел. Мэйр не могла слышать, о чем тот думает, но полагала, что архимагу уже измыслили особо кровавую и жестокую смерть. – Вы же не такая, вы не станете, конечно, и поэтому... Отойдите от него, Мэйразн. Менее всего я желаю причинить вам вред.

И он протянул руку, наверняка всерьез воображая себя той немислимой силой, что способна отодрать целителя Макинтайр от неблагонадежного пациента.

Тем более, когда сам пациент – тоже еще та полевая ромашка.

Агрессивная магия взметнулась моментально, резанула лезвием. Мэйр всерьез ожидала, что Нэльтан примется распарывать себе брюхо своим же клинком или с разбегу расшибет голову о каменную кладку. Но Себастьян, то ли слишком злой, то ли решивший, что много чести – тратить магию на такого ублюдка, вдруг схватил руку Нэльтана. Вывернул ее под немыслимым углом, толкнул архимага к ближайшей стене. Пара мгновений – и вот уже недоделанный воин Света прижат к холодным камням своей напыщенной мордой, а его шея того гляди сломается в сильном захвате.

Признаться, картинка вышла красивой. Себастьян напоминал хищника. Вполне разумного, сильного и крайне опасного.

– Еще раз подумаешь о ней, – зашипел он прямо в ухо замершему от испуга Грегору, – и я оторву тебе башку.

Нэльтан все же не зря ходил в архимагах. И собрался мигом – вокруг них вспыхнул десяток огненных сгустков. Себастьян даже не обратил на них внимания, только вывернул чужую руку сильнее.

– *Существо* не боится огня, светлая мразь, – ухмыльнулся он. Наклонился к шее, будто принимался. – Вы такие одинаковые... Всегда хотите то, чего не заслуживаете.

– Я спалю тебя! – прохрипел Нэльтан. Не нужно быть эмпатом, чтобы понять – ему было до одури страшно.

– Не успеешь.

«*Не успеет*, – кивнула Мэйр и резко стиснула кулак, ударяя по Грегору своей силой, точно кинжалом. Архимаг вздрогнул и обмяк в ее хватке. – *Вот так. Теперь брось гадость*».

Себастьян на удивление послушно разжал руки, и Нэльтан мешком рухнул ему под ноги. Без сознания.

– Вот тебе и «не такая», – тут же съязвил лорд Фалько, а затем нехорошо зыркнул в сторону нэльтановских прихвостней – те мялись в сторонке и опасливо поглядывали на такую безобидную с виду целительницу. – Ах ты, коварное чудище из-под холма... Эй, вы трое! Забирайте своего полудурка, да чтобы я больше вас здесь не видел.

– У вас тут четыре трупа, милорд! – выдал самый смелый из прихвостней – коренастый парень, рыжий и веснушчатый, живо напомнивший Мэйр ее брата. – Мы заявим куда следует!

«*Если доживете*», – донеслась колким отзвуком чужая мысль.

Волна магии, чуть слабее предыдущей, прокатилась по камере. Грегоровы телохранители дружно охнули, схватились за головы; один из них принялся отмахиваться, словно от мух.

– Себастьян, – позвала Мэйр. Ответа, разумеется, не последовало – Себастьян с усмешкой наблюдал за страданиями боевиков и прекращать явно не собирался. Пришлось снова схватить его за плечо, хотя видят боги – впору сбежать подальше, а не трогать менталиста. – Себастьян, хватит!

– Это кучка известных светлых цивиллов, за них тебя казнят, – сообщил Фалько как бы между прочим, даже не пытаясь помешать. Неудивительно – Темный Круг не первый год мечтал извести огненного полудурка и его дружков.

– Если найдут тела. – Себастьян лениво повел плечами, но горе-охранников архимага все-таки отпустил. Еще с минуту они трясли головами, не понимая, что это было. Типичная боевка – лезут куда ни попадя, даже не пытаясь включить мозги. Без амулетов да к темному менталисту...

– Вон отсюда, – ласковым тоном велел лорд Фалько.

На этот раз доблестные светлые неудачники решили внять чужой мудрости и спешно поволокли своего незадачливого предводителя наверх.

Мэйр откинула волосы со лба и, подойдя к Себастьяну, бесцеремонно схватила того за руки. Как и следовало ожидать, на них остались многочисленные ожоги – психованный огневик искрил почище неисправного артефакта.

– Я не пойму, ты что, бессмертный? – ворчала она, старательно залечивая багровые следы и краем уха слушая, как Фалько раздает кому-то указания по ментальной связи. – Нашел, на кого с голыми руками кидаться. Грегор отбитый наглухо, ему даже я не смогла башку починить.

– Хочешь, я починю? – предложил Себастьян, совершенно не обращая внимания ни на собственные ожоги, ни на ее ворчание. – Раз и навсегда. Не факт, что ему понравится. Зато одним светлым ублюдком станет меньше.

Мэйр выразительно закатила глаза.

– Думаешь, ты первый, кто возжелал ему смерти? Свои бы и прикончили, да увы, слишком важная птица. Он сильнейший маг и

талантливейший военачальник, силища у него огромная. Пусть сейчас и не военное положение, но на поле боя такие ребята незаменимы. – Она задумчиво покрутила кристалл амулета в пальцах. – Уилл, я знаю Нэльтана куда лучше, чем мне бы того хотелось. Не *настолько* хорошо, хватит ухмыляться!.. Короче, он теперь нипочем не отстанет. Сможешь найти на него управу?

– Постараюсь, – ответил Фалько, недовольно поморщившись – их мнения по поводу душечки Грегора полностью совпадали. – Сейчас организую тут... хм, косметический ремонт и сразу же отправлюсь во дворец. Будем решать. Значит, этого мелкого говнюка со всеми его воображаемыми друзьями, – Себастьян недобро сощурился в ответ на такую лестную характеристику, – ты забираешь в свой дремучий лес? Не нравится мне это, но пусть пока так. А там, может, выбью у сучки Блэр парочку некросов...

Мэйр выразительно хмыкнула, однако рушить надежды лорда-менталиста не стала. Может, и правда выбьет? Сучка Блэр – то еще сокровище, но Нэльтана ненавидит люто.

– И почему у меня раньше не было такой целительницы? – протянул Себастьян, вдоволь нагладевшись на собственные руки – чистые, без единого ожога. – Зато сейчас мы будем жить в одном доме. Круто. Надеюсь, у тебя только одна кровать?

Какое-то время Мэйр молча глядела на него и размышляла, что же этакое можно ответить на подобную наглость. Все, что просилось на ум, было крайне грубо и – что куда важнее! – не очень-то остроумно.

– Так, Уилл, я передумала; оставь себе это сокровище! – в итоге заявила она, прежде чем быстрым шагом направиться к лестнице.

Разумеется, сокровище тут же возмутилось – «Свалить надумала?! Эй! Плохая, плохая фея! Никуда ты без меня не пойдешь!» – и чуть не бегом помчалось следом.

Как и предполагалось.

Уилл лишь издевательски посмеивался, созерцая это цирковое представление.

«Веселитесь, лорд Шелкопряд?» – мстительно подумала Мэйр, краем уха слушая, как белобрысый поганец тоном пай-мальчика заверяет, что он, так уж и быть, пока что согласен на отдельное койко-место. – *Я позже повеселюсь: это же не мне ночевать с лордом-канцлером и миловаться с Киарой поутру».*

Смешки резко стихли. Мэйр полюбовалась на негодующую физиономию Фалько, а затем, весьма довольная, продолжила путь вверх. Себастьян нагнал ее и теперь шел рядом, ухватив за руку цепкими пальцами. Видимо, чтобы точно никуда не сбежала.

* * *

Монстр стих и снова спрятался в глубине сознания: Себастьян понял это, едва открыл глаза. Он лежал на мягком диване, укрытый пледом, и не сразу вспомнил, как здесь оказался и где вообще это «здесь».

Лучше бы и не вспоминал. Стоило только вернуть мозгам ясность, как перед глазами тут же встали воспоминания о том, что он творил. Точнее, что творил его монстр. Потому что у самого Себастьяна не хватило бы наглости клеиться к Мэйр, трогать ее так откровенно и нести всю ту околесицу. Что интересно, четыре трупа в камере, два из которых – его вина, волновали не так сильно. Они были врагами, это чувствовалось в воздухе; даже в их мысли необязательно было лезть, чтобы захотеть жестоко и кроваво убить.

Как и Грегора Нэльтана – просто за один факт его существования.

И это ужаснее всего. Если прежде кровожадность была целиком и полностью прерогативой монстра, то теперь желание свернуть ублюдку шею было его собственным. Даже сейчас, когда Нэльтана не было рядом – достаточно вспомнить, что именно он хотел от Мэйр, как... Как хотелось выпустить монстра снова, разнести весь гребаный Иленгард к такой-то матери, а труп архимага подвесить на центральной площади в назидание другим.

«Это ненормально», – проговорил Себастьян про себя. Монстр попытался возразить, но был быстро заткнут – хватит ему владеть телом, и так повеселился всласть.

Себастьян сел, с силой растирая лицо. Нужно прийти в себя, перестать грезить о Мэйр в своих руках, о нормальной жизни для себя, о домике в уютном месте. Все это не для него, не для чудовища, которое так и жаждет чьей-нибудь смерти. Его удел – лачуга посреди чащобы, с колючим кустарником вокруг, чтобы ни в чем не повинные люди больше не совались к нему.

Он с любопытством огляделся: кажется, уложили его в гостиной. Жилище волшебной феи неуловимо напоминало саму фею; все вокруг было таким же хрупко-легким, обстановка изысканной и самую чуточку вычурной. И *волшебной*, разумеется. Огромное эркерное окно – Себастьян такое только в книжках видал, – в залитую солнцем нишу втиснут еще один диванчик, на нем целая куча вышитых подушек; обои причудливо переливались, точно изморозь на стекле. У противоположной стены выстроились полки темного дерева, сверху донизу забитые книгами; отвести глаза от эдакого раздолья (и вспомнить, что ему вообще-то пора идти) удалось с большим трудом.

Взгляд упал на изящный чайный столик, на котором красовалась большая ваза с фруктами, и Себастьян вмиг ощутил, что готов сожрать оленя. Целиком. Даже сырым. Но придется потерпеть – оставаться в доме Мэйр нельзя, а на оленя придется поохотиться. Однако, чтобы охотиться на кого-либо, надо еще раздобыть лук или хотя бы какой-никакой нож – на животных его сила не действует.

Шум, говоривший о присутствии в доме кого-то еще, раздавался откуда-то сбоку; оттуда же доносились манящие запахи жареного мяса и свежего хлеба. Значит, о ноже придется забыть – Себастьян не питал ложных надежд. Один взгляд Мэйр, взмах ее пушистых ресниц и робкая улыбка – и он лично привяжет себя к ножке ближайшего стула. Ну или вон перила у лестницы какие красивые. А уходить надо, ведь рано или поздно монстр проснется вновь – и нет никакой гарантии, что не останется вместо него навсегда. Подобного допустить никак нельзя. Мэйр должна быть в безопасности, а значит, как можно дальше от Себастьяна со всеми голосами в его голове и поехавшей магией.

Одно из окон за множеством тончайших занавесей было чуть приоткрыто; с улицы тянуло прохладой и свежестью; отчетливо и так знакомо пели птицы да шумела листва, наверняка уже чуть тронутая осенней желтизной.

«То, что надо», – решил Себастьян. Деревья, зверушки и никаких волшебных феек вокруг – самое оно для полоумного менталиста, неспособного контролировать себя.

Неподалеку от окна нашлась и дверь, тяжелая и крепкая даже с виду. Без всяких оповещалок, по крайней мере изнутри, без сложной сети охранных заклинаний. Себастьян, ступая как можно тише, в несколько шагов добрался до нее.

И замер, едва коснувшись резной ручки. Мысль, что свою целительницу он больше не увидит, отдалась внутри глухой болью. Так лучше для них обоих, да только от этого не легче ни на гран. Если ему доведется видеть сны, ближайший год в них будут колдовские глаза, сияющая улыбка и трогательно узкие запястья.

«Так лучше», – повторил Себастьян, прикрыл глаза на секунду и решительно потянул ручку.

– Ну и далеко ты собрался? – слышался за спиной ровный, чуть тягучий голос.

– Далеко, – обернувшись, коротко отозвался он. Хотел этим и ограничиться, но не смог. – Так надо, Мэйр, пойми.

– Эта затея обречена на провал, – невозмутимо сообщила Мэйр, забросив на плечо полотенце, которое до этого нервно комкала в руках. – Предлагаю тебе по-хорошему уняться и сесть завтракать. Иначе придется по-плохому – а я уже говорила, что не люблю насилия.

От этого отстраненного тона снова кольнуло внутри. Себастьян неосознанно скользнул в чужие мысли, но вместо холода и злости увидел только печаль и обиду.

– Зато я люблю, – с трудом заставил себя произнести Себастьян. – *Он* любит. Те люди... я убил их. Без сожалений и сомнений. Мне лучше уйти, Мэйр... Я принесу в твой дом только беду.

Мэйр тяжело вздохнула и покачала головой. Нервно заправила за ухо прядь волос, что на свету отливали не то зеленью, не то лазурью – как воронье крыло.

– Иногда я очень хорошо понимаю, почему Киара ведет себя как распоследняя сука, – сокрушенно пробормотала она себе под нос – а затем скрестила руки на груди и хмуро продолжила: – С вами по-другому никак... Послушай, радость моя: даже если ты каким-то образом справишься со мной и уйдешь, то идти тебе все равно некуда. На севере – *Руот'Шэрре*, непроходимые топи; в юго-восточном направлении – сплошь города и крупные поселения, а в западной стороне – бескрайний лес. *Зачарованный* лес, где всем управляет тысячелетнее полуразумное дерево, которое тебя сожрет и не подавится. Повторяю вопрос – куда ты, мать твою так, собрался?

Что ж, доводы разумные. Видимо, не зря Себастьяна так легко отпустили именно сюда – безопаснее места для психа-убийцы не придумаешь. И убиться при случае может, и другим не навредит.

Поправочка – не навредит никому, кроме Мэйр.

– Выживу как-нибудь. Десять лет выживал, уж с лесом сумею договориться.

Мэйр задрала подбородок и хмыкнула – то ли высокомерно, то ли торжествующе, то ли все сразу.

– Я уже говорила про долбанутое дерево, которое тебя сожрет? Ах, ну да. Так вот: это *мое* долбанутое дерево и *мой* долбанутый лес, – заявила она, – и договариваться тоже нужно со мной. А я тебя не отпускала. Еще варианты будут? Там еда стынет вообще-то...

– Так отпусти! – не выдержал Себастьян, в два шага преодолел расстояние между ними и, схватив Мэйр за плечи, с силой встряхнул. Чужой испуг, пусть и мимолетный, миг заставил устыдиться. Он вздохнул и неожиданно для самого себя уткнулся лбом в плечо целительницы. – Отпусти меня, пожалуйста, Мэйр. Я хочу уйти.

– Похоже, у нас с тобой проблема, Себастьян, – в переливчатом голосе зазвучали смешливые нотки; легкая рука осторожно скользнула по его волосам, замерла на затылке. Небось, опять сжульничать хочет, пользуясь этой своей странной, умиротворяющей силой. – Ведь я-то очень хочу, чтобы ты остался здесь, со мной.

Но нет, никакой магии, только тепло ладони и ласковые прикосновения. Тоже то еще жульничество, если подумать – уходить от нее и прежде не хотелось, а уж так... Нужно оторваться от чужого плеча, отойти, не слушать ни слов, ни чужих мыслей, беспокойных, сумбурных. Мэйр явно не была готова к таким разговорам; до Себастьяна доносилось настойчивое «Ведь я твой целитель!», правды в котором нет ни капли.

Себастьян сам не понял, как вышло, что он вдруг отстранился и зарылся руками в чужие волосы, такие же шелковисто-мягкие на ощупь, как и на вид. Вряд ли вышло ласково, потому как Мэйр сердито зашипела, хоть вырываться и не стала. Внутри поднималось что-то темное, тягучее – не монстр, но очень похожее на него. Что-то, заставившее посмотреть на происходящее между ними по-другому.

Целитель, как же.

«И лапать ты себя позволяешь в целительских целях».

Он подался вперед по наитию, потому что просто смотреть на эти губы было никак невозможно. Их хотелось почувствовать, ощутить жар и вкус, просто дотронуться...

Поцелуй, неловкий после стольких лет одиночества, неумелый и какой-то дурацкий, отдался на губах хвоей и карамелью, сухостью и приятной твердостью. Себастьян втянул носом воздух, понимая, что его не отталкивают, только чужие пальцы с силой впились в плечо, наверняка оставляя синяки. Плевать, Себастьяна боль не пугала, да и что магу какой-то синяк? На денек-два, не более. А вот поцелуй и память о нем – совсем другое дело. Вряд ли удастся забыть эти бесконечные мгновения за ближайшую сотню лет.

Если он вообще столько проживет.

– Ты справишься со мной? – отстранившись и не давая Мэйр выплеснуть возмущение, твердо спросил Себастьян.

– Я все эти годы как-то справлялась с долбаным Неметоном, – ворчливо поведала Мэйр, отпрянув на безопасное, как ей, наверное, казалось, расстояние и недовольно сверкая глазами, – а уж обнаглевшего белобрысого засранца угомоню за десять секунд. Или даже за пять, я вообще-то талантливая.

– Ты угрожаешь мне? – невольно усмехнулся Себастьян. Он успел достаточно неплохо узнать свою целительницу, чтобы понять – та не станет возмущаться, как следовало любому нормальному человеку, а будет старательно делать вид, что ничего особенного не произошло.

«Нельзя, НЕЛЬЗЯ травмировать пациента! Даже если очень хочется!»

– Ставлю перед фактом, – отчеканила Мэйр и круто развернулась, чтобы уйти. – Ты сядешь сегодня за стол или силком тащить? Не стесняйся, мне несложно.

– Иду, – как мог серьезно ответил Себастьян, хотя на лицо так и норовила вылезти глупая улыбка.

Немудрено, после такого-то поцелуя. Ну, то есть ничего особенного, можно было и лучше, но...

Но впредь не стоит проявлять подобный энтузиазм. И вообще в обозримом будущем надо бы поменьше лезть к Мэйр.

«Вообще не лезть».

– Извиняться не буду. И я останусь. Но если он снова... завладеет мной, я уйду, Мэйр.

– Помечтай еще немножко, – эта ехидная реплика донеслась уже из кухни. – Уйдет он... Да кто ж тебя отпустит, наивное ты создание?

Впору было бы разочароваться, да только...

Какая-то часть Себастьяна (внушительная часть на самом деле) была только рада, что его никуда не пустили. Нет, оставить Мэйр в покое и не подвергать ее опасности он все еще хотел. Да только врать себе – самое неблагоприятное дело.

Вздыхнув и посетовав на собственную слабость ко всяким симпатичным целителям, Себастьян поплелся на кухню. Раз уж сделать ничего нельзя, так хоть пожрать и полюбоваться своей феей, пока есть возможность. Та хлопотала у жаровни с почерневшей решеткой, в окружении кастрюль и посуды, с полотенцем на плече. Снова одетая во все черное – Себастьян мог по пальцам одной руки пересчитать, когда видел на ней одежду других цветов. На вопрос о ее странных некромантских предпочтениях Мэйр лишь пожала плечами и ответила: «У меня же мантия попугайской расцветки, под нее мало что подходит. Черное смотрится лучше всего».

Целительская мантия и впрямь оказалась кричащего зеленого цвета, хотя Мэйр и в ней была хороша. Что уж лукавить, такая в любой одежде будет красавицей...

«И без одежды тоже», – авторитетно заявил очнувшийся монстр, как всегда язвительный и наглый. Или это просто внутренний голос Себастьяна? Во всем, что касается Мэйр, они с чудищем поразительно единодушны. Быть может, это путь к выздоровлению?

Через красивую целительницу. Почему бы и нет? Мэйр живая, настоящая, теплая и знакомая будто бы уже лет сто. Желание дотронуться до нее, такой уютной, домашней, напевающей под нос песенку на незнакомом языке, было нестерпимым. Себастьян с трудом удержал себя на месте, вцепившись в столешницу. Но промолчать не мог – что-то внутри так и подбивало на сомнительные комплименты.

– Ты знаешь, что ты очень красивая?

– А ты знаешь, что сейчас договоришься и получишь по башке вот этой лопаткой? Заткнись уже и сиди спокойно.

Выдав сию страшную угрозу, Мэйр снова отвернулась к плите. Правда, это не слишком помогло ей сохранить невозмутимость: чудные эльфийские уши предательски порозовели, выдавая смущение. Вдоволь наглазевшись и в который раз подавив идиотское желание потрогать заостренный кончик, Себастьян неохотно уселся за стол. Не то чтобы деревянная лопатка выглядела так уж опасно, однако казалось недалеким бесить того, кто готовит тебе завтрак.

Добрых десять минут он просто любовался прямой спиной, порозовевшими кончиками ушей и ловкими руками, умело управляющимися с кухонной утварью. Верх кулинарных талантов самого Себастьяна – засолка мяса, рыбы и овощей в дубовых кадках, чудом уцелевших во время пожара. Зимы в Сером Доле были долгими, приходилось запасаться впрок, невольно сравнивая себя с хомяком. Эту простую истину он познал после того, как едва не сдох в первую зиму, когда остался в Сером Доле совсем один. Ни охотиться, ни готовить вчерашний домашний мальчик толком не умел, да и поехавшие мозги плохо способствовали выживанию.

– Мэйр, – позвал он. – А можно как-нибудь... раздобыть лук?

– Я так понимаю, ты не про репчатый, – криво усмехнулась она, отвлекшись от своей кухонной магии и замерев вполоборота к нему. – Раздобыть не проблема, только сначала я должна убедиться, что тебе в руки можно давать оружие, – она снова хмыкнула и принялась расставлять тарелки на столе. – Лук, серьезно? Вот сразу видно, лордский сынок; нормальные-то люди давно на арбалеты перешли. У меня тоже был... не боевой, конечно, учебный, со времен Академии остался.

– «Был»? И куда делся?

– Следаки забрали – оружие убийства и все такое. Я с него грохнула пару человек, ну и... – Мэйр пожала плечами и уселась за стол. – Забрали, да и демон с ним. Все равно я больше фехтовальщица. Ты ешь давай, еще успеешь на меня наглядеться.

Себастьян послушно кивнул и принялся за еду, стараясь не торопиться – в глазах Мэйр выглядеть совсем уж дикарем не хотелось. А вот расспросить о «следаках» и «орудии убийства» – очень даже. Он с трудом удержал неумное любопытство. Ему ли не знать, что некоторые воспоминания лучше оставить в прошлом и вытряхивать только в крайнем случае.

Когда мясо на тарелке закончилось, причем непозволительно быстро, Себастьян снова поднял голову и проговорил, мрачно усмехнувшись:

– Мне не нужно оружие, чтобы убивать людей. Просто... – он запнулся и бросил быстрый взгляд в окно, – зима же скоро, нужно запастись. Да и мне надо чем-то заниматься.

Усмешка исчезла со смуглого лица, сменившись на уже знакомое отрешенно-задумчивое выражение. В который раз осталось подивиться, как Мэйр умудряется корчить такую каменную физиономию и параллельно испытывать с дюжину эмоций одновременно. В такой мешанине разобраться – проще сдохнуть.

– Мы же в городе, – наконец проговорила она. – Здесь не нужно ничем запасаться, проще сходить и купить. Но если уж тебе так хочется, то я что-нибудь придумаю. Один демон, здесь пристрелить некого. Охотники держатся на пару миль подальше от Неметона, я им помогла отметить на картах все безопасные зоны. Ну а кроме них в этот лесок мало кто рискнет сунуться.

– Из-за долбанутого дерева? – усмехнулся Себастьян, припомнив обещания Мэйр натравить на него психованный лес. Отличная компания подобралась, ничего не скажешь.

– В основном из-за него, да. Я как в силу немного вошла, так его и угомонила, но местные все равно побаиваются. Помнят старые времена, когда Неметон нет-нет да впадал в бешенство и начинал жрать всех без разбору.

Себастьян задумчиво уставился в пустую тарелку. Охота, как и любой труд, была отличным способом привести мысли в порядок. И побыть наедине с собой. При всей привлекательности Мэйр и подспудном желании однажды стать цивилизованным человеком, он понимал, что еще не раз и не два захочет побыть один.

– Придумаем что-нибудь, – словно прочитав его мысли, успокоила Мэйр. Краем глаза Себастьян заметил, как она потянулась, чтобы коснуться его руки, но тут же отдернула пальцы. – Заканчивай уже свою рефлексию. Добавки хочешь?

– Какой маг откажется от еды? – Себастьян резво протянул тарелку. – Даже если он психованный менталист.

– *Особенно* если он психованный менталист, – поучительно заметила Мэйр, прежде чем отойти к жаровне. – И да, посуду моешь ты. Труд облагораживает и прочищает мозги.

И то сказать, уж ему-то не помешает прочистить мозги. Да и хоть как-то отблагодарить Мэйр за все, что та для него делает.

Глава 7

Последнее утро месяца Херфис выдалось холодным и влажным – в противовес солнечной и по-летнему теплой погоде, что стояла в Западном Пределе последние пару недель. «Тень приходит с моря», – говаривали с умным видом всякие глазастые фейские умники – как будто озвучивали некое божественное откровение, а не прописную истину, для любого синтарийца ясную как день.

Впрочем, сегодня было ощутимо холоднее, чем положено в начале осени. Выйдя из родной лечебницы, Мэйр раздраженно тряхнула головой, натянула капюшон чуть не до самого носа и сунула в карманы пальто миглом замерзшие руки. Перчатки она взять не додумалась. А следовало бы, учитывая, что даже пруд в ее саду уже затянуло тоненькой пленкой льда. Хорошо, что гололедицы не случилось... Зато пузырящихся грязных луж хоть отбавляй.

Вот в такой луже Мэйр и очутилась, едва вышла из портала посреди Солнечного колеса.

– За-ме-ча-тель-но, – проворчала она себе под нос и зашагала вниз по Южной улице, хмуро поглядывая на грязно-серые тучи, плотным занавесом скрывшие небо. Нынешним утром оно казалось угрожающе низким, словно подумывало рухнуть людишкам на глупые и мокрые головы.

Мэйр горячо одобряла сию задумку. Она любила жару и поспать, а нынче была жестоко лишена и того, и другого, посему хотелось то ли кого-нибудь прибить, то ли самой убиться и больше не мучиться.

Лечение шло Себастьяну на пользу, однако имелись и побочные эффекты. Если в полуподвальной камере лечебницы он намертво вырубался на добрых двенадцать часов, то на вторую ночь в доме Мэйр, понемногу обретая контроль над собственным разумом, уже смог заснуть естественным сном.

Вот только сон этот был некрепкий и полный кошмаров. Магия Себастьяна – душная, темная, злая – растекалась по дому, стремясь отыскать и устранить фантомную угрозу. А находила только Мэйр. Та горела в огне, тонула в бездонном черном озере, ее резали десятки острых ножей, рвали на части жуткие звери – «Вот ведь фантазия у

белобрысого засранца, мать его так!» – в итоге просыпалась, взвинченная и взмокшая от ужаса, да брела к недужному магу. И сидела рядом, вливая в того свою силу – по чуть-чуть, крошечными капельками, чтобы разум не привыкал, чтобы успокоение казалось естественным.

В общем, прошлой ночью Мэйр не спала. А нынешней не выдержала и задремала на краешке постели рядом с Себастьяном. Как ни удивительно, проспала три с половиной часа подряд, прежде чем подорваться по сигналу ментального амулета и, кое-как вырвавшись из крепкой хватки пациента, умчаться на смертный бой с начальством. Целитель Макферсон готов был скорее убить свою лучшую работницу, нежели дать ей отпуск.

Но Мэйр и сама не промах. Правильно подобранные волшебные слова – «личное распоряжение лорда-канцлера», «новое слово в целительстве», «уйду от вас нафиг, злой вы, как некромант на инвентаризации морга!» – мигом погасили в главном целителе жажду крови. Отпуск он подписал («Продлевать не буду, пакость ты из-под холма – мне прибить тебя проще и дешевле!»), и по крайней мере одна проблема была решена.

Решение второй проблемы тоже нашлось. Однако она не была морально готова к тому самому решению. Помилуйте боги, личного пространства и так становилось все меньше и меньше! – нагловатый белобрысый парень вроде и не был навязчив, однако умудрялся быть *везде*. И болтать при этом втрое больше, чем прежде. Кроме того, Мэйр на дух не выносила как чужие постели, так и чужие физиономии в своей спальне.

Вот только кто ее спросит? Да и чего тут спрашивать? Чтобы Себастьян не отправился на разделочный стол к душечке Киа Блэр, можно и нужно потерпеть временные неудобства. Глупо злиться, когда от «неудобств» зависят чужая жизнь и рассудок; еще глупее – становиться целителем, если не готова жертвовать ради пациента временем и покоем.

И репутацией отъявленной одиночки, любящей только свой поехавший лес вместе с его флорой и фауной. Как иначе объяснить, что Мэйр, не сдержав-таки скорбного вздоха, направляется в лавку матери вместо того, чтобы топать домой и отсыпаться? Ради Себастьяна – смотреть на этого новоявленного лорда, разгуливающего

по дому в очередной вытертой рубаше и таких же штанах, было невыносимо. Себастьяну-то на свой внешний вид наплевать, куда больше его интересовал сам дом, лес вокруг (соваться в глубь которого он, по счастью, пока не рвался) и книги, которых на полках имелось немало. А вот у Мэйр чувство прекрасного страдало.

А еще хотелось порадовать Себастьяна хоть чем-то. Просто за то, что он, если опустить жуткие кошмары, оказался хорошим соседом, изо всех сил боролся со своей паранойей и честно выполнял обещание не распускать руки.

«А жаль», – замечал внутренний голос каждый раз, когда Мэйр этими самыми руками невольно любовалась.

Неуместные мысли едва удалось подавить – не хватало еще уподобляться своему пациенту и болтать с воображаемыми друзьями. Реальных будет достаточно, когда те прознают, что их подарок из-под холма обзавелся симпатичным сожителем. А они точно прознают: сначала мама не выдержит и разболтает все сестрице, та поделится секретом с мужем, а там и до Френсиса недалеко... И ведь об отношениях «целитель – пациент» никто даже не подумает.

Мэйр обреченно вздохнула и, покосившись на расписанную цветочками изящную вывеску, толкнула резные двери «Шалфея» – известной в Синтаре модной лавки, что принадлежала ее матушке.

Едва звякнул колокольчик, как дремлющий за прилавком шафрийский мажонк встрепенулся, спешно поправил форменный галстучек и засиял ослепительной улыбкой, явно готовясь выдать стандартное приветствие. Но, разглядев посетителя, поскуchnел и плюхнулся обратно.

– А, это ты.

– Утро доброе, Ахмед, – фыркнула Мэйр. – Ну что, много продал сегодня?

– Очень смешно, дорогуша, – в тон ей откликнулся Ахмед, подперев щеку кулаком и явно мечтая поспать еще хоть часок-другой. – Десятый час, какой долбак в такую рань да при такой погоде за тряпками пойдет?

Мэйр кисло ухмыльнулась и развела руками.

– Вся как есть перед тобой! – Она подошла ближе и, облокотившись на прилавок, заговорщицки понизила голос: – Слушай, касательно тряпок... У меня тут дельце есть, поможешь?

Старший продавец «Шалфея» снова оживился.

– А что же госпожа Элинор? – делано изумился он и тут же хитро сощурил черные глаза: – Ну-ка, ну-ка, и кого одарить хочешь? Неужто парня подцепила?

– Бездна, у тебя только одно на уме! – отмахнулась Мэйр с досадой. – И давай уж мы как-нибудь вдвоем, ладно?...

– Ну ясен хрен, дорогуша!..

– Манеры, Ахмед! – слышался сверху властный окрик.

– Да ладно, мама Элли, это всего лишь подменыш! – тут же заныл Ахмед, распластавшись по полированному дереву прилавка. «Всего лишь подменыш» обреченно закатила глаза – ну конечно, как она понадеялась что-то утаить от матушки, наивное лесное дитя?

– Не зови так мою девочку, она этого не любит! – Элинор Шиан-Макинтайр грациозно проплыла вниз по лестнице, взирая на своего подопечного с явной угрозой. Изумрудно-зеленое платье очень шло к волосам цвета темной меди, уложенным в модную прическу; оно оттеняло бледное лицо, приятно округлое и слишком молодое для дамы шестидесяти четырех лет. Пусть матушка Мэйр не обладала даже толикой магии, однако нынешняя косметика и не такое могла сотворить, были бы деньги.

– Мэйраэн, иди сюда, моя хорошая! – Она заметно смягчилась и протянула к ней руки, мигом превратившись из строгой госпожи в любящую мать. Мэйр улыбнулась и послушно обняла ее, позволив расцеловать себя в обе щеки. – Соскучилась по тебе, милая, как же давно не виделись... Эта мне твоя работа... Ух ты, холодная какая! – Матушка отстранилась и грозно уперла руки в бока. – Так, ты почему опять без шапки? Ведь простынешь!

– Ну мам, ну какая шапка? – Мэйр смущенно покосилась на Ахмеда – но того уже и след простыл; только из кладовки доносилось придушенное ржание старшего продавца. – Еще не так холодно!

– Тебе точно хватит, с твоими-то волшебными ушами, – недовольно проворчала Элинор и решительно поволокла ее наверх, где располагались подсобные комнаты, швейная мастерская и кабинет «мамы Элли», как ее называли все работники без исключения – даже господин Нолан, солидный пожилой мужчина, что помогал ей вести бухгалтерию. – Ну-ка, пойдём, выпьешь горяченького!

Мэйр послушно шагала следом, даже не пытаясь увильнуть. С ее матушкой – необычайно интеллигентной, всегда и со всеми любезной, вкрадчивой, как лиса – спорить бывало пострашнее, нежели с грозной леди Фалько.

Спасибо, хоть с порога не начала выбивать, на какое число у них с «парнем» свадьба назначена.

Но нет, ее мама была не такова. Она заварила ее любимый мятный чай, выставила на столик пирожные, шоколад и сливочный ирис, всласть перемыла кости отцу, Дейдре и Брену... И только уверившись, что младшенькая дочка отогрета и напичкана сладеньким, мило поинтересовалась:

– Значит, ты познакомилась с мальчиком? Кто его родители, я их знаю? Или это девочка?

– Мам, ну какая девочка?!

– Боги, да хоть кто-нибудь! Ты же совсем одичаешь одна в своем жутком лесу!..

Мэйр мученически застонала, сползая по спинке кресла и остро желая прикрыться диванной подушкой как щитом.

– Мам, это твой Ахмед все сочинил! Сама знаешь, у него одни шашни на уме. А мне для пациента нужно, вот... – она вытащила из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок. – Я записала, чтобы долго не объяснять.

Мама ухватила листок, развернула и прошлась по списку цепким взглядом.

– Да тут же полный гардероб, включая верхнюю одежду. Он у тебя погорелец, что ли? – изумилась она. – И мерки нормальные ты, конечно, не сняла. Ахмед подгонку наколдует, но сама понимаешь, приличная выйдет сумма...

Мэйр досадливо отмахнулась. Уж что-что, а финансовый вопрос ее давно не волновал. А если Себастьян заартачится – всегда можно сказать, мол, потом отдашь, ты теперь целый пафосный лорд с титулом, землями и счетом в Имперском банке.

– Не беда, ты, главное, подбери ему что-нибудь покрасивее. И нет, мама, «покрасивее» – это не золоченая хрень с воланами в стиле лорда-генерала Эйнтхартена!

– Манеры, дорогая! – строго одернула мама и одарила ее взглядом, полным укоризны. – Но как же я подберу, если в глаза не

видела твоего *пациента*? – простодушно изумилась она, однако в карих глазах мелькнула хитринка. Кажется, Мэйр все же в чем-то заподозрили. – Привела бы его с собой, и всем нам было бы куда проще.

– У него проблемы с контролем силы, – коротко ответила она, не вдаваясь в подробности. – Да и вообще... не положено мне о нем особо распространяться. Ради его же блага.

– Как жаль... – протянула мама и тем же скучающим тоном прибавила: – Дозволено ли твоей недалекой матушке узнать, как выглядит этот особо секретный тип? О, дай-ка угадаю... блондин. Высокий, стройный, самоуверенный и наглющий.

– Откуда ты знаешь? – возмутилась Мэйр, едва не поперхнувшись глотком чая. И уже понимая, что ее развели как малое дитя.

– И впрямь угадала. Боги и богини, видела бы ты свое лицо! – Матушка заливисто, по-девичьи расхохоталась и подцепила ложечкой одинокое земляничное пирожное, лежащее на блюде. – Горе ты мое ушастое, я *тебя* знаю. Не будь глупенькой, о простых пациентах так не пекутся. Как и о том, будут ли они одеты «покрасивее».

– Ложь и провокация.

– Так а я о чем? Негоже обманывать свою любимую маму!

– Ну знаешь ли!..

Как и ожидалось, убедить любимую маму в том, что пациент и впрямь всего лишь пациент, Мэйр не смогла. Да она и не надеялась, а посему от дальнейшего обсуждения предпочла увильнуть, выбирая цвета и фасоны для будущего гардероба. Выбирала тщательно и придирчиво, так что в итоге матушка развеселилась пуще прежнего – «Да побойся богов, Мэйразн, ты бы так о своей одежке пеклась! Ходишь вся черная, как ворона!» – и отправила погулять на часок-другой.

Мэйр, естественно, не стала тратить время зря – дел еще хватало, да и одними тряпками сыт не будешь.

* * *

Проснулся Себастьян с ощущением, что отлично выспался. Прежде он вообще не страдал проблемами со сном, но после переезда

в дом Мэйр ему стали сниться кошмары. Утром он практически не помнил, что в них было, но чувство гадливости пополам со страхом его не оставляло.

К тому же он подозревал, что его беспокойный сон (о боги, Себастьян никогда не думал, что будет скучать по влиянию его монстра) нехило так действует и на Мэйр. Та, к счастью, умирать, испаривать себе живот и делать все те вещи, которые делали остальные при воздействии его силы, не собиралась. Но поутру выглядела так, будто либо пила всю ночь напролет, либо дралась с каким-то чудовищем.

«С моим чудовищем», – скорбно подумал Себастьян.

«Эй, я бы никогда!» – возмутился монстр. И, кажется, даже всерьез обиделся – ему отчего-то претила даже мысль о вреде Мэйр.

Ну хоть в чем-то они с этим злобным подонком солидарны. В последние пару дней монстр был особенно тих, только тоскливо вздыхал при виде вымотанной целительницы, опускался до сочувствия и всячески подталкивал Себастьяна «пожалеть и порадовать нашу фею». Жалость и радость по отношению к Мэйр с его стороны выражались в вещах не совсем пристойных, отчего горело лицо.

«Придумай что-нибудь получше», – огрызнулся Себастьян на очередное предложение потрогать целительницу. Делать с Мэйр что-либо выбивающееся из отношений «целитель – пациент» он больше не собирался.

Пройдясь по дому, он понял, что остался совсем один – Мэйр нигде не наблюдалось, и даже привычно забытой на столе чашки с остатками чая не было. Судя по всему, она ушла совсем рано, даже не позавтракав.

– Надеюсь, не в лес гулять, – проворчал Себастьян, с тоской глянув в окно, за которым вовсю лил премерзкий осенний дождь. – Ну и погода...

Идея приготовить что-нибудь для гулены-целительницы пришла внезапно, удивив самого Себастьяна. В делах кулинарных он не был силен по понятным причинам, в изысканной кухне тем более. Но кое-что он умел – за десять лет одинокой жизни в лесу чему только не научишься. Даже разбираться, когда можно есть мухоморы без опаски, а какая трава делает изрядно поднадоевших жестких зайцев чуть более съедобными.

За одной из дверей точно была кладовка – Себастьян помнил, хотя сам по дому и кухне в частности особо не бродил. Он наугад открыл одну из них и тут же едва не оказался погребен под многочисленной домашней утварью в виде тряпок, ведер и Бездна знает чего еще. За второй дверью, спрятавшейся в небольшой нише, что-то подозрительно шуршало.

«Крысы, что ли?» – скривился Себастьян, с неохотой кладя руку на резную ручку.

«Ой, ну надо же, жуткий маг-убийца боится крыс?» – ехидно поинтересовался монстр.

«Заткнись».

Заранее сморщившись и вооружившись стоявшей в углу метлой, Себастьян распахнул дверь... и первым делом увидел вовсе не припасы. А огромные золотистые глаза на черной морде. Внушительных размеров лохматый кот смерил его насмешливым взглядом и как ни в чем не бывало вернулся к своим делам. А именно – к пожиранию говяжьей вырезки, которой хватило бы на четверых. Себастьян, как ни пытался, не мог припомнить, чтобы видел его тут прежде. Но что-то мешало замахнуться метлой и прогнать шерстяное чудище, и теперь он попросту смотрел, как оно уничтожает мясо.

Пауза затягивалась.

– Что тебе нужно, человек? – осведомился кот таким надменным тоном, что бородатому пижону Дориху и не снилось. Да и выглядел он попредставительнее всяких там лордов – здоровенный такой котяра с суровой массивной мордой, почти шарообразный – потому как раскормленный и длинношерстный. Шерсть у него была ухоженная, лоснящаяся, будто кота только-только вычесали щеткой. – Ты немой, человек? Ежели нет, то изволь отвечать, когда я обращаюсь к тебе!

Похоже, лечение все же не пошло впрок. Иначе какого такого демона с Себастьяном беседует гребаный кошка? С надеждой, что галлюцинация исчезнет, он захлопнул дверь, досчитал до десяти, для порядка прислушался к собственной магии и снова дернул за ручку. Кот остался на месте, а вот кусок вырезки чуть уменьшился.

– Ты что, псих?

– Ну, вообще-то да, – выдал Себастьян, несколько раз открыв и закрыв рот, взъерошив волосы и на всякий случай оглядевшись. –

Иначе как объяснить, что со мной разговаривает кот? Ты же ненастоящий?

– Я тебе не какой-то кот, ничтожество! – высокомерно протянул «не какой-то кот». – И я такой же настоящий, как и ты. О, Мать Тьмы, с чем только не приходится иметь дело... Вечно эта соплячка Мэйраэн тащит в дом всякую пакость. Надо было оставить ее умирать в лесу... – Он обошел Себастьяна кругом, вызывая задрать голову до неприличия пушистый хвост. – Ты ее новый парень? Предыдущий был симпатичнее... или нет? Вы, людишки, все на одно лицо. – Кот совершенно по-человечески покачал головой и только что глаза не закатил. – Ладно, будем работать с тем, что есть. Можешь называть меня Лир, или же *кайт-ши*. Надеюсь, в твоей ушибленной голове достаточно извилин, чтобы запомнить сей нехитрый факт... И не держи дверь открытой, от этого чары выветриваются!

Последняя фраза донеслась уже из коридора. И интуиция подсказывала Себастьяну, что противный кошак недалеко уйдет. Метлу он все же отложил, быстро похватал в кладовке все, что выглядело знакомо, захлопнул дверь и направился на кухню. Кайт-ши обнаружился там же – расселся на подоконнике с абсолютно хозяйским видом и помахивал хвостом.

– Я Себастьян, – зачем-то представился он и добавил: – И я не парень Мэйр.

«Пока что», – меланхолично добавил монстр, к счастью, не заставив произносить это вслух.

Кот никак не отреагировал на его слова, будучи занятым куда более важным делом – он степенно вылизывался, старательно делая вид, что находится в кухне один. Себастьян на это пожал плечами и принялся раскладывать овощи. И на какое-то время даже отвлекся, пока нарезал мясо и чистил картофель. Но спиной чувствовал взгляд кота, что ничуть не добавляло приятных ощущений.

– Ладно, – отложив нож в сторону, Себастьян повернулся к пушистому гостю, – просто ради интереса – что за кайт-ши? Про плотоядную лошадь и долбанутое дерево я слышал, а вот о высокомерном кошке Мэйр не рассказывала.

– Странное дитя задает мне странные вопросы, – протянул Лир и, потоптавшись на месте, плюхнулся на бок. На широком подоконнике он помещался, но с трудом. – К кому, по-твоему, обращаются «ши»? Я

фейри, а не какой-то там жалкий кот. И я бессмертен. Прожив многие века, невыразимо утомляешься быть двуногим... ну да где тебе понять? Последние лет семьдесят мне больше по душе облик кота. Захочу, стану птичкой... или рыбкой... или долбаным мотыльком, что, впрочем, лишено всяческой практичности. Ну, что-то еще тебя интересует, человек? Говори, я сегодня в хорошем расположении духа.

Себастьян задумчиво покусал губу. Действительно, что можно спросить у бессмертного существа с негодяйской кошачьей мордой?

– Что любит Мэйр? Кроме сладкого, это я уже понял.

– Ты серьезно? – Кайт-ши удивленно приподнял мохнатую голову, не скрывая удивления в тягучем голосе. – Из всех тайн мироздания, которые я мог бы открыть, ты интересуешься вкусами этой мелкой негодницы?

– Ну и зачем мне эти твои тайны мироздания? – развеселился Себастьян. – О том, как быстро и безболезненно починить мою голову, ты вряд ли знаешь. Об остальном я могу прочитать. Мэйр интереснее.

Лир потянулся во всю свою немалую длину и почти по-человечьи фыркнул:

– Как и ожидалось, у людишек в этом возрасте на уме одна похабщина.

– Неправда, я...

– Врешь ты все, Себастьян Лейернхарт. О, я знаю, люди без ума от наших полукровок – они же такие красивые, такие *волшебные*. Но Мэйр ничуть не волшебная. Она подменьш, ублюдок фейри и демона, просто забавный уродец и для тех, и для других. Занудное, инфантильное, капризное дитя, у которого на уме одни лишь книги да конфеты, а еще диковинные вещи и зверушки. Люди ей неинтересны... разве что те, у кого проблемы. Знаешь, почему так?

Себастьян рассеянно мотнул головой. Он понимал, что противный кот говорит гадости про его фею, однако отчего-то продолжал жадно слушать.

– Мать бросила ее в лесу, умирать от голода и холода. Если ты не нужен матери, то кому вообще нужен? Не обольщайся, будто Мэйр носится с тобой оттого, что она вся такая добренькая и бескорыстная. О нет! Она просто любит быть нужной и полезной, все равно кому. Ну, еще она любит высоких блондинов с наглыми рожами, однако это немного другая история...

– Зачем ты говоришь о ней так? – хмуро и требовательно перебил Себастьян. – Мне это не особо нравится!

– Ну конечно, тебе не нравится! Правда редко бывает приятной да приглядной, глупый ты человечек. – Лир снова фыркнул и грациозно спрыгнул на пол. – Какая разница, что любит Мэйр? У нас, фейри, про таких говорят – «сердце в железе». Так что забудь о ней. Подменыш тебе свое холодное сердечко не отдаст.

С этими словами кайт-ши удалился в холл – быть может, на промозглую улицу, но скорее всего обратно в кладовку, к возлюбленной говяжьей вырезке. Себастьян, позабыв о стряпне, глядел ему вслед. Кто бы знал, почему, но многомудрого кота-фейри хотелось схватить за шкурку, хорошенько потряхнуть разок-другой и выкинуть на мороз.

«Херню какую-то нагородил и радуется, коврик прикроватный, – недовольно заявил притихший было монстр. – Вот еще проблема – отдаст, не отдаст... Мы не гордые, сами возьмем».

«И то верно», – согласился Себастьян. И, пообещав-таки при случае пройти по бессмертной кошачьей хребтине метлой, вернулся к тому, с чего начал. Фазан, как известно, сам себя не приготовит.

* * *

Мэйр вернулась за полдень, принеся с собой сырость, запах мокрых листьев и дождя. И кучу пакетов, неведь каким образом уместившихся в ее руках. Себастьян, как раз в этот момент избавлявшийся от парочки подгоревших оладий (их удалось сделать относительно приличными только с пятой попытки), едва не уронил тарелку, завидев все это богатство.

– Ты кого-то ограбила? – поинтересовался он. – Не стоит делать это по утрам, ты в курсе?

– Очень смешно, – отозвалась Мэйр, ставя пакеты на пол.

И без всякой ментальной магии легко было понять, что его целительница устала и чуточку сердита. Себастьян не удержался и скользнул в ее мысли – совсем недалеко, из чистого любопытства.

– Кто такая Элинора? – спросил он и подошел к Мэйр, чтобы помочь снять пальто.

– Моя мама, а что?... – пробормотала Мэйр, судя по всему, растерявшись от внезапной помощи, но тут же сурово сдвинула брови и добавила: – А что я тебе говорила по поводу ментального воздействия и личных границ?

– «За такие дела в приличном обществе по морде дают», – процитировал он.

– Ну хоть запомнил, умница ты мой. – Мэйр обошла его и критически оглядела кухню, словно ожидая узреть на ее месте пепелище. – Ух ты, да у тебя тут пир горой! И что, даже кухня уцелела?

– Ну знаешь ли, – оскорбился Себастьян, пусть и понимая, что ему просто мстят за «ментальное воздействие», – я все это время не под кустом жил! Ну, почти, кусты там тоже были.

– Да кто ж тебя знает? – Целительница пожала плечами, усмехаясь чуть злорадно, однако затем совсем другим тоном добавила: – Извини. Это очень мило с твоей стороны, правда. Уже и не помню, когда в последний раз мне что-то готовили... так что, ну... спасибо, наверное.

«Такая лапочка», – умильно протянул монстр. Себастьян едва смог удержать его от глупостей вроде крепких объятий и прочих... вольностей. Хватало и того, что они с чудищем в последнее время подозрительно часто сходились во мнениях.

– Не за что, – отмахнулся Себастьян. – Хотя вышло съедобно. Я пробовал. Не высокая кухня, но...

– Но ты старался. – Ему доброжелательно улыбнулись, отчего на душе стало так тепло, что он вмиг позабыл о монстре и всех его дурных наклонностях.

Почти обо всех – сколько Себастьян ни пытался, смотреть на Мэйр и не думать о прикосновениях и всяком таком никак не выходило. Слишком хороша во всех отношениях, а к зеленым глазам и длинным ногам Себастьян и в юности питал особую слабость.

Разумеется, он не раз думал о том, что подобное чересчур... внимательное отношение к своей целительнице – не более чем следствие болезни. И будь поблизости другие объекты для восхищения, влюбленности и прочих чувств, отличных от постоянной злости, неприязни и тревоги, то им перепало бы не меньше заинтересованности.

Только вряд ли о них хотелось бы позаботиться так же сильно.

– Мне помогал твой кот, – проговорил он, стараясь (в который уже раз, Бездна, сколько можно!) отвлечься от девичьих прелестей. На подозрительный взгляд пояснил: – Черный, наглый и болтливый. Надо было пустить его на суп.

Мэйр выразительно фыркнула.

– Лира-то? Да ну, отравились бы на фиг... – Она недовольно сдула с лица прядь непослушных волос и покачала головой. – Так и знала, что этот негодяй шерстяной притащится. Он тебя не обижал?

– Обижал он вырезку, – передернул плечами Себастьян. – Меня так, обозвал идиотом пару раз.

– Аа, ну ничего нового... Будь к нему снисходителен: дедуле восьмой век пошел. Со временем даже привыкаешь к его брюзжанию.

– Склероз и старческое слабоумие. Да мы с ним отличная компания! – Он засмеялся, представив себя за дружеской болтовней с кошаком. Могла бы выйти славная беседа, не болтай Лир всякие глупости о его фее.

Он подтолкнул Мэйр к столу, на миг коснулся запястья и подивился тому, насколько оно холодное. Вроде бы через портал путешествовала, когда успела так замерзнуть? Выглядывающие из-под волос кончики ушей тоже внушали подозрение – точно не помешала бы шапка, которой Мэйр пренебрегла. И да, Себастьян понимал, что эти мысли не столько его, сколько Элинора, которая заботилась о непослушной дочке. Но с неведомой дамой он был полностью согласен.

– Замерзла совсем, – проворчал он, протянув руку и потеряв острый кончик.

Мэйр отпрянула так, будто ей как минимум въехали в челюсть кулаком. Полыхнула румянцем, потешно прикрыла ухо ладонью, уставилась исподлобья.

«*Да ты издеваешься!*» – донеслась до Себастьяна возмущенная, даже немного истеричная мысль.

– Ты чего? – только и смог спросить он, озадаченно хмурясь.

– Сам ты чего! – огрызнулась Мэйр не столько сердито, сколько как-то... беспомощно? – П-пожалуйста... н-не... не делай так больше никогда!

– Почему? – искренне изумился Себастьян. По его мнению, реакция даже для его феи-недотроги вышла чересчур неадекватная.

Конечно, не ему рассуждать об адекватности, но все-таки.

– Это неприлично, – ответили ему уже куда спокойнее, хотя воздух, как и щеки целительницы, все еще полыхал от мешанины трудноразличимых эмоций. – И неприятно... То есть не то чтобы... ну... Вот я бы ни с того ни с сего взяла да полезла к тебе в штаны – тебе бы разве понравилось?

Себастьян искренне понадеялся, что выражение его лица достаточно красноречиво. Каким еще оно может быть, когда в голове мигом возникла картинка с узкой ладонью, расстегивающей пуговицы на его штанах?

– Вообще-то... да, Мэйр, мне бы понравилось, – протянул он, глядя на недоуменное лицо напротив.

– Я определенно не хотела вот это слышать, – проворчала она и спешно отошла к раковине, видимо, собираясь вымыть руки. – Боги, я точно собралась спать с ним в одной постели?...

– Что-что?

– Ничего. Всеми богами заклинаю – садись и жри рябчика.

– Мэйр, это фазан.

– Ой, да хрен разница!

Себастьян на это только пожал плечами и послушно поплелся обратно к жаровне, чтобы разложить еду по тарелкам. Еда – лучший способ закончить любой неудобный разговор. И помолчать, переваривая ситуацию вместе с фазаном.

– И правда вкусно, – заключила Мэйр, когда с несчастной птицей, еще более несчастными оладьями и мятным чаем было покончено. От предложенного вина Себастьян уже по обыкновению отказался. – Свалить, что ли, на тебя готовку?

– Это верх моих способностей. Охотник из меня лучше, чем повар.

– Кстати об этом... – Мэйр небрежным взмахом руки отправила посуду в раковину и направилась в гостиную. Заинтригованный Себастьян последовал за ней – он хоть и давил в себе любопытство, но было очень интересно узнать, что вытащило целительницу из кровати в такую погоду с самого утра.

– Тут кое-какая одежда, – сообщила Мэйр, деловито разыскивая что-то в куче пакетов, – ну и еще всякое там барахло. А то у тебя из

вещей зубная щетка да пара страшненьких казенных рубашек, оскорбляющих мой взор...

Себастьян еще раз, уже оторопело, оглядел все это пакетное взгорье. Мысль о том, что его фея, издерганная чужими кошмарами, встала ни свет ни заря и пошла покупать для него целую уйму «всякого там барахла», никак не желала укладываться в голове.

— ...и чтоб я не слышала нытья про «не могу принять», ясно? — Мэйр, не дождавшись никакой реакции, грозно зыркнула на него, прежде чем вернуться к возне с пакетами. — Про «слишком дорого» тоже не интересуется; я отнюдь не нищенка, и деньги свои на что хочу, на то и трачу.

— Я не... — Что именно «не», Себастьян так и не смог сообразить, а потому осекся, беспомощно разглядывая все богатство. Нет, он был безмерно благодарен Мэйр, которая вообще не обязана была делать для него все это, просто... — Хорошо, ныть не буду. И спасибо тебе, но... Мэйр, зачем мне столько?

Он подцепил кусок плотной черной ткани, на деле оказавшейся сюртуком, воротник которого был едва заметно расшит серебряной нитью. Красиво. И как нельзя лучше подходит лорду, но никак не лесному чудищу.

— Эм-м... — протянул он. Она оторвалась от перекапывания пакетов и сурово уставилась на него, наверняка собираясь разразиться очередной тирадой. — Куда я, по-твоему, должен в этом пойти?

— Куда-нибудь да пойдешь. Не думаешь же ты, что тебе дадут всю жизнь отсиживаться в лесу?

— Почему бы и нет?

— Даже не знаю, — Мэйр сделала вид, что задумалась, — может, потому что ты теперь долбаный лорд Лейернхарт? Но проблема даже не в этом, а в том, что наш драгоценный лорд Фалько хочет на пенсию. Так что извини, — она горестно вздохнула и развела руками, — никто тебе в лесу сидеть не даст.

— Но я хочу! Мне нравится отсутствие людей.

— Поверь, твои желания мало кого волнуют. Как и мои. О, нашла!

В Себастьяна полетела тряпка, опознанная как рубашка, а спустя мгновение целительница извлекла из пакета какие-то деревяшки. И только когда она соединила их двумя шустрыми движениями, до Себастьяна дошло: «дервяшки» — это плечи и рукоять. Он

за мороженно наблюдавал, как тонкие и цепкие пальцы придирчиво ощупывают полированное дерево, с неожиданной легкостью натягивают тетиву – а лук тугой даже с виду.

– Забавная игрушка, – пробормотала Мэйр, – я думала, придется за ней порталом в Иленгард идти, но сообразила у отца спросить – он у нас оружейник. Оказывается, старомодных извращенцев хватает, и в Нижних Холмах этого добра целая лавка! И держат ее наши родичи, ну кто бы сомневался... Ну же, бери! – Она улыбнулась так счастливо, словно это ей перепал такой прекрасный подарок, и протянула лук. – Будет тебе здесь хоть какая-то радость.

Себастьян, кое-как согнав оторопь, зачем-то кивнул и взялся за рукоять. Его простенький лук, сгоревший вместе со всем прочим имуществом, не шел ни в какое сравнение с этим; про тяжелое, грубо сделанное охотничье оружие, что по счастью нашлось в лесной хижине, и говорить нечего. Он поискал крепления, соединяющие изогнутые плечи и затейливую резную рукоять, но так и не нашел – словно бы лук вырезали из цельного куска древесины.

– Он изготовлен мастером-магом, – прочтя на его лице замешательство, пояснила Мэйр. – Чтобы собрать и разобрать, достаточно намерения. Терновый, будет хорошо стрелять даже в мороз. Натяжение – шестьдесят фунтов, можно ослабить до пятидесяти... Мастер Эрин предлагала взять послабее, но я подумала, что этот вполне подойдет. Раз уж ты и раньше охотился, то пятьдесят всяко натянешь, с твоими-то плечищами... Хм, так, что еще? А, ну да, тут и остальное есть, – она махнула в сторону большого пакета. – Колчан, стрелы там, тетива запасная, воск, ну и, конечно, всякие штуки для защиты. Вздумаешь стрелять голыми руками – прибью! Ты маг, тебе руки для другого нужны!

– Ага, – только и смог вымолвить Себастьян, разглядывая столь неожиданный подарок. К тому же щедрый – цену таким игрушкам он не мог и представить.

Он любовно огладил полированное дерево, дернул упругую тетиву и жадно глянул в сторону пакета. Стрельба десять лет была его единственным развлечением, а до того – неплохой причиной, чтобы сбежать в лес за деревней и почувствовать себя свободным. Рядом с Родериком Себастьян всегда ощущал себя запертым в невидимой клетке.

– Я не знаю, что и сказать. То есть... знаю, но не уверен, что этого будет достаточно. – Себастьян все же смог найти в себе достаточно сил, чтобы отложить оружие на ближайший столик и приблизиться к Мэйр. Пусть потом ругается – сейчас ему было необходимо дотронуться до ее холодных рук и оказаться как можно ближе. – Ты потрясающая, Мэйр Макинтайр, ты знаешь?

– Ничего я не знаю, – смущенно пробурчала Мэйр, однако не пытаюсь освободиться. – Прекращай ты, ну в самом деле... Еще б замуж позвал!

– Я бы и позвал, но ты же не пойдешь. – Себастьян усмехнулся, погладил ухоженные ладони большими пальцами и неохотно отпустил свою ворчливую фею. – Но зато я знаю, куда точно пойдешь... Спать, Мэйр! Прямо сейчас и без всяких возражений!

– Слушаю и повинуюсь, мой господин, – ответили ему предсказуемо ехидным тоном.

Видать, и впрямь устала, раз даже не пытается спорить.

Глава 8

Сон упорно не шел. Под спиной был мягкий матрас и свежие простыни, за окном чирикали беспокойные ночные птички, доносился запах каких-то трав.

Идиллия, не иначе.

Если бы перед глазами не стоял огонь. Себастьян знал, что пламя, пожирающее стены, дверь и ситцевые занавески, – нереальное. Тошнотворного запаха горелой плоти на самом деле нет. Не в этом доме.

И Себастьян не знал, с чем связано подобное состояние, будто на грани сна и яви. Прежде кошмары его не мучали, а видениями он не страдал с самого переезда в этот дом. Монстр подозрительно молчал, только магия шевелилась внутри, ища выход, силясь выплеснуться, но словно боясь этого. Потому что боялся сам Себастьян – за тонкой стеной спал человек, которым он дорожил и которому меньше всего на свете хотел причинить боль.

Тот дом рассыпался пеплом и остался в прошлом. Настолько далеко, что нормальный человек уже давно похоронил бы мысли о нем за куда более приятными воспоминаниями. Если бы Себастьян мог, он бы сам охотно стер из своей памяти все, что было связано с Серым Долом. Не считая Сэры – она заслуживала того, чтобы помнить о ней как можно дольше. Его милая маленькая Сэра, обратившаяся в груды обгоревших костей среди куч серого пепла.

Себастьян перевернулся на спину и уставился в потолок – чистый, без единой подпалины.

– Ну давайте, уходите уже...

Он зажмурился, принявшись считать и думать о том хорошем, что случилось с ним за последние дни.

Например, о том, что его не потащили на виселицу, хотя могли бы. Или о том, что его волшебная Мэйр, любящая жизнь в одиночестве, так охотно приняла его в своем доме. За немалую плату, разумеется, на что Себастьян никоим образом не обижался – цивилизованный мир был таков, что все в нем решали деньги, и в таких условиях глупо быть альтруистом. Он бы и сам охотно заплатил своей целительнице – хоть

золотом, хоть дичью, хоть всей своей магией до последней капли, потребуйся она ей.

Выругавшись вполголоса, чтобы ненароком не разбудить спящую за стеной Мэйр, Себастьян рывком поднялся с постели. Пол под ногами не издал ни звука, в отличие от петель, скрипнувших, стоило ему толкнуть дверь комнаты.

«Надо бы смазать», – отстраненно отметил он.

Пробежка по лесу и охота на зайцев неплохо прочистила бы мозги. Ну, насколько это вообще возможно, учитывая его затяжную ссору с собственным разумом. Жаль, что на дворе ночь, а Мэйр вряд ли оценит его побег.

Огонь, исчезнувший было, вернулся, стоило только шагнуть к лестнице. Себастьян почти почувствовал жар, когда коснулся перил, и поспешно отдернул руку.

– Да твою ж мать.

Удар по гладкой деревяшке отрезвил ненадолго. Пламя перед глазами рассеялось, но чувство было такое, будто он только что неплохо поколдовал. Как тогда, во время драки с наемными убийцами.

Себастьян уселся прямо на ступеньки, уперся локтями в колени и запустил пальцы в волосы.

– Прекращай уже, – проговорил он сам себе. – Не зря же Мэйр тратит столько времени...

Внезапная мысль кольнула в мозг словно иглой.

Мэйр!

Он подскочил на месте, едва не навернувшись с лестницы. Если ему самому плохо, то каково сейчас ей? Скорее по наитию, чем по доброй воле, Себастьян быстрым шагом направился к комнате Мэйр, надеясь, что не успел навредить ей. Толкнул дверь и шагнул внутрь, и только там смог выдохнуть более-менее спокойно, увидев, что хозяйка дома все еще жива. И спит, пусть беспокойно, вздрагивая так, что заметно даже в неверном свете луны, льющемся сквозь неплотно зашторенное окно.

Себастьян подошел к постели, опустился на колени и коснулся руки, выглядывающей из-под одеяла. Будто он мог таким образом успокоить Мэйр, хотя на деле наверняка делал только хуже.

– Бездна, не подкрадывайся ко мне спящей, – проворчала та хриплым со сна голосом. – Я же спросонок и об стену долбануть

могу...

Она нехотя села на постели и совершенно по-детски потерла глаза кулаками, прежде чем спросить:

– Тебе опять плохо?

Себастьян посмотрел на нее снизу вверх и покачал головой.

– Нет. Нет, просто... кошмар. Наяву. Я подумал – вдруг сделал тебе что-то, и решил проверить. Извини...

Он попытался подняться, но изящная рука легла на его плечо, мягко удерживая на месте.

– Нетушки, несчастье мое, эдак я опять полночи пробегаю. – Мэйр медленно, будто с неохотой разжала пальцы, а затем плюхнулась обратно и, сдвинувшись ближе к окну, откинула уголок одеяла. – А мне ле-ень... Ради твоего же блага я надеюсь, что ты не храпишь.

«Она надеется... что?»

Пришлось все же уточнить для полной ясности:

– Ты хочешь, чтобы я?...

– ...заткнулся и лег со мной. Я тоже не в восторге, но в прошлый раз вроде помогло.

«Да шевелись же ты, идиот! – ожил монстр, до того притворявшийся мертвым. – А то она передумает!»

– О. Ладно. – Себастьян сбросил неуместное оцепенение и юркнул под одеяло. Улегся на самый краешек и даже честно закрыл глаза, намереваясь уснуть. И не выдержал, повернулся к Мэйр: – Что было в прошлый раз?

– Ах, так ты не помнишь нашу первую ночь? Ну каков наглец! – Целительница отвернулась к окну, но Себастьян откуда-то знал, что она усмехается. – Ничего особенного. Ты меня дергал с постели каждый час, а я в итоге не выдержала и отрубилась чуть не на тебе. А проснулась сама, да и то только потому, что на работу надо было зайти.

Так и не найдясь с ответом, Себастьян подвинулся к Мэйр чуть ближе – тепло ее тела так и притягивало, как и струящийся от нее легкий ручеек магии.

– Да уж, я определенно не самый лучший партнер в постели, – хмыкнул он. – Спать не даю, а удовольствия ноль.

– Твоя правда, – безжалостно согласилась Мэйр и, кажется, зевнула. – Можешь прямо сейчас начинать исправляться.

Монстр не иначе как упал в обморок от таких слов – Себастьян ожидал ехидных комментариев, но в голове вдруг стало ясно как никогда. Почти... В здравом уме он бы ни за что не стал так своевольничать, касаясь выглядывающего из-под одеяла плеча и сдвигая ткань мягкой рубашки. Прежде чем Мэйр успела опомниться и справедливо осыпать его проклятиями, Себастьян придвинулся еще ближе и дотронулся губами обнаженной кожи. Отстранился почти сразу – мыслей в чужой голове он не слышал, а без дозволения... Кто знает этих эльфов, может, у них не только уши волшебные?

– Можно? – тихо поинтересовался он.

– Дай-ка подумать... – начала Мэйр сиплым полушепотом, а затем резко повернулась и зло сверкнула своими нелюдскими глазами. Откуда-то пришла догадка: наверняка эти глаза отлично видят в темноте. – Боги, Себастьян! Я... я же про «спать», а не... не про вот это вот! – сердито выдохнув, она дернула одеяло на себя и укрылась чуть не с головой. – Хватит уже, ну... Я понимаю, что ты десять лет девиц не видал, но прошу, не делай того, о чем непременно пожалеешь.

«Неубедительно врешь», – подумал Себастьян, неохотно отстраняясь.

Нет, он помнил свое обещание, правила приличия; и что в постель его взяли, чтобы спать. Но... он мог поклясться, что Мэйр очень, до мурашек и дрожи нравится, когда к ней прикасаются, обнимают и целуют. Однако по каким-то причинам принять то, что может быть кому-то симпатична – симпатична *ему*, – она никак не может.

А Себастьян, между прочим, ничего такого и не хотел. Всего лишь приласкать немного, почувствовать жар ее тела... и, может быть, поцеловать...

– Не знаю, о чем я должен пожалеть, – проговорил он, все же наклоняясь и целуя Мэйр в уголок губ, прежде чем отодвинуться и повернуться к ней спиной. – Извини.

На какое-то время в комнате повисла тишина. Не уютная и приятная, как это обычно бывало между ними, а очень даже наоборот.

– Это называется «эмоциональный шантаж», хитрожопый ты засранец, – тихо проворчала Мэйр. А затем придвинулась ближе и медленно, будто неохотно обняла Себастьяна, чуть не вплотную

притиснувшись грудью к его спине. – Как что не по-твоему, так всю душу вытрясешь...

Рука на груди, горячая, изящная, но сильная, согревала лучше всякого огня. Себастьян чуть сполз вниз по подушке, чтобы лучше слышать успокаивающее сопение над ухом и чувствовать на шее теплое дыхание феи. Подумав, накрыл чужие длинные пальцы и сильно сжал. Мэйр, судя по всколыхнувшей воздух прохладной волне недовольства, это не понравилось. Себастьян чуть ослабил хватку и погладил запястье.

– Извини, – снова прошептал он, закрывая глаза.

– Спи давай, несчастье мое.

Сон пришел на удивление быстро. Пламени больше не было.

* * *

Просыпаться в чужой постели, с чужой же рукой поперек живота было... странно. Настолько, что Себастьян не придумал ничего лучше, кроме как выместись из этой самой постели побыстрее. И потише, чтобы не разбудить мирно сопящую Мэйр, закутавшуюся в одеяло, как в кокон, стоило только ему выбраться из ее объятий.

В самом деле, они же не влюбленная парочка, чтобы просыпаться вместе в лучах рассвета. Хотя какой там рассвет – лес за окном объят густым туманом. Не дождь, и то ладно; можно высунуть на улицу нос и проветрить сонные мозги.

Выйдя из дома, Себастьян вздохнул – в такую погоду не поохотишься, да и к новому луку стоит привыкнуть, прежде чем соваться в лес. Зачарованный, на минуточку, населенный поехавшими деревьями, столь же поехавшими лошадьми и демон знает чем еще. Мэйр о своих владениях фантазировала в красках (не иначе как в целях устрашения своего безалаберного пациента), и эти картинки в ее голове мигом отбивали охоту рисковать.

«То ли дело дверь в защищенной камере», – напомнил он сам себе и усмехнулся. С того случая и месяца не прошло, а будто уже пара лет. К хорошему быстро привыкаешь; интересно только, как долго это продлится.

Себастьян покосился на груды поленьев под навесом: надо бы наколоть, да побольше, чтобы теплолюбивая Мэйр в один прекрасный день не замерзла. Как вообще можно замерзнуть в погоду, подобную нынешней, он откровенно не понимал – в Сером Доле случались такие морозы, что всю скотину заводили в дома. Да и лесная хижина не отличалась крепкими стенами, отчего к холоду и сквознякам пришлось быстро привыкнуть. А заодно научиться латать протекающую крышу и сколачивать подгнивающие доски, чтобы совсем не окоченеть в зиму.

Странное, кстати, дело – до своего побега в лес Себастьян не мог похвастаться умением работать руками, по хозяйству помогал мало.

«Магу руки для другого нужны», – любил говорить Родерик.

Удивительно, как еще лук подарил... Хотя позже Себастьян узнал, что это был подарок отца, а вовсе не Родерика. Видимо, чтобы потом всякий раз читать нотации, когда видел стертые до крови пальцы.

Совсем как Мэйр.

Себастьян отмахнулся – не хватало еще сравнивать ублюдка-отчима со своей феей, – скинул рубашку, поежился от сырого воздуха, коснувшегося спины, и взялся за топор. Чем не плата за ночь без кошмаров?

– Из моей постели еще не сбегали, чтобы заняться... вот этим, – спустя какое-то время послышался за спиной голос Мэйр. Себастьян как раз пытался расколоть особо крупное бревно и не слышал ее шагов. И едва не выронил топор от неожиданности. – Что ты делаешь, чудо лесное? Для этого скелеты есть в кладовке!

– А они умеют? – Он повернулся и не смог сдержать улыбки – Мэйр вышла на улицу, кутаясь в шерстяное одеяло. – Согласись, они и вполтину не так хороши, как я.

– Сие бесспорно, мой полуголый друг, – пробурчала Мэйр, сонно щуря глаза и явно мечтая куда-нибудь если не рухнуть, то хотя бы присесть. По утрам его целительница, вся такая манерно-опрятная и деловитая, частенько бывала сама на себя не похожа: растрепанная, ворчливая и поразительно неуклюжая – только что мимо дверей не промахивалась. – Но это отнюдь не повод похабить руки, они и без того... Прекрати закатывать глаза, ты, чудовище! И оденься, ради всех богов! Мне на тебя даже смотреть холодно!

Себастьян на эту отповедь улыбнулся и покачал головой – Мэйр неискривима. Но топор все же всадил в бревно, справедливо рассудив,

что на сегодня физического труда достаточно. Потянулся за рубашкой, но надевать не стал, перекинув через плечо.

– Сразу видно – ни разу ты не была севернее вашей столицы. Это разве холод? И вообще, у меня же есть ты. – Он приблизился и протянул целительнице ладони с несколькими свежими мозолями. – Вылечишь?

– Вылечу? Ни фига. Наглые засранцы должны страдать.

Но Мэйр вылечила. А потом принялась кутать его в одеяльце, пунцовая волшебными ушами и непрестанно ворча про бестолковых неслухов, у которых отроду ни мозгов, ни совести. Себастьян слушал все это, глупо ухмыляясь и судорожно соображая, как угомонить свою сварливую фею. По всему выходило, что или накормить, или вырубить.

– Боги, Мэйр, прекрати. – Кое-как освободившись от цепких пальцев, он накинул одеяло обратно на целительницу и уже привычно сжал ее ладони в своих. – Или я тебя поцелую. Ты же не хочешь этого?

Мучительно хмурясь и явно все еще сиюсь прогнать сон, Мэйр выдала:

– Я, может, и хочу, да только это плохая идея...

Себастьян, ожидавший очередной нотации в стиле «ты мой пациент, это неэтично, я в домике и вообще иди в Бездну», даже рот приоткрыл в недоверии.

– Так... это значит «да»?

– Так... это я вслух сказала? – Мэйр отняла свои руки и укуталась в многострадальное одеяло по самую макушку. А дождавшись решительного кивка, меланхолично прибавила: – Дерьмо. Надо пойти еще поспать.

– Зачем вообще вставала? – вздохнул Себастьян, натягивая край одеяла до самого кончика ее носа.

Такую Мэйр, уютную, домашнюю и теплую, хотелось обнять, утащить подальше от чужих глаз, что особенно актуально посреди леса, отпаивать горячим чаем и кормить пирожными. Потом можно заняться чем-нибудь поинтереснее – Мэйр не сильно против, судя по блуждающим в ее голове мыслишкам. Но сначала пирожные...

...о которых, как и обо всем остальном, придется позабыть, потому как неведомый гость не нашел времени лучше, чтобы наведаться в их дом. Едва только вспыхнул портал, Себастьян от

разочарования выпустил толику магии, надеясь отпугнуть визитера. Куда там – это явился дражайший дядюшка собственной персоной. Непробиваемый, неприлично бодрый и хитро ухмыляющийся. Оценил картину, не иначе.

– Какие котятки! – умилился Фалько, даже руками всплеснул. Дурацкая улыбочка никак не вязалась с образом сурового лорда-менталиста. Другое дело, что самому лорду до этого дела нет. – Дровник вместо сеновала? Суровая вы парочка.

От Мэйр пришлось отойти и как можно более сурово (ну, Себастьян надеялся, что вышло именно так) зыркнуть на Фалько. Пока он придумывал, как бы так съязвить, чтобы наверняка испортить родственничку настроение, Мэйр его опередила.

– Какими судьбами, Уилл? – откинув с глаз одеяло, поинтересовалась она. Тоже недовольна – Себастьян почувствовал волну досады и негодования, исходящую от нее.

– Проснись и пой, подменыш! Крышу пацану чинить пришел, – охотно поведал Фалько, не переставая веселиться. – Ты вроде разрешила, и мы с тобой договорились, что я выделю ему время.

– А предупредить?

Лорд виновато развел руками.

– Сама понимаешь, дел у меня хватает. Я освободился час назад, показался пред очи дражайшей супруги... Кстати, насилу вырвался: ей, понимаешь ли, вынь да положь племянничка, – он вздохнул с напускной печалью. – Я пока что отбрехался – мол, племянничек без ментальных щитов общественно опасен. Но ты же знаешь Рангрид! Собственно, она меня к вам и выгнала. – Иstorгнув из могучей груди еще один душераздирающий вздох, Фалько расплылся в гадкой ухмылочке. – Но в следующий раз я, конечно, предупрежу. А то мало ли, вдруг вы тут не одеты!

– Размечтался, старый охальник!..

Ромашковый чай, предложенный Мэйр, оказался весьма кстати. Себастьян, едва заслышав, что лорд Фалько собирается помочь с его недужной головой и магией, мигом сменил гнев на милость и пребывал в предвкушении. Он не слишком понимал, в чем эта помощь должна выражаться, а оттого нервничал. Даже Мэйр заметила – и окатила его волной успокаивающей магии.

– Что мне нужно делать? – поинтересовался Себастьян, когда они устроились в гостиной.

– Для начала – ни на что не отвлекаться, – сказав это, лорд Фалько устремил выразительный взгляд на Мэйр. Та поерзала на месте и невинно уточнила:

– Что?

– Брысь, подменыш. Ты вроде спать хотела? Иди спи.

Мэйр с явным неудовольствием поморщилась, однако послушно поднялась и, коротко сжав плечо Себастьяна, ушла наверх.

«Не обижай дядюшку, несчастье мое!» – донеслась как будто издалека чужая смешливая мысль.

– Так, от Мэйр избавились, – деловито проговорил указанный дядюшка. Однако колдовскими премудростями делиться не спешил. – Думал, будет сложнее... Ну что, как тебе тут живется? Зачарованный лес – то еще местечко.

Себастьян еще какое-то время паялился на опустевшую лестницу, а потом повернулся к Фалько и пожал плечами.

– Не знаю, я пока там не был. То есть в самую чашу не совался, а так... Ну, все нормально...

Что еще он мог сказать? Что ему до безумия, до звездочек перед глазами нравится жить здесь, с Мэйр? Спать с ней в одной постели, просыпаться и чувствовать себя почти нормальным человеком? Этого еще не хватало.

– Я почти не слышу его. – В ответ на вопросительный взгляд Себастьян покрутил рукой вокруг головы.

– Да, я знаю. Именно поэтому я и здесь.

Вторжение в свой разум Себастьян засек почти сразу – и тут же вытолкнул незваного гостя прочь. По понятным причинам он не слишком любил, когда в его голову влезали без спроса.

– Что вы делаете? – возмутился он.

Недавно обретенный дядюшка выразительно закатил глаза и сложил руки на груди.

– Вхожу в твой разум, что ж еще-то? Как я, по-твоему, обучу тебя ментальной защите?

– Ну не знаю... словами!

– Да какими, в Бездну, словами? – сердито фыркнул Фалько. – Пойми, Себастьян, работу с сознанием нельзя изучить по книжкам. То

есть там, конечно, нарисуют модель памяти, расчертят матрицы заклинаний, дадут примеры базовых сетей... Только вот из них ты ни в жизнь не поймешь – что, куда и как надо класть, пока другой менталист тебе не продемонстрирует наглядно. И уж тем более не сообразишь, каким образом и в соответствии с какими критериями базовая сеть заклинаний настраивается под чужой разум и векторы магической силы. Понимаешь ты, что я хочу сказать?

Понимать-то Себастьян понимал – не зря же он чуть не все свободное время, коего было даже в избытке, проводил за умными книжками, которые таскал из библиотеки Мэйр. Но и экспериментов над своими мозгами он не очень хотел, даже если в роли экспериментатора так называемый дядя. Родерик воспитывал его с рождения, и сей факт никак не помешал ему... сделать с ним то, что он сделал.

– То есть вы должны влезть в мои мозги и начать восстанавливать мою защиту? А я должен вам довериться? – протянул Себастьян. И в ответ получил уверенный кивок. – Так себе план.

– Ты сам хотел стену. Аж чуть больницу нам не взорвал.

– Хотел. Но сам. Я, знаете ли, не слишком доверяю всяким помощникам.

– Послушай, Себастьян, – Фалько потер пальцами переносицу. Стало даже стыдно – у человека его положения наверняка достаточно дел и без всяких неуравновешенных юнцов, – я понимаю, у тебя была сложная жизнь. Но тебе придется смириться с моим вмешательством, иначе так и будешь сидеть тут, в четырех стенах. И это в лучшем случае.

– В *этих* стенах? Меня устраивает.

– Себастьян!..

Нужно выпить что-нибудь покрепче ромашкового чая. Чтобы не было так стыдно перед Фалько, который возится с ним, хотя и не обязан; перед Мэйр, которой и вовсе пришлось делить с ним кров, пищу и одеяло. И страшно, что уж там – Себастьяну слишком нравилось его нынешнее состояние, пусть и не до конца стабильное. Это лучше, чем когда монстр брал верх и нашептывал на ухо всякие мерзости.

– Ладно, – он вздохнул, глянул на свои руки, сцепленные на коленях, – попробуем. Что от меня требуется?

– Не сопротивляться. Если ты собираешься и дальше вышвыривать меня из своей головы, то мы просто зря тратим время.

Согласно кивнуть в ответ на просьбу – легко. Куда сложнее – впустить в свою голову другого человека. Себастьян с сомнением покусал губу, снова оглянулся на лестницу, подсознательно ожидая, что Мэйр вот-вот вернется и одним своим присутствием развеет все сомнения.

Так, ну вот этого еще не хватало – заставлять целительницу решать все свои мелкие проблемы.

Себастьян потряс головой, сосредоточился и постарался выкинуть из головы мысли о Мэйр и всех сопутствующих... приятностях. Закрыв глаза и попытался расслабиться, не препятствовать вторжению в собственную голову.

Вмешательство чужака коротко отдалось болью в висках, посылая по телу волну неприятия и гадливости. *Влез под кожу, забрался в самое нутро, хочет навести свои порядки...*

– Да чтоб тебя! Агрессивный-то какой. – Фалько шумно выдохнул, прижав ко лбу кулак, и тут же коротко бросил: – Еще раз.

Себастьян недовольно скривился, однако позволил лордументалисту вновь вторгнуться в свой разум. С каждой новой попыткой незримое чужое присутствие делалось все более терпимым – увы, от этого не менее противным. Но когда перед глазами замерцало яркое переплетение цветных нитей, Себастьян испуганно охнул и вновь вышиб Фалько прочь.

Тот, как ни странно, не рассердился.

– Мне следовало помнить, что ты весь в папенку. Хочешь контролировать всех и вся. Ладно, тогда начнем с конца! Визуализируй свое сознание, как пространство... картинки у всех разные, но ты лучше начни с самого простого.

– Комната? – неуверенно предположил Себастьян, на что получил еще одну кривую усмешку и довольный кивок.

– Соображаешь, пацан! Комната. С интерьером потом разберешься, а пока хватит и пустого кубика. С парочкой дверей. И окна давай, чтобы по одному на каждую сторону.

– Да нафиг столько окон? Дуть со всех щелей будет, и вообще...

– Видит Хладная, в тебе возродился гребаный Эдриан Лейернхарт, – мученически застонал лорд Фалько, хватаясь за голову. –

Тебе в ней жить, что ли? Не занудствуй и не жалея окошек, делай как велено!

– Ладно, ладно...

Себастьян снова закрыл глаза и представил комнату. Не из детства – хорошие воспоминания о нем давно поблекли за другими, мрачными, наполненными постоянной болью и голосом Родерика. Возвращаться туда он не хотел даже в собственном воображении. Помещение получилось очень похожим на дом Мэйр и одновременно на тот сон, что снился ему в больничной камере: каменные стены, чуть посеревшие от времени, окна с белыми рамами; дубовая дверь в железной оковке, с тяжелым засовом, окутанная маревом серебристых нитей.

«Запирающее заклинание», – вспомнил Себастьян, распознав знакомое плетение. Именно такое он когда-то сломал первым.

Вторая дверь представилась решеткой из крепких стальных прутьев. Без всяких заклинаний, но отпирающаяся только изнутри. Почему именно так, Себастьян не знал, но чувствовал, что так будет... удобнее.

– Ну как, получается? Я вхожу, давай посмотрим.

Чужое вторжение все еще казалось премерзкой штуковиной, однако Себастьян с каким-то хищным удовлетворением отметил: оно стало осязаемым. Нежеланный гость клубился у одной из «дверей» густым фиолетовым маревом; так изображают злых духов в детских книжках...

«И так изображает меня твое подсознание, – пронеслось по «комнате» насмешливым эхом. – Научишься сознательно калибровать образы – будет хоть злой дух, хоть розовый дракончик, хоть твой побитый жизнью дядюшка».

«Что дальше?» – так же про себя уточнил Себастьян, понемногу привыкая к присутствию в своей голове клятого дядюшки.

«Красоту наводить будем. Смотри внимательно».

Вскоре поверх ближайшего окошка легло переплетение цветных нитей – с виду легкое, ажурное, как кружевная скатерть. «Сеть заклинаний», – понял Себастьян, не без зависти глядя, как шустро нити силы сплетаются в узор. Он уже мог зрительно разбивать заклинания на простые элементы, однако даже и не мечтал плести сети так ловко, как это делал его, прости Хладная, дядя.

«У тебя будет вдоволь практики, – уловил его раздумья Фалько, – я еще одну дверь сделаю, а дальше сам».

Стало быть, одна дверь и два окна. Да уж, практики и впрямь будет вдоволь.

«Одна дверь, два окна... четыре стены, пол и потолок».

Себастьян огляделся по сторонам и нервно сглотнул. Стало быть, везде по три щита – гипнотический, телепатический, эмпатический... Базовые щиты не отличались сложностью, знай себе чередуй по порядку два-три простых элемента. Однако объем и затрата сил даже на такую вот комнатку предполагались просто колоссальные. И архимагом не надо быть, чтобы проникнуться.

«И все по три слоя?»

Как оказалось, в идеале нужно трижды по три слоя. А потом можно и еще трижды по три. И вообще – чем больше, тем лучше.

«А можно я того... обратно в лес?»

«Хм... нет!»

Себастьян такому ответу, само собой, не удивился.

«Ну тогда мне конец».

Все же Себастьян взялся за дело, старательно копируя узоры, не геройствуя более и чуть не после каждого действия уточняя у Фалько, правильно ли все делает. Тот поправлял, не забывая довольно улыбаться (ну, насколько это вообще возможно, будучи бестелесным образом в чужом сознании) и поминать покойного батюшку, чтоб ему в чертогах Хладной плясать без продыху.

В какой-то момент, заканчивая плетение первого слоя на одном из окон, Себастьяну подумалось, что не так уж это и сложно. Главное – обладать достаточным упорством и терпением, направлять магию в нужное русло, не давая ей беситься и творить всяческий беспредел (пару раз он все же попытался выкинуть Фалько из своего разума, скорее по привычке).

Но результат вышел так себе – это Себастьян понял, едва оглядев получившуюся сеть. Вроде бы все как у лорда-менталиста – те же узоры, а количество вкладываемой силы даже побольше, для надежности. Но не то. Будто сети не хватало чего-то, но чего именно – он понять никак не мог.

«Да чтоб тебя!»

«Ты хорошо справляешься, – заверил Фалько. – Сети со временем окрепнут, напитаются силой... пока и этого более чем достаточно».

«Этого мало!»

Снова вспомнился сон и тамошняя крепость, которая рушилась от малейшего ветерка. Так будет и с его защитой, потому что она... не его. Не та, что была раньше, до вмешательства Родерика. Искусственная, неродная и неправильная. Слабая для его уровня силы.

«Слишком много о себе мнишь», – послышался смешок, впрочем, не очень уверенный.

«Слишком хорошо себя знаю».

Он попытался воскресить в памяти те дни, когда защита еще была. Тогда в голове не звучали чужие голоса, по крайней мере не так явно, а Родерику приходилось продираться сквозь его щиты, чтобы достучаться и заставить делать то, что он хочет. А ведь ему Себастьян доверял куда больше, чем лорду Фалько сейчас...

Стоило только подумать об этом, как стены воображаемой комнаты почернели, словно их облили дегтем – то была его магия. Дикая, бешеная, она хотела помочь ему, заставляя вспоминать то, о чем Себастьян, казалось, и знать не мог – другие заклинания. Сложные, сплетающиеся в несколько иную сеть, нежели показывал Фалько.

Наугад он повторил одно из них, рисунок за рисунком, уверенный – это именно то, что нужно. Монстр не мешал, молчаливо подтверждая, что ничего самоубийственного он не творит.

А вот Фалько явно был против. Что именно он говорил, Себастьян уже не слышал, только чувствовал волну возмущения. А в какой-то момент и вовсе перестал чувствовать, слышать, ощущать что-либо. Только он и отдаленно знакомое заклинание, которое во что бы то ни стало надо повторить...

Кажется, закончить он все же успел. По крайней мере, ему так показалось, прежде чем Себастьян понял, что магия больше не подталкивает его под руку, а в голове сделалось слишком пусто. Только голос Мэйр все же врезался в сознание, прежде чем перед глазами потемнело.

«Успел?...»

Глава 9

Если что у Мэйр и получалось хорошо, так это ждать неприятностей на свою остроухую голову.

Тем глупее было расслабиться и наивно полагать, будто приставания – самое страшное, что может учудить присмиривший белобрысый нахал. Подкатывал тот весьма бесцеремонно и подчас нелепо – сказывалось отсутствие нормальной социализации, после десятка-то лет в компании зверья и деревьев, – однако Мэйр, к своему ужасу, была не сильно-то и против.

То есть совсем не против.

То есть указанного белобрысого нахала, бесцеремонного и нелепого, она находила вполне милым. Вернее сказать, совершенно очаровательным... Хотя нет, сие откровение точно следует оставить при себе.

Так что она совершенно не обрадовалась, когда тот в очередной раз решил угробить сам себя.

«И впрямь, – сварливо подумала Мэйр, рукавом вытирая кровь с лица Себастьяна, – спать не даешь, а удовольствия ноль».

Да какой уж там ноль – минус бесконечность!

С трудом уняв нервную дрожь, она протяжно выдохнула; ее сила хлынула в чужое тело стремительным потоком, споро выискивая ранения и пораженные ткани.

По счастью, ничего серьезного не обнаружилось.

– Слава богам, мозги целы, – выдохнула она, осторожно приглаживая встрепанную светлую шевелюру Себастьяна. По-прежнему бессознательного, и только это спасло от ужасного целительского гнева – подушка поблизости имелась, и не одна, но бить лежащего все же как-то неловко. – Этой бестолковой башке только инсульта не хватало...

Раз уж обладатель бестолковой башки валялся в беспамятстве, Мэйр решила напустить на его дядюшку, что беспокойно мялся рядом с диваном.

– Уилл, ну я же просила тебя – будь осторожен! Раз уж взялся парня наставлять, так должен был проследить, чтобы ничего

подобного не случилось!

– Деточка, я главный имперский дознаватель и мозголом, но никак не нянька! – огрызнулся лорд Фалько, впрочем, без особого запала. – И все шло отлично, пока пацан не решил, что базовые сети для него недостаточно хороши. Влепил какую-то непатентованную отцовскую заглушку... Уж не знаю, где он мог ее подсмотреть.

Авторская сеть от легендарного архимага-менталиста? Что ж, причина перегрузки ясна. Кристально. Счастье, что самоуверенный болван отделался легким кровотечением. Ну или не счастье, а скорее гремучая смесь из чудовищного резерва, бычьего здоровья и ослиного упрямства.

– Ну погоди, очнешься ты у меня... – тихо пробормотала Мэйр, склонившись над Себастьяном – все еще чересчур бледным, но с виду возмутительно здоровым, – и снова пригладила тому непослушные вихры. Припомнив, что они тут вообще-то не одни, поднялась с колен, сунула диванную подушку под лохматую голову горе-менталиста и укрыла его пледом.

– Пусть отдохнет, – она повернулась к Уиллу – тот наблюдал за ними с каким-то странным выражением лица. – Кабинет я тут себе ленюсь обустроить, да и незачем особо; так что ты подожди на кухне. От крови отмоюсь, и выпьем чего-нибудь... чую, нам обоим надо.

Фалько направился на кухню без лишних экивоков и, судя по звуку открываемых дверей, принялся искать стаканы. Что ни говори, а иленгардские лорды и этикет друг с другом едва знакомы. Оно и хорошо.

Приведя себя в порядок и переодевшись, Мэйр наведалась в кладовку, с сомнением оглядела скудные запасы алкоголя, выудила с полки бутыль доброго синтарийского виски – отец презентовал, не иначе, – и направилась на кухню. Душа требовала обильных возлияний и дебоша...

...увы, придется ограничиться одним бокалом.

– А пожарть есть? – едва завидев ее, поинтересовался Уилл. Но бутылку забрал и тут же принялся разливать виски по пузатым стаканам.

– А в кабак сгонять? – парировала Мэйр. Ответом ей стал едва ли не умоляющий взгляд, после которого оставалось только вздохнуть и тащиться обратно к кладовке.

Через несколько минут на столе были выставлены тарелки с сырной нарезкой, копченым мясом и теплым (спасибо магу, придумавшему заклинание стазиса!) пирогом с утиными потрошками. Миндальное печенье и земляничные пирожные тоже нашлись – Фалько, в отличие от Себастьяна, сладостями не пренебрегал.

– Неплохо, – оценил он, залпом допивая виски. – Повезло племянничку с *целителем*. Эдак он к концу *лечения* в дверь не пролезет!

– С такой-то силищей? Как были одни жилы, так и останутся, – пожала плечами Мэйр. Гнусные инсинуации престарелого охальника она старательно игнорировала. Сдержанная, взрослая особа и все такое. – Сильно-то не пьянствуй, ты вроде как на работе.

– Я всегда на работе, – отмахнулся лорд-менталист, цедя то ли вторую, то ли уже третью порцию. – Надоело, сил моих нет. Ума не приложу, как Дорих столько времени проводит во дворце?

– Ну, он в своей стихии. – Мэйр отпила из своего стакана и чуть поморщилась. Она, в отличие от многоопытного Уилла, любви к крепким напиткам не питала, а уж хлестать синтарийский виски как воду и подавно не могла. – Прожженный же интриган. Я до сих пор так толком и не поняла, что там за фигня была с его сестрой и ассасинами?

– Ты же умная, могла бы и сама догадаться, – настала очередь Фалько пожимать плечами. – Раз нарисовался левый сынок Эдриана, да еще с ментальным даром, завещание наверняка пересмотрят в его пользу. Виктория – женщина расчетливая и весьма хладнокровная, но тут выдержка ей изменила. И я даже могу ее понять, я ведь и сам отец... Ну, сама посуди – нарисовался какой-то мутный бастард и хочет коварно обобрать ее законного ребенка. Моя Рангрид тоже бы рвала и метала!

– Окажись Себастьян твоим бастардом, леди Рангрид бы его и пальцем не тронула. А уж нанимать убийц – это и вовсе подло! Ни один приличный маг до такого не опустится.

– Рангрид тронула бы меня. С летальным исходом, – кисло ухмыльнулся Фалько. – Что насчет подлости... Ну, подменыш, не все же такие ромашки, как ты. Виктория – Дорих, интриганство у них в крови. Поэтому-то ее брат сделал при дворе такую блестящую карьеру.

– А Эдриан Лейернхарт? Он тоже был подлец и интриган?

Фалько как-то натужно рассмеялся и покачал головой.

– Наш малыш Арлен – слабак. Светлейший ум, огромные амбиции... и крохотный резерв. Того, что имеет сейчас, он добился тяжким трудом, всеми правдами и неправдами, вертясь как уж на сковороде. Эдриана же боялись до дрожи, поэтому он просто спокойно делал свою работу. Не могу не признать, делал ее очень хорошо... А вот человек был не из приятных. – Он снова наполнил бокал и вопросительно глянул на Мэйр. Та кивнула, хотя, наверное, не стоило ей увлекаться крепким пойлом. – Я все еще хотел бы растерзать Родерика Трауна своими руками, но в глубине души, наверное, даже рад, что Себастьян не рос с отцом.

– Почему?

Ответ последовал далеко не сразу.

– Гейб ведь тоже не родился подлой скотиной. Он из кожи вон лез, чтобы угодить папаше, вечно сам себе наступал на горло, оттого и скурвился. А так славный был мальчик, просто такой... ну, не такой. Очень обаятельный, с подвешенным языком, но слабовольный и глуповатый. В мать пошел. А Эдриан не любил ни мать Гейба, ни его самого – и ничуть не пытался эту нелюбовь скрыть. Откровенно пренебрегал обоими. Ну и матери пацан тоже не был нужен, она... сама знаешь какая. Все знают. Ни одному ребенку не пожелаешь расти в такой семье.

Стоило это услышать, чтобы убедиться – покойный лорд-паук и впрямь был редкостным мудаком. Возможно, к Себастьяну, похожему на него куда сильнее, он отнесся бы иначе? Что нисколько не оправдывает загубленную жизнь недоумка Гейбриела, которого нынче матерным словом не вспоминает только ленивый.

– А что насчет матери Себастьяна? Ее он тоже не любил?

– Ее он любил настолько, насколько мог. Хотя, казалось бы, мышь серая, ничего особенного. – Фалько задумчиво хмыкнул, судя по всему, погрузившись в воспоминания. – Ее за глаза так и прозвали – мышка Эбби. Она вроде из Фостеров была, очередная невзрачная дочка очередного нищего барончика. Ко двору такие обычно отправляются, только чтобы найти мужа поприличнее... У этих провинциалов-то давным-давно все друг другу родственники. Но Эбби, видно, мужа не особо хотела и больше времени проводила за книжками, нежели на балах... По крайней мере, я нередко видел ее в открытой части императорской библиотеки. – Тут он будто очнулся и смешливо

фыркнул. – И Эдриан вечно околачивался поблизости. Подавал ей книжки с верхних полок – она ростом-то крохотная была, почти как моя Рангрид. – Фалько кротко глядел себе под ноги и вообще выглядел почти нормальным человеком. Прямо жаль, что он на ней не женился. Неуместно, видишь ли, променять высокородную потаскушку на деревенскую замухрышку. Что ты удивляешься? Это я прогрессивный, а Эдриан старой закалки был, как и его батюшка. Нет, все-таки хорошо, что наш пацан рос вдали от столицы. Проще вывести из человека деревню, чем выбить все присущее столичным лорденьшам дерьмо.

Мэйр столицу не любила, как и многих ее обитателей. А потому искренне согласилась.

Лорд Фалько сдался и ушел порталом во дворец, только когда число гневных сообщений от его личной помощницы перевалило за дюжину. Так что треть бутылки осталась недопитой. Сама Мэйр ограничилась двумя порциями виски, но даже это сказалось на координации, скорости мыслей и желании вообще что-либо делать. Не умеет она пить и никогда не научится. Проклятая наследственность фейри!

Вместо того чтобы изощряться с обедом – благо, изощряться теперь было для кого, – она наспех убрала со стола, припрятала недопитую бутылку и выгнала скелетов навести порядок в саду. А сама вернулась в гостиную, где неуклюже плюхнулась на пол, скрестив ноги, и принялась угрюмо глазеть на свое персональное несчастье.

Уж сколько бы неприятностей ни доставил Себастьян, а посмотреть на него всегда приятно.

«Особенно без рубашки, о да... О нет. Второй бокал точно был лишний!»

Что и говорить, красивый парень, породистый... наверняка в родном поселке смотрелся нелепо, как келпи среди стада простых лошадемок.

Кстати о келпи...

«Тен-Тен, должно быть, уже распланировал, как утопит меня в речке и сожрет мой разбухший от водицы труп», – сокрушенно подумала Мэйр.

Ее четвероногий друг *Таэн'нэйерис*, дикий и прекрасный, всегда был скор на расправу, ревнив, крайне требователен и подчас

совершенно несносен. По большому счету, это из-за него Мэйр не советовала Себастьяну заходить далеко в лес... Конечно, Тен-Тен никогда не нападал на людей первым, однако кто ее знает, эту нечисть? В том, что Себастьяна ревнивый водный конь уже выследил и теперь искренне ненавидит подлеца, посмевшего присвоить подменыша, сомневаться не приходилось. Даже забавно, учитывая, что эта парочка явно близка по духу.

Определенно, следовало уже познакомить несносного келпи с таким же несносным пациентом, дабы развеять непонимание и исключить возможные жертвы. Причем не только человеческие – келпи сложно завалить из лука, но все же наконечники на воцеленных кедровых стрелах, купленных в лавке Эрин Макинтайр, сделаны из чистого железа. Водя дружбу с нечистью, Мэйр точно знала: нечисти *нужно* бояться, каким бы крутым магом ты ни был.

«Завтра, – решила она. – Точно завтра. На сегодня хватит приключений, но сколько можно оттягивать? На работу скоро возвращаться, не будет же он целыми днями сидеть и ждать меня дома, как примерный муженек?»

Мэйр со вздохом взглянула на Себастьяна – тот по-прежнему лежал себе и, стоило надеяться, не подозревал о крамольных мыслишках своей целительницы. Следовало не маяться дурью и быть целителем до конца: подоткнуть пациенту одеяльце да свалить в закат.

Подоткнуть-то она подоткнула, а свалить не вышло.

Во сне Себастьян казался куда мягче и беззащитнее, чем на самом деле. И еще красивее, если такое вообще возможно. С каждым днем Мэйр все чаще ловила себя на глупом и неуместном желании коснуться его – просто так, не ища повода. Откинуть отросшие волосы со лба, кончиками пальцев проследить чеканные скулы, линию челюсти, четко очерченные губы и...

«...и что я, в Бездну, делаю? – меланхолично спросила себя Мэйр, положив руку на грудь Себастьяну и склонившись к нему так близко, что ощущала на своих губах чужое дыхание. – Пристаю к спящему парню. Реально стремно... особенно учитывая, что он не очень-то и спит».

Точнее, вовсе и не спит – чужое сердце под ладонью колотится гулко и заполошно, как у воробья.

Выдав про себя фирменный отцовский загиб, Мэйр постаралась сделать хорошую мину при плохой игре и, как могла, невозмутимо поинтересовалась:

– И давно ты не спишь?

Тяжелая, но все еще слабая рука легла ей на шею, длинные пальцы огладили кожу и зарылись в волосы, заставляя прикрыть глаза от удовольствия. Мэйр с затаенной и непозволительной надеждой ожидала, что еще немного – и ее поцелуют... Но то ли Себастьяну было не до того, то ли он слишком честный...

– Ты выпила, да? – тихо уточнил он с легкой усмешкой.

Все же честный.

– И снимаю с себя за это всякую ответственность, – пробурчала Мэйр, уронив голову ему на грудь. Нет, второй бокал и впрямь был лишний. – Это все ты виноват!

– Почему?

– Потому что поганец белобрысый, и совести у тебя нет.

Она вспомнила свой испуг при виде Себастьяна, залитого кровью и белого как кипень, и мстительно прибавила:

– И прекрати меня трогать! Я не могу на тебя нормально злиться в таких условиях!

– Не злись, – попросил Себастьян тоном, полным раскаяния. Однако Мэйр не идиотка, а вовсе даже эмпатка, и чужое дурацкое веселье кожей чувствовала.

– Поганец, – повторила она совсем уж беспомощно. – Ты меня ужасно напугал. Снова. Мне следовало бы забить тебя подушкой до смерти, чтобы больше так не мучиться.

Ох, кому она врет? Стоило только второй ладони лечь на спину, ласково погладить, как даже об этом сомнительном наказании она тут же забыла.

Ну, почти.

– Прости. – Себастьян закрыл глаза и, кажется, ненадолго задремал. Но потом приоткрыл один глаз и со смешком поинтересовался: – Ты правда так переживала за меня?

– Дурацкий вопрос, учитывая, что ответ ты уже знаешь.

Себастьян точно знал. Потому как тут же прижал крепче к себе, насколько мог в таком положении, и, зараза такая, мягко поцеловал в макушку, вызывая полчище бегущих по коже мурашек. А заодно

бабочек в животе и прочую метафизическую живность, без которой *целитель Макинтайр* прекрасно обошлась бы.

Мэйр же, которой однажды взбрело в голову притащить в дом совсем-не-пациента, была как никогда счастлива.

И пьяна, что уж там.

– Мэйр, – позвали ее, снова ласково погладив по волосам, – а ты хотела меня поцеловать, только потому что пьяна?

– Ты ничего не докажешь! – выпалила она, спешно отстраняясь и напуская на себя неприступный вид. Верней, ей хотелось думать, что именно неприступный, а не до Бездны жалкий. – То есть я... Эээ... Я просто проверяла, не помер ли ты на моем любимом диванчике! Вот. Да. Что, кстати говоря, рано или поздно случится, если ты не перестанешь без подготовки лезть в высшую магию и испытывать мое без того хрупкое терпение.

Можно подумать, ей поверили. Себастьян мягко рассмеялся и, успев обхватить запястье, потянул на себя, заставляя улечься в прежнюю позу.

– Прости, – повторил он. – Если скажу: оно само – поверишь?

– Ну конечно! Оно само. Так и напишем на твоём надгробии.

– Никаких надгробий! – поспешно открестился Себастьян и как-то подозрительно покосился в сторону кухни. Этот взгляд Мэйр сегодня уже видела. – По крайней мере, на голодный желудок. Жрать охота – жуть!

– Бездна, еще один...

* * *

Просыпаться в чужой постели было странно. До сих пор, несмотря на то что Себастьян спал вместе с Мэйр вот уже почти неделю.

С теплой, уютной, вечно мерзнущей Мэйр, которая всегда укладывалась на противоположном конце постели, но всякий раз оказывалась под боком, по обыкновению устроив голову на плече или перекинув руку поперек талии. Разумеется, Себастьян против таких вольностей ничего не имел. Поначалу старался вести себя прилично, послушно снося все душевные метания своей феи, потом плюнул и

просто сграбастывал ее в свои объятия, как только та начинала дремать.

Но все равно непривычно, как иначе. Особенно когда собственное тело вполне предсказуемо реагирует на девушку рядом. Хотя у некоторых вообще даже уши трогать нельзя.

Рука затекла жутко – это Себастьян ощутил, едва проснувшись. Но освобождаться не стал. Достаточно было спросонья глянуть на мирно посапывающую Мэйр, прижавшуюся к нему, и он мигом забыл обо всех неудобствах. Уже привычно и аккуратно, чтобы не разбудить, он устроил свободную руку на ее поясице. Ощущать под пальцами ткань рубашки было не слишком приятно и не соответствовало настроению, а потому, искренне надеясь, что Мэйр проснется не сразу, Себастьян потянул ткань вверх, кончиками пальцев проводя по голой коже. Реакции не последовало, и ладонь уже более уверенно прошлась по выступающим позвонкам.

Себастьян прикрыл глаза, наслаждаясь ощущениями, и незаметно для себя провалился в чужие мысли, на деле являющиеся некрепким утренним сном. Различить успел немного – переливающийся оттенками зеленого лес, огромное, необъятное дерево, размахивающее ветвями, словно руками, будто доказывая что-то неразумному человечку, уютившемуся у его корней. Ну прямо идиллия.

Интересно, в ней будет место для него?

«Подменыш тебе свое холодное сердечко не отдаст», – вспомнились слова ехидного кота, заставив вздрогнуть.

А что, если так оно и есть? Мэйр вряд ли захочет всерьез связываться с двинутым на всю голову маньяком. Пусть даже и с лордом – учитывая, что от этого титула у Себастьяна одно название. И куча проблем, если он правильно понял причину визита убийц в лечебницу. Неудивительно, что она стремится его вылечить всеми возможными способами. Без Себастьяна головной боли у блистательной целительницы будет на порядок меньше.

Вот еще. Никуда он свою фею не отпустит, тем более что всей ее напускной отстраненности и безразличию цена два медяка.

Руки сильнее сжались вокруг стройного тела, сжимая так, будто Мэйр собиралась избавиться от него сию же секунду.

– А, опять ты?... – пробурчала та, вяло завожившись в его объятиях и явно не без труда приоткрыв глаза. – Отвали, я сплю...

Но, вопреки своим словам, сбрасывать руки не стала, даже наоборот: обхватила поперек талии, притерлась вплотную, обжигая шею жарким дыханием... и похоже, всерьез вознамерилась спать дальше.

Не то чтобы Себастьян был против. Повозился, удобнее устраиваясь на подушке, и все же вытащил руку из-под не такого уж и легкого тела, чтобы тут же запустить ее в волосы и мягко помассировать затылок. Мэйр это нравилось, да и ему тоже – шелковистые волосы легко скользили между пальцами. Было в этом что-то... семейное и уютное.

Набравшись смелости и наглости, Себастьян задрал ее рубашку еще выше, устраивая вторую ладонь между острых лопаток.

– Ну и что ты делаешь? – слышалось глухое ворчание.

– Лапаю тебя?

«Как будто похоже на что-то иное».

– Бессовестный, – припечатала Мэйр. И подтянулась выше, неловко ткнулась теплыми губами ему куда-то за ухом, отчего по всему телу побежали мурашки.

И если бы только ими дело ограничилось...

От этого недопоцелуя и руки, скользнувшей к поясу штанов, низ живота обожгло возбуждением. От неожиданности Себастьян резко сбросил Мэйр с себя, опрокинул на спину и столкнулся с удивленным взглядом зеленющих глаз.

Нет, это совершенно невозможно.

Себастьян, всего мгновение назад собиравшийся вести себя прилично, шумно выдохнул, наклонился, уже почти ощутил на своих губах чужое дыхание, слышал заполошенный стук сердца феи. Еще немного, и можно будет поцеловать пухлые, такие красивые губы...

– Подме-е-еныш, а ну выла-азь! – разнеслось вдруг по дому. Голос был незнакомый и до омерзения бодрый; невдалеке уже слышались шаги. – Полдень уже, ты там сдохла или местечко мне греешь?

Очарование момента тут же исчезло.

– Твою мать, ну я ведь так и знала... – тихо пробормотала Мэйр, а Себастьян сел на постели и хмуро уставился на приоткрытую дверь. Кто бы это ни был, он уже ему не нравится. Очень не нравится.

Незванным гостем оказался высокий худощавый парень с хитрой физиономией. Лощеной гриве светлых волос и количеству побрякушек

позавидовала бы любая девица, а в белозубую улыбочку от уха до уха так и хотелось впечатать кулак. Мало того, что этот тип Себастьяну *очень не нравился*, так от него еще и голова заболела – незнакомец прямо-таки фонтанировал энтузиазмом, изумлением и ехиднейшим весельем.

– Так-так, – протянул этот патлатый прощелыга, скрестив на груди руки в перчатках, – я гляжу, местечко-то занято.

– Френсис, ну я же просила! – Мэйр тяжело вздохнула, кутаясь в одеяло то ли по привычке, то ли в тщетной попытке спрятаться от этой ходячей головной боли. Впрочем, она-то явно была рада видеть незнакомца, Себастьян это четко ощущал. И это раздражало куда сильнее, чем следовало бы, даже учитывая, что радостно-долбанутый кретин появился *настолько* невовремя. – Сказано было: жри в другом месте, у меня дела!

– Вижу я твои дела, зараза ушастая, – хмыкнул этот Френсис, опершись спиной о дверной косяк, и смерил Себастьяна эдаким оценивающим взглядом. – Вы с «делами» натрахались уже? Если нет, то я, так и быть, внизу подожду, пока вы закончите. Только чтоб недолго, я голодный!

– Да нечего тут заканчивать! Иди жаровню грей, дай хоть одеться спокойно.

– Ой, больно надо! Я там уже все видел. – Френсис выразительно фыркнул и, подмигнув Себастьяну, наконец-то вымелся за дверь.

– Извини за это, – негромко произнесла Мэйр, отбросив одеяло и горестно обнимая колени. – Мне следовало догадаться, что он не потерпит и прискачет... Придется вставать и кормить эту прорву белобрысую, а то еще полдня от него не избавимся.

Наверное, стоило бы приласкать ее, обнять – мол, на, смотри, я все еще тут, не дам тебя в обиду всяким засранцам. И еду сожрать тоже не дам, самим нужна. Какая-то часть Себастьяна хотела именно этого.

Поправочка: совсем крохотная часть.

Большая жаждала крови. Без всякого монстра, без чудовищного давления бешеной магии, клятого Френсиса хотелось разорвать на кусочки и употребить вместо завтрака. Не из любви к человечине – просто мутные белобрысые уродцы, осмелившиеся портить им с Мэйр утро (и так нарочито представляющие чужую фею обнаженной) должны страдать.

– Кто это? – сипло поинтересовался он, поднимаясь и в последний момент сжимая кулаки, чтобы не отправиться убивать блондинчика, посмеявшегося посягнуть на святое.

– Это Френсис, – откликнулась Мэйр таким тоном, будто эти два слова уже все объясняли. – Мой друг. Я бы попросила тебя не убивать его, но это трепливое недоразумение – шестой по силе некромант в Западном Пределе. Так что хрен ты его убьешь.

– Смерть – это слишком просто. – Себастьян оглянулся на дверь, за которой исчез любитель целительских прелестей. Повернулся к Мэйр, смерил придирчивым взглядом. – Одевайся.

– А ты? – Она оторопело вытаращилась на него, явно не ожидая такого тона. Себастьян тоже не ожидал, но где он, а где душевное равновесие? Тем более при виде всяких там...

– Прихорошусь. Надо встретить гостя во всей красе.

«Встретить гостя? Ты имеешь в виду «прикончить»?» – усмехнулся монстр.

Или не монстр – раздражителей и без него хватало, а порядочные люди сами с собой тоже разговаривают. Особенно когда их что-то бесит.

А еще по лестнице за ванной комнатой можно незаметно спуститься в прихожую и захватить лук со стрелами. Оружие, как известно, способствует взаимопониманию. А стрела в заднице неплохо умиряет пыл хоть некроманту, хоть бешеному волку.

В кухню Себастьян спустился ничуть не успокоившийся. Какое там, когда в голове роятся чужие мысли, перескакивающие с Мэйр на него, фантазии относительно того, чем они занимались в спальне, и прочая похабень вперемишку с желанием вкусно пожрать. Удалось только немного охладить пыл – его фея не оценит убийства гадкого некромантишки, и вообще такие дела лучше обстрепывать без свидетелей. И ради достижения наилучшего результата на холодную голову.

В общем, лук тоже пришлось оставить по пути в кухню, прислонив к комоду.

А жаль.

Потому как Себастьян, привыкший к дому, кухне и хозяйничающей там Мэйр, возмутился до глубины души, узрев там

Френсиса, раскинувшегося на стуле и ожидающего, когда его накормят.

– Что так быстро? – весело изумился он, едва заведя Себастьяна. – А с виду ты выносливее. Где подменыша потерял?... Впрочем, знаю, – он прислушался к чему-то и кивнул сам себе, – опять в кипятке полощется. Я как-то раз к ней сунулся – думал, сварюсь нафиг... Уж мне эти демонские замашки с жарой и сырым мясом!..

Ничуть не смущенный зловещим молчанием, Френсис ехидно щурил глаза – один голубой, а другой карий, что, признаться, выглядит занятно, – и продолжал нести околесицу. Да еще и с таким видом, словно ему тут самое место. Неужто и впрямь неубиваемый?

Себастьян честно пытался сдержаться. Из любви к Мэйр и чистому полу, только вчера помытому трудолюбивыми (и безмозглыми, прямо как Френсис) скелетами-уборщиками. Нужно уважать чужой труд.

А кое-кому – накрепко уяснить, чья теперь фея.

Он со злорадным наслаждением выпустил силу, любовно сдобрив ее собственными представлениями – где, в какой позе и без каких частей тела видал наглых некромантов. Густая, так давно жаждавшая свободы магия охотно выплеснулась наружу, повисая в воздухе незримой вуалью. Казалось, ее хватило бы на добрую милю вокруг – по крайней мере, Себастьян еще никогда не чувствовал себя более сильным. И, надо заметить, без всяких монстров, жужжащих над ухом. Спасибо Фалько, папашиному заклинанию и собственному упрямству, с которым он последние два дня возводил защиту в своей голове. До идеала далеко, но колдовать уже в разы приятнее.

– Ух, какие мы злобненькие! – восхитился Френсис. Он снял перчатки и с силой растер виски, однако больше ничем не выдал дискомфорта, даже более того – по-прежнему фонил идиотским весельем на всю кухню. – Уймись, малыш, слабенькая мигрень меня не убьет. Ты, может, и прославился на всю столицу, да только некроманту твои игрушки что мертвому припарка.

– Я не мог не попробовать, – равнодушно заметил Себастьян, подхватывая яблоко из вазы. – Не люблю некромантов.

– Да-да, злобные твари, оскверняющие трупы... Никакой оригинальности!

– Плевать я хотел на трупы. – Он уселся за стол и выудил из вазочки печенье. – Ты испортил мне утро.

– Я голодный. – Френсис пожал плечами, чуть заметно поморщившись. Видать, мигрень у него разыгралась не такая уж слабенькая. – А Мэйр всегда рада кого-нибудь накормить. Что до испорченного утра – ну извини, я не предполагал, что по дому моей бывшей девушки скачет какой-то неуравновешенный хрен с горы...

– Чего ты не предполагал? – сердито фыркнул Себастьян. – Вранье.

– Ну ладно, я догадывался, – легко согласилась эта бесстыдная некромантская рожа. – Возможно, что даже и знал, но... В любом случае, я пришел к своей подруге, и она мне рада, как и всегда. А до твоего недовольства никому и дела нет, ведь ты всего лишь...

– Развлекаешься, Френсис? – сухо поинтересовалась Мэйр, неожиданно оказавшаяся рядом. Себастьян коротко взглянул на нее и миг ощутил вину – с волос на полурасстегнутую рубашку капала вода, оставляя мокрые пятна на светлой ткани.

Очевидно, торопилась к ним. На милую, может, сил и не хватало, а до второго этажа точно достало.

– ...всего лишь пациент, – закончил Френсис, премило улыбаясь.

– Пациент, – согласилась Мэйр, – нестабильный. Будешь его нервировать, жрать не получишь и вообще в окно вылетишь. Это ясно?

– Кри-сталь-но, моя ж ты пакость из-под холма. Ох, эти целители...

Исторгнув душераздирающий вздох – вот актеришка недоделанный, а сам чуть не истерит от веселья! – Френсис снял с жаровни закипевший чайник и принялся суетиться с чашками и заваркой, любезно расспрашивая, кто чего изволит. Себастьян же злорадно улыбнулся, довольный, что паскудному блондинчику хотя бы влетело за наглость.

– Мэйр, – позвал он, глядя на эту нарочитую суету, – можно я все-таки пущу стрелу ему в задницу?

– Себастьян!

– Что? Не покалечу, так хоть душу отведу.

– Никто никого калечить не будет.

– А жаль...

Наспех приготовленный завтрак буквально стал спасением. Если и было что-то, способное заткнуть Френсиса и чуть снизить градус ненависти к нему, так это ароматный мятный чай и омлет с курицей.

«Минута тишины, слава богам», – подумал Себастьян, орудуя вилкой и мечтая как можно быстрее спровадить мерзкого некромантишку. Молчать-то он молчал, что не мешало ему всюду веселиться, очень громко думая о веселых ночках с Мэйр. Например, о том, как она стонет, если поцеловать ее в шею. Или как ей на самом деле нравится, когда касаются кончиков острых ушей...

Стерпеть в итоге не удалось. Не столько из ревности – между его феей и белесым засранцем не ощущалось и намека на что-то недружеское; и, право слово, нет большей глупости, чем ревновать к прошлому... Просто ну в самом деле, Себастьян не смотреть все это хотел, а осуществлять на практике, без участия этого Френсиса!

– Прекрати.

Тот кротко потупил глазки и тоном пай-мальчика пропел:

– Понятия не имею, о чем ты.

– Да неужели? – едко проговорил Себастьян, в два глотка допил чай и поднялся со своего места.

И все же одарил некромантишку еще одной волной магии, искренне надеясь, что головная боль его уgomонит. Право слово, он напросился.

– Да уgomонитесь уже! – вспыхнула Мэйр, с громким стуком поставив на стол чашку. – Ну вот что можно было не поделить, молча сидя за столом?

«Тебя».

– Ты, как всегда, сама догадливость, – саркастично протянул Френсис, как-то жалостливо глянув на нее. – Может, уgomонишь этого охранника своей давно утерянной добродетели? Ты знаешь, я злой, когда башка трещит... Мне, право, как-то неловко будет, если это прехорошенькое личико вдруг начнет гнить заживо.

Себастьян даже не знал, что его бесит больше: елейная рожа некроманта, его бурное веселье или все-таки собственное бессилие перед этой брехливой напастью в черных тряпках.

– А ты не думай всякую похабень!

– А ты не лезь без спросу в чужую похабень. Что хочу, то и думаю; законом не запрещено.

– Так ты же специально!

– Ха! Недоказуемо!..

Мэйр, явно обескураженная, молча слушала их перепалку, переводя беспомощный взгляд с одного на другого.

– Да что с вами не так? – наконец, жалобно выдала она. – Перестаньте оба! Себастьян, ты не можешь проклясть всякого, кто тебе не понравится; и не ври мне, что «оно само»! А ты, мудила, – дошла очередь и до радостно скалящегося Френсиса, – прекрати свои провокации! Как тебе только не стыдно – издеваться над больным парнем! Знаешь ведь, что у него щиты увечные...

Зря она это сказала.

Нет, Себастьяну хватало объективности не считать себя абсолютно здоровым человеком. В самом деле, он всего-то пару дней назад валялся в отключке из-за сплетенного по дурости защитного заклинания высшего уровня, чудом не наворотил дел и в ближайшие несколько месяцев будет наводить порядок в воображаемых «комнатах». Но злость на Френсиса и доставшие до печенок фразочки о собственной умственной неполноценности сыграли свою роль.

– Не само, – едко возразил Себастьян. Несло его явно не туда, но разве ж можно заткнуться вовремя? – Я, знаешь ли, не рассчитывал, что мне придется жить в проходном дворе. Во-вторых, – он повернулся к Френсису, все еще лыбящемуся, отчего желание размазать его по стенке утроилось, – я сам разберусь, как и в какой позе мне трахаться с моей феей. В-третьих, Мэйр, больных держат в специальной палате, а не тащат в свой долбанутый лес. Кстати, об этом...

Он резко развернулся и пошел в коридор, где оставил лук. Нагнал его удивленный и изрядно сердитый оклик Мэйр:

– Куда это ты?

– Прогуляюсь. Пообщаюсь с кровожадной лошадкой и двинутым деревом. Все лучшая компания, чем, – он обернулся, окинув Френсиса презрительным взглядом, – вот *это*.

Себастьян стремительным шагом направился к выходу. В последний момент сцепил с вешалки куртку – ту, что попроще и не так жалко драть о ветки. Кажется, Мэйр все же бросила вслед нечто, емко характеризующее всяких придурков, с которыми ей приходится иметь дело. Ну, хоть не запустила в голову чем-нибудь тяжелым – Себастьян, как ни крути, заслужил.

«У меня есть оправдание, – мрачно заключил он. – Я же больной, чего еще от меня ждать?»

Зато какой-никакой, а прогресс – в этот раз он сбежал в лес, умудрившись не оставить за собой гору трупов. И селиться там тоже не собирался. Не оставлять же свою фею с волшебными ушами пакостным некромантам и долбанутым архимагам?

«Ой, кто бы говорил о долбанутости».

«Нахер пошел», – огрызнулся он, захлопывая в своем сознании воображаемую дверь.

Хватит на сегодня чужих голосов в голове.

Глава 10

Мэйр потребовались добрых две минуты и вся недюжинная выдержка, чтобы не перевернуть стол вместе со всей посудой. Но посуду было жалко, а собирать черепки так и вовсе лень. Поэтому она прикрыла глаза и задышала на счет, до треска стиснув пальцами край столешницы.

– Ну и что это было? – выдохнула она, когда живая сталь под кожей немного утихла.

– Дурная ты у меня еще, – констатировал Френсис, вовсю уминающий печенье из вазочки. – Дивнючка, одним словом. До вас пока дойдет – помереть от старости можно... Это была сцена ревности, чтоб ты знала!

И расхохотался, гад такой. Впрочем, залиvistое ржание тут же сменилось надсадным кашлем. Поделом, нечего веселиться над чужими несчастьями, напихав полный рот печенья.

– Так тебе и надо, паскуда, – мстительно проворчала Мэйр, глядя, как Френсис спешно ополовинивает чашку с чаем. – Вот куда этот долбанутый помчался? Если его сожрут, закопают под холмом или утопят в болоте – виноват будешь ты! И поверь: быть виноватым передо мной тебе не понравится...

– Бездна, да никто его не тронет! – отмахнулся друг, жестом подзывая к себе чайничек. – Спорим, весь ваш волшебный лес уже в курсе, что это твой новый парень?

– Он не мой парень!

– А в твоей кровати он что делал, сказки рассказывал? Ой, не смей меня.

Мэйр сердито закусила губу. О том, что они делали и чего не делали в ее кровати, она старалась не думать. Сразу делалось не то совестно, не то досадно. И очевидно, что контроль над ситуацией она теряет, охотно идя на поводу у пациента. А тот и рад, поганец хитрожопый... Да и сама Мэйр как-то не очень искренне расстраивается. И прекращать все это ей не особо хочется...

А нужно. Ради своего же блага. В конце концов, Себастьян сам не понимает, что делает, и глупо пытаться переложить ответственность на

него.

– Между нами говоря, на психа он что-то не очень похож, – протянул Френсис, размешивая чай и будто назло звеня ложечкой. Его раздражение разливалось в воздухе, как сырой туман, и Мэйр прекрасно понимала, что дело не в ее «новом парне» – напротив, этот белобрысый гад искренне сочувствовал Себастьяну, наверняка припомнив весь свой неудачный опыт с «отмороженными дивнюками, которые, как тот ежик – пока не пнешь, не полетит!».

– М-да? У меня вот после этой сцены все сомнения отпали.

– Я тебя умоляю, он мне даже морду набить не попытался.

– А надо было? – издевательски изумилась Мэйр.

– Конечно! Гадкий некрос дышал на его любимку!

– Эй, хорош уже, я не его... Погоди, *кто?* Фу, мерзость какая!

Френсис довольно заулыбался. Доводить людей до белого каления было его любимым занятием.

– Очень неплохая выдержка, уж как для больного на голову, – продолжил он как ни в чем не бывало. – Самоуверенный мудака и махровый собственник, конечно, ну так за это в психушку не отправляют. Иначе мой гребаный шеф давно бы уже куковал в комнатке с мягкими стенами. Ан нет! Сидит, сука, вискарь хлещет на пару с Блэр, чтоб им повылазило!..

Вот оно как! Мэйр от избытка чувств хлопнула ладонью по столу и возмущенно уставилась на своего друга.

– Так тебя командиры подослали? Ну и мерзавец же ты, Френсис Мюррей!

– Но-но-но! – тут же подскочил Френсис и принялся оживленно расхаживать по кухне туда-сюда, то и дело с опаской косясь на нее – ибо имел несчастье лицезреть, как виртуозно швыряется тяжелой мебелью робкая и сублильная на вид целитель Макинтайр. – Договоримся о терминах! Не подослали, а любезно предложили справиться о делах моей драгоценной подружки Мэйр и ее нового парня...

– Я не удивлена, – мрачно обронила «драгоценная подружка». – Вот совсем.

Она могла недолюбливать бесцеремонную, хамоватую, ужасно высокомерную Киару Блэр, однако хорошо понимала ход ее мыслей. Вторая по силе некромантка Империи прикидывала, стоит ли свести с

проблемным бастардом Лейернхарта полезное в перспективе знакомство. Или проще добить, чтобы не мучился?

«Это вряд ли, душечка Киа», – подумала Мэйр с невесть откуда взявшейся свирепостью.

– Что от нас нужно Киаре?

Френсис картинно развел руками.

– Э, нет, подменыш, я ни разу не телепат. В отличие от Себастьяна. Боги и богини, кем надо быть, чтобы так подставить сынишку? Себа-а-астьян! Кошмар какой! – В его исполнении имя Себастьяна звучало и впрямь кошмарно. – Что, ты и в постели его так зовешь? Или в ход пошли котеньки с зайньками?

– Хватит уже этих пошлостей! Между нами ничего нет, ясно?

– Ну да, ну да, – Френсис глубокомысленно закивал, хотя во взгляде сквозила явная издевка. – Наивное дитя холмов, ты сама-то в это веришь? Правда, что ли? Ла-адно. Но не говори, что я не предупреждал, когда тебе брачную руну на лбу пропечатают.

– На лбу? Серьезно?

– На лбу, детка. И на заднице тоже – для пущей надежности.

Мэйр мученически застонала и спрятала полыхающее лицо в ладонях, вновь испытывая острое желание что-нибудь расколотить. Двух наглых и приставучих поганцев разом ее нервы определенно не выдерживали.

Одного, по счастью, вскоре сдернули на работу. С другим же – Мэйр тяжело вздохнула, столешница вновь захрустела под пальцами, – еще предстояло разбираться.

Видят боги, разбираться не хотелось. Хотелось истерить, как трехлетке, и громко требовать у мироздания свою прежнюю беззаботную жизнь. Да толку-то?

«Может, сам вернется? – понадеялась Мэйр, педантично расставляя по полочкам чистую посуду. – А не убьется по пути обо что-нибудь?»

Вполне вероятно, учитывая везучесть поганца-номер-два... и обилие нечисти в зачарованном лесу. Схрумкают и не подавятся, и поди докажи потом, что на чужое покусились.

«Нет уж, так не пойдет! – она решительно помотала головой. – Это *мой* поганец – а значит, никому не позволено его сожрать, закопать под холмом или утопить в болоте. Только мне все это можно!»

О том, с чего вдруг Себастьян сделался теперь «ее», Мэйр усиленно не думала. Нет, не думала. Увы, отговорка «мой пациент» звучала все более жалко и неубедительно. И с этим нужно было что-то делать. Нужно.

На улице всюду светило яркое западное солнце, однако ветер дул холодный и влажный. Синтар... Мэйр накинула капюшон и засунула в карман левую руку. В правой был увесистый кусок говяжьей вырезки, завернутый в вощеную бумагу. Для Тен-Тена, конечно же. Ну, кто знает, с вечно голодным Себастьяном тоже могло сработать... Впрочем, к сырому мясу он был равнодушен – в отличие от самой Мэйр. И ее капризного плотоядного друга.

– Тен-Тен? – позвала она с надеждой. – Хватит дуться! Я знаю, ты где-то здесь!

Вредный келпи ничуть не проникся. Мэйр сердито фыркнула и прикрыла глаза, сливаясь с сонной тишиной увядающего леса.

Лес, как и сама Мэйр, холодов не любил и по осени пребывал в ворчливой полудреме. Понемногу терял листья – золотые, и медные, и бронзовые, – увядал шумно и сердито, кое-где меланхолично гнил... В общем, готовился к спячке, чтобы весной проснуться и еще добрых полгода красоваться пестрым разноцветьем перед всеми, кому хватит духу прийти и поглядеть.

Тот еще выпендрожник и пакостник. Как и положено приличным зачарованным лесам.

Мэйр открыла глаза и возмущенно выдохнула.

Себастьян ушел сравнительно недалеко, всего на пару миль от дома. Дальше идти будто бы и не собирался, заинтересованно топчась вокруг жертвенного холма, где высилась громада Неметона. Куда он вскоре непременно сунется, что очевидно для всякого, кто был бы знаком с лейернхартским бастардом хоть день... час... Да нет, хватит и пяти минут, чтобы понять, какая перед тобой любопытная, упертая и педантичная сволочь.

– Это моя сволочь, – пробормотала Мэйр. – Тронешь – пушу на дрова.

В ответ от Неметона пошли волны насмешливой издевки – мол, старые новости для всех, кроме тебя; вот какой глупый подменыш!

– Сам дурак.

Она переложила сверток в другую руку и неспешно побрела в глубь леса, глядя по сторонам и недовольно морща нос. Зеленовато-желтые кроны деревьев на фоне ярко-синего неба – красиво, да только все не то. Осень Мэйр не особо нравилась, а зима и того меньше, даром что родилась она в день солнцестояния. Холод Мэйр переносила с большим трудом – кровь демонов, будь она неладна... Наверное, даже уехала бы куда-нибудь на южное побережье, не привяжи ее к себе Неметон – так крепко, что даже в столице не пробыть больше пяти-шести дней кряду. Проведя в Иленгарде больше недели, Мэйр начинала чахнуть на глазах, а тысячелетнее дерево *обижалось* и принималось жрать людей без разбору. Тут уж не до собственных удобств: хочешь не хочешь, а привыкаешь к капризному и влажному морскому климату Синтара.

«Но, Бездна пожри, какая все-таки гадость этот ваш холод!» – она поежилась и снова попыталась счастья:

– *Таэн'нэйерис!* А ну, выходи, злобная ты лошадка!

Вздорный келпи терпеть не мог, когда его звали лошадьё. Однако на провокацию не повелся; хотя Мэйр показалось, будто из чащи донеслось возмущенное фырканье.

– Тен-Тен, ну прости! Я была занята и не могла тебя навестить... ты же знаешь, двуногим человечкам приходится ходить на постыльную работу и все такое. И даже если я была вынуждена тратить время на кого-то другого, это не значит, что тебя теперь любят меньше... Понимаешь?

Никакой реакции не последовало.

– Ты не можешь быть таким жестоким! Я же скучала по тебе, и я люблю тебя больше всех на свете, ты, наглая скоти... эээ... мой прекрасный Черный Шторм!

Черный Шторм – а именно так зовут Тен-Тена, «чернушку», в переводе на имперский – сохранял высокомерное молчание. В том, что эта копытная зараза материализовалась неподалеку и теперь злорадствовала где-то в зарослях терна, Мэйр уже не сомневалась.

– Ну и пожалуйста, – с обидой проворчала она и отогнула бумагу на краешке свертка. – Мне больше достанется! А ты сиди без гостинца, глупый конь!

С гневным ржанием Тен-Тен соткался из воздуха и тени; выбивая копытами огромные комья земли, помчался к ней в вихре собственной

длиннющей гривы – грозный, иссиня-черный, блестящий, как воронье перо, с тремя изогнутыми серебристыми рогами во лбу. Вожденный сверток у Мэйр вмиг отобрали, и за какой-то десяток секунд три фунта говядины были уничтожены. Вместе с бумажной оберткой.

– Ты не конь, – вздохнула Мэйр, скрестив руки на груди, – ты свинтус. Хоть бы спасибо сказал!

Келпи снова фыркнул и ткнулся ей в плечо изящной щучьей мордой. Осторожно, чтобы ненароком не задеть любимого подменыша рогами – два из них, что поменьше, в полфута каждый; третий, что посередине, длинный и острый, по форме напоминал изогнутый шафрийский меч, и выпотрошить таким кого-нибудь – плевое дело.

Мэйр засмеялась и охотно обвила руками мускулистую бархатную шею.

– Все, мы снова друзья? – Тен-Тен отпрянул и уставился с явным недовольством. – Злишься из-за Себастьяна? Ну, он тоже мой... друг... типа. Не могу же я дружить только с тобой?

Он недоуменно склонил набок огромную башку – мол, почему бы и нет? Мэйр снова засмеялась, на сей раз вышло нервно. Реакция зловредного водяного коня на Себастьяна казалась очень странной – к Дейдре и Алану он отнесся вполне нейтрально, даже дружелюбно; Френсиса напрочь игнорировал, но агрессии не проявлял.

– Перестань, Тен-Тен! Это грубо, а с грубиянами никто не дружит. – Тен-Тен понуро склонил голову к жухлой траве. Мэйр погладила его по носу, касаясь основания нижнего рога. – Почему грубо? Ну так вы ведь даже не знакомы. И разве мы не можем дружить все вместе? Себастьян поживет здесь еще некоторое время, ну и... если бы ты подружился с ним, то он мог бы навещать тебя, пока я буду занята на работе. Это же здорово!

Келпи от таких перспектив не пришел в восторг – спустя двадцать лет общения Мэйр легко читала на лошадиной морде очень даже человеческие эмоции, – однако милостиво изобразил нечто, похожее на кивок, и побрел на запад.

В сторону Неметона. И Себастьяна.

– Правильно, давай-ка найдем этого неслуха. А то, боюсь, он способен задолбать даже дерево.

Чем дальше в лес, тем темнее. Солнце только-только надумало клониться к горизонту, однако кроны деревьев все еще достаточно

густы, чтобы давать плотную тень. Мэйр полумрак по душе, в отличие от лысых деревьев и мерзкой слякоти, что разольется по всему лесу сплошным бурым пятном. С конца осени и до начала весны. От непрогретой земли веяло могильным холодом, и Мэйр то и дело ежилась, малодушно подумывая, не пора ли сменить тонкое пальтишко на теплое зимнее. Почти никто и не удивится, а мама так и вовсе обрадуется...

Тен-Тен снова стал воздухом и тенью, бесшумный и незримый, однако Мэйр давно научилась улавливать его присутствие каким-то внутренним чутьем. Келпи был поблизости, затем ушел чуть вперед – кажется, чем-то заинтересованный. Мэйр поняла чем, когда до нее донеслись отзвуки разноголосого детского смеха.

Три маленьких девочки кружком расселись вокруг трухлявого пня и по очереди тыкали прутиками в его сердцевину, то и дело принимаясь хихикать. *Хайтеры*. Дети воздуха. Холодные, как осенний ветер; пестрые, как осенний лес. Волосы, алые как кровь, убраны осенними цветами – хризантема, вербена, гелениум, золотарник... Платья как один большой гербарий из кленовых листьев, желтых и красных. На появление рядом огромного черного жеребца девчонки отреагировали радостным хором приветствий на фейском языке. Тен-Тен же склонился над пеньком, подозрительно его обнюхал и, сочтя непригодным в пищу, с громким фырканием скрылся в тени.

– *Что у вас тут?* – также по-фейски спросила Мэйр, опустившись рядом с пеньком на одно колено.

– *И тебе светлого дня, Мэйраэн-фэ,* – протянула девочка напротив, отличная от своих подружек лишь тугими кудряшками. На вид всем троим было лет по пять-шесть, однако *хайтер* намеренно использовала обращение «фэ», то есть «юная госпожа», – чтобы показать, кто тут на самом деле дите сопливое, а кто Адельдора Кровавого в колыбельке видал. – *Ищешь своего друга?*...

– ... для лорда ужаса и кошмаров у этой конфетки чересчур красивая обертка, – с жеманным смешком подхватила вторая, без кудряшек, но с глазами темными, как спелые черешни. Она по-детски картавила и плотала звуки, отчего ее вычурная речь на архаичном высоком диалекте звучала комично.

Третья девочка мило улыбнулась, подцепила ее запястья своими крохотными, мертвецки холодными пальчиками и заставила

приложить ладони к шершавым и влажным бокам пня.

– *Попробуй угадай!*

Все бы этим пернатым бестиям в игрушки играть... Мэйр закатила глаза, однако покорно зажмурилась и прислушалась к ощущениям.

Внутри трухлявой деревяшки определенно притаилась некая сущность, полумразумная и бестелесная. Хорошо бы не злобный дух вроде *сприггана*... Пару лет назад один такой вселился в местного пьянчугу. Одержимый человек чуть не разваливался на части, однако даже умудрился доползти до города, где попытался утащить ребенка из коляски. Спригганы, если верить преданиям, пуще любого лакомства любят кровь детишек.

«Нет, нет... Это что-то другое, – она кивнула сама себе и тут же по привычке сдула волосы с лица. – Похожее, но... безобидное».

Перевертыш. Бестелесный, полумразумный и пакостливый. Из тех, что любят прикинуться зайцем или косулей, чтобы подразнить охотника да раствориться в воздухе и тени.

– Броллахан.

Девочки радостно засмеялись и захлопали в ладоши, как будто он отмолил невесту какой фокус.

– *Броллахан!*

– *Броллахан. Глупый перевертыш. Прикорнул в щелочке, а пень возьми...*

– *... да размокни! И перевертыш застрял!*

– *Застрял! Застрял!*

– А зачем вы в него палками тыкали? – возмутилась Мэйр, от негодования перейдя на общий имперский.

– *Весело! Весело!* – загалдели хайтеры – один в один стая воробьев у кормушки.

– Тьфу на вас, поганки.

Мэйр покачала головой и с размаху саданула кулаком в середину пня. Было больно, однако пень брызнул щепками и развалился надвое. Освобожденный броллахан окатил спасительницу волной благодарности и упорхнул прочь. Зря он не стал мстить вредным хайтерам... или не зря, все равно тем как об стенку горох.

– *Мэйраэн-фэ – наша вечная спасительница!* – насмешливо прощбетала кудрявая девочка.

– *Мэйраэн-фэ так любит всех спасать!..* – подхватила вторая.

– *... всех без разбору!* – ехидно прибавила третья.

– Ага, я такая! – заверила Мэйр, озабоченно разглядывая окровавленную руку. В конце концов наспех обезболила и оставила как есть. Занозы сами выйдут через минуту-другую – сталь в ее жилах отвергает все, кроме другой стали. – *А вы только насмехаетесь. Нет бы подкинуть горшочек с золотом.*

– *Золото?* – сощурилась кудрявая. И хищно улыбнулась, демонстрируя полный рот острых зубов. – *Будет тебе золото. Не лепреконское. Но золото.*

– *Золото!*

– *Золото!*

– *Золото-золото-золото!.. И не жалуйся потом!*

Наполнив полянку зловещим хохотом, хайтеры всплеснули руками и улетели прочь стайей пестрых птичек. Только куча кленовых листьев да несколько веточек золотарника напоминали об их присутствии.

– Ох, нечисть, какая же ты долбанутая, – только и произнесла Мэйр, прежде чем подняться. – Эй, Тен-Тен, где ты? Слинял! Ух, вредина! Да погоди ты!..

И она спешно продолжила путь. Не то, чего доброго, от «лорда ужаса и кошмаров» останутся рожки да ножки.

* * *

Себастьяна отпустило еще до того, как он пересек опушку, на которой высился милый домик Мэйр, и небольшой пролесок, целиком состоящий из кустарника и молодых сосенок. Отпустило не до конца, но достаточно, чтобы с сомнением оглянуться на дом и отругать себя за несдержанность – повелся, как дурак, на спектакль некромантишки со всякой похабенью вместо мозгов.

Ну хоть получил возможность наконец прогуляться по леску без воспитательных речей, бесконечных же предупреждений, а главное – в тишине, которой ему в последнее время так не доставало. Одной целительницы бывало многовато, что уж говорить о всяких там гостях? То Фалько, то теперь этот... Френсис. Нет, определенно,

Себастьян имеет право сбежать в лес хотя бы на пару часов, чтобы отдохнуть от чужих мыслей, пусть и приглушаемых слабенькой пока защитой. Стать нормальным человеком и жить обычной жизнью все еще хотелось; да только десять лет в лесу просто так из биографии не вычеркнуть.

То, что он находится в волшебном лесу, Себастьян почувствовал, стоило только ступить под сень высоких старых деревьев, раскинувших кроны высоко над землей. Он словно... живой. Единый организм, по которому растекается магия. Себастьян невольно оглянулся – стоило только сделать шаг, возникло ощущение, будто за спиной закрывается невидимая дверь. Неправда, конечно – никакой двери там нет и не было.

Тропинка все петляла среди желтеющей травы, кустов орешника и упавших веток. Он с трудом подавил желание выхватить стрелу из колчана и наложить ее на звонкую тетиву. Все-таки он не у себя в лесу, лишенном всякого волшебства, странных существ и плотоядного дерева, о котором Себастьян наслышан в самых жутких и красочных подробностях. Ощущение чьего-то незримого присутствия холодило кожу, хотя трусостью он точно не страдал. Безрассудством и завышенным самомнением – это да. Но не трусостью.

– Ладно. – Себастьян примирительно поднял руки вверх, показывая, что не собирается стрелять без разбору в первый попавшийся пень. – Ну, я собрался прогуляться. И настрелять дичи на ужин, если можно.

«Отлично, я теперь еще и с деревьями разговариваю».

Деревья, впрочем, казались куда более надежными собеседниками, чем собственный разум. Они-то умные, не оставляли свою фею с гадким некромантишкой – стоят себе и стоят, куда им деваться?

– Можно, можно, – послышался сбоку переливчатый детский голосок. Себастьян дернулся, резко развернулся и все же выхватил стрелу. Тетива натянулась, легонько звякнув. Среди деревьев мелькнули кудрявые рыжие волосы, украшенные венком из листьев и осенних цветов, наверняка последних в этом году.

«Дети?»

Себастьян шагнул было в ту же сторону. Но остановился – откуда бы в лесу взяться детям? Только нечисти, следовать за которой –

последнее дело. Он наугад выпустил немного силы и услышал в ответ только шелест листьев, шум ветра и звук, похожий на звон колокольчиков. Точно не дети.

– Какой страшный!

– Жуть!

Неведомые существа рассмеялись, будто удачной шутке, и попрятались за деревьями.

– Не пугай нас!

– Вряд ли я вас напугал, – проворчал Себастьян, опуская лук.

– Напугал! Напугал!

– Все Мэйразн-фэ расскажем! Все-все! Бойся!..

– Бойся! Бойся!

Под собственный звонкий смех они исчезли так же неожиданно, как появились. А вот дорогу и ответ не подсказали.

– Сам разберусь, – буркнул Себастьян и глянул на тропку – все еще здесь, вьется между деревьями, уводит в самую чащу. И ведь наверняка рассчитана на доверчивого путника.

Он поднял голову- солнце потихоньку клонилось к западу. Ровно туда, откуда тянуло магией, жутковатой и очень густой. Будто жидкое золото, расплзалась она по лесу, звала за собой. И звучала в голове – насмешливым, хрипловатым голосом. Не настоящим, скорее мозг так обрабатывал информацию, слишком сложную для обычного человека, которому не приходилось болтать с зачарованными деревьями всю юность. Или всю жизнь – Себастьян не спрашивал, когда именно Мэйр стала лучшим другом невиданных существ, населяющих это место.

Неметон. Себастьян откуда-то понял это. Ощутил, что именно там, на западе, где холм стремится в небо, растет то самое великое древо, готовое уничтожить всякого, кто покусится на лесные сокровища.

Он скользнул влево, уходя с тропинки. Так привычнее и правильнее – ступать по мягкой траве, укрытой опавшими листьями, пока немногочисленными, вперемишку с веточками и перегнившей прошлогодней листвой. Главное – смотреть себе под ноги, привыкая заново. Это не Недволльский лес, где ему был знаком каждый камень и каждое воронье гнездо. Здесь было по-другому, но как-то более... правильно.

– Только не сожри меня раньше, чем я дойду до тебя, – попросил он Неметона.

Показалось или в голове и впрямь прозвучал смешок?

Спиной Себастьян чувствовал, что за ним следят. Неотрывно и явно недобро. Не нужно быть менталистом, чтобы знать это. Достаточно пожить в лесу хотя бы пару лет, чтобы различать ощущения и научиться доверять своей интуиции. Сейчас она не вопила об опасности ежесекундно, но предупреждала, что чужаку здесь не то чтобы место. Позволяют бродить, перепрыгивая с корня на корень, но и только.

А может, это тоже Неметон – кто их знает, этих хранителей Западных земель?

Неметон оказался прекрасен. Насколько вообще прекрасным может быть дерево, обхватить которое не под силу и десятку человек. Всерьез захотелось поклониться и, словно нашкодившему ученику младшей школы, покорно попросить прощения. За что, Себастьян не знал точно. Наверное, за свой визит и за наглость, с которой он посмел бродить по чужому – это он понимал, как никогда – лесу.

– Нас не познакомили, – проговорил Себастьян, задрав голову – крона уходила высоко в небо, скрывая его. – Я парень Мэйр.

Его окутало незримым, но вполне осязаемым маревом чужих эмоций – скептицизм, насмешка, откровенно фальшивое изумление.

– Потрясающе, – пробурчал он, сложив руки на груди, – даже гребаное дерево надо мной ржет.

Непонятно только, над чем именно. Хотя причин было достаточно. Начиная с совершенно дурного побега от проблемы по имени Френсис (и дурацких картиночек в его безмозглой голове) и заканчивая собственно болтовней с тупой деревяшкой.

По лицу вдруг хлестнуло веткой. Не до крови, но больно, заставив устыдиться. Дерево или нет, но оно разумное. И старше Себастьяна в бессчетное количество раз.

– Прошу прощения, – извинился он, не особо стараясь быть искренним. Глянул вниз – по земле стелился огромный корень, высотой достигающий почти до колена. Темный, кое-где покрытый ярко-зеленым мхом. – Я присяду, можно?

Неметон если и удивился подобной наглости, то комментировать своими образами-картинками не стал. Но снова будто бы хмыкнул.

Убивать пока не собирался, от любопытства или просто из интереса к назойливому человечку. Себастьян сел, вытянув ноги, а потом и вовсе перекинул одну через шершавое дерево и улегся на нем, подложив руки под голову.

На этот раз опалило изумлением и даже чуточку возмущением.

«И как ты до сих пор жив?» – безошибочно читалось в шуме кроны. Никакие слова не требовались, чтобы распознать это.

Как будто Себастьян знал.

– Спасибо, – проговорил он, прикрывая глаза.

Тишина – густая, словно вокруг не воздух, а толща воды, – накрыла, убирая остатки нервозности. Пожалуй, стоило прийти сюда раньше, когда сила сводила с ума, нашептывая на ухо всякие гадости и сбивая с мыслей. Или не стоило – кто знает, как повел бы себя Неметон, к которому вдруг притащился поехавший менталист с бешеной магией.

Было... сонно. Тихий шелест листьев убаюкивал, и казалось, что здесь, под Неметоном, куда теплее, чем должно быть в осеннюю пору. Или так оно и было – разбираться еще и в этом Себастьян не собирался. Ему хватало над чем ломать голову.

Например, над стеной внутри своей головы. Себастьян уже по привычке нарисовал в воображении «крепость». Окна, двери, черный камень, вязь заклинаний Фалько напололам с теми, что он сотворил в первый раз. Они все еще казались ужасно сложными, но за последние пару дней Себастьян немного разобрался в переплетениях нитей и символов; понял, откуда надо начинать, чтобы не шибануло отдачей, как в прошлый раз. Он мысленно примерился к одному из окон, маленькому, больше похожему на бойницу в старой крепости, и накинул слой поверх первого, выведенного еще Фалько. Одна из нитей натянулась, зазвенела, но выдержала. Себастьян спешно исправил узор, непослушный и слишком сложный, отожравший изрядную долю резерва, но в итоге легший удачно. Кровь носом все же пошла – это он почувствовал сразу, как только вернулся в реальный мир. Сел, нервно утираясь рукавом, и сделал несколько глубоких вдохов, впуская в легкие лесной воздух. Ну, хоть в обморок не свалился, уже хорошо.

По лицу снова хлестнула ветка – на это раз большее, оставляя ссадину.

– Эй, ты чего дерешься? – возмутился Себастьян, прижав ладонь к щеке.

Он дернулся было, порываясь встать, но вокруг лодыжки вдруг обвился толстый корень, едва не намертво удерживая на месте. Без угрозы, впрочем. Мол, лежи, придурок, пока дают.

– Ладно, ладно, – примирительно произнес он, возвращаясь в прежнее положение. – Спасибо. Еще раз.

Верить ему не спешили – на лодыжку давило с добрую минуту, прежде чем Неметон утихомирился и отпустил. Но в расслабленно-сонное состояние погружать себя и все вокруг не спешил, напротив – шумел кроной, хоть и не слишком громко. Причину Себастьян понял не сразу, только когда ощутил отголосок чужих мыслей. Привычно беспорядочных, туманных и знакомых. Кто еще в лесу может думать одновременно о сладостях и бешеной лесной нечисти? Он открыл глаза и поднял голову, чтобы увидеть поднимающуюся к нему Мэйр в сопровождении трехрогой лошади. Если таковой вообще можно назвать стройное создание с черной, словно ночь гривой, едва не стелющейся по земле. Безумно красивое и столь же опасное даже по ощущениям.

– О, все еще жив, – констатировала Мэйр, зловеще сверкая глазами из-под капюшона. – Не то чтобы я сомневалась...

И, пройдя мимо, плюхнулась в ямку между двух мощных корней тысячелетнего дуба. Ни тебе суеты, ни возмущений, ни укоризненных взглядов. Что уж скрывать, Себастьян смиренно (и малодушно) ждал обычной реакции на свои выкрутасы. А получил...

Ничего не получил. Как будто он пустое место.

Разумеется, мириться с таким положением дел он не собирался. Однако его планы задобрить вредную фею были нарушены.

Узрев прямо перед собой крупную рогатую морду, Себастьян дернулся и тут же зашипел, больно приложившись макушкой о ствол. Келпи жрать его лицо не спешил, просто обнюхал, невзначай мазнув по щеке бархатистым носом. Чуть отступил и очень по-людски склонил голову набок. В полночно-синих глазах можно было с удивительной легкостью прочесть неприязнь и сомнение.

– Тен-Тен, фу, – послышалось сбоку недовольное бормотание, – ты не будешь его есть! Ну, брось, там и жрать-то нечего, жилы одни.

Волшебный конь поглядел на свою не менее волшебную подружку. И, видимо, поверил ей на слово. По крайней мере, съесть Себастьяна покуда не пытались.

– Тен-Тен? – вдосталь налюбовавшись конем, красующимся перед ним изо всех сил, полюбопытствовал он. В одной только позе читалось: «Я лучше тебя, смертный!», и с простеньким именем это никак не вязалось.

Мэйр молчала. Она все еще была сердита, недовольство исходило от нее волнами. И не только оно – Себастьян чувствовал, что она чем-то всерьез озадачена и даже ошарашена. Мысли она прятала старательно, пусть и не настолько, чтобы Себастьян не смог бы их прочесть, будь у него полный резерв и чуть больше желания влезать в чужую голову...

– *Таэн'нэйерис*, «Черный Шторм» на имперском, – неохотно пояснила Мэйр.

– Красиво. Как и он сам.

Келпи снова фыркнул – казалось, он был польщен, – и вдруг обернулся темным маревом, слился с тенью. Все произошло так быстро, что не гляди Себастьян внимательно – непременно бы удивился, куда это пропала здоровенная хищная зверюга. Судя по подозрительному шуршанию в ближайших кустах, пропала она недалеко.

– Выпендрежник, – пожурела Мэйр, слабо улыбнувшись. – Если бы не некоторые очевидные различия, то я бы решила, что он твой брат-близнец, потерянный в младенчестве.

– Кто знает, где еще гулял мой папаша...

– Вряд ли бы даже у него получилось натрахать коня. Тем более этого.

Выдав столь ценное замечание, Мэйр снова замолкла. Вокруг нее стаей ярких светлячков роились крохотные огоньки. То, видно, была магия Неметона, и она радовалась явлению своей хранительницы. Изредка Мэйр протягивала руку и ловила огонек, сжимала в кулаке. Тот гас с тихим шипением, однако на смену ему загоралась дюжина новых.

Себастьяна за этим нехитрым развлечением упорно не замечали.

И Себастьян, столько лет без особого труда выносивший одиночество, вдруг понял о себе кое-что. Он, Бездна пожри,

ненавидит, когда его не замечают! Да еще и так картинно. Да еще и его собственная фея! Видят боги и богини, лучше бы щетинилась стальными иголками и костерила на все лады.

Ссориться, впрочем, тоже не хотелось. Попросту сил не было. Поэтому он спросил то, что сейчас интересовало больше прочего:

– Что с твоей рукой?

– Не бери в голову. Все в порядке.

Вот и поговорили.

Перед глазами, совсем как наяву, вдруг мелькнула картинка: Мэйр, окруженная зловредными красноволосыми детишками, кулаком ударяет в центр толстого пня, и тот разлетается в мелкую щепу. Довольно впечатляюще. И столь же кроваво – рука в видении казалась затянутой в красную перчатку. Теперь же о правдивости картинки свидетельствовали несколько длинных порезов да россыпь царапин на смуглой кисти.

Ну вот и хорошо.

– Зачем ты колотила пенек?

Мэйр с недовольством покосилась вверх.

– Ябеда, – проворчала она. И затем прибавила, уже глядя на Себастьяна: – Перевертыш застрял внутри пня. Ты про них должен был читать, я тебе книжку давала, помнишь?

Не дожидаясь ответа, Мэйр взмахом рук отогнала назойливые огоньки и поднялась с земли.

– Если ты нагулялся, то мы могли бы пойти домой.

Себастьян кивнул и поднялся. Но не съехидничать не смог, припомнив, как вероломно к ним ворвался некромантишка и испортил утро:

– Только если там нет этого твоего Фре-енсиса.

Волну негодования он ощутил тут же – как будто это он виноват, что его едва ли не вышвырнули из *их* дома! И нагло лезли в голову, нарочно думая о том, о чем Себастьян мог пока только мечтать.

– У этого моего Френсиса вообще-то работа есть.

«И целых два мудаковатых командера, которым не терпится послушать свежие сплетни про моего якобы парня...»

«Якобы?!» – хором возмутились внутренний голос, монстр и самомнение.

Чересчур громко возмутились, потому как Мэйр вытаращилась на него так, будто он только что убил и съел Тен-Тена. Ну или Френсиса, чтоб его Хладная.

– Домой пошли, – прежде, чем к целительнице вернулся дар речи, бросил Себастьян и быстрым шагом ушел вперед.

Желание не слушать больше чужих мыслей вспыхнуло с новой силой. От обиды, не иначе.

Глава 11

В это время года солнце клонится к закату все быстрее. С каждым днем, минута за минутой, час за часом – и не успеешь оглянуться, как за окном уже в четыре пополудни становится темно, будто ночью. Вот и сейчас, пока они дошли до дома Мэйр, всю дорогу храня тягостное молчание, сумерки опустились на опушку.

Себастьян вошел в длинную прихожую первым, тут же скидывая обувь с налипшими на нее листьями, куртку, пропахшую лесом; пристроил на обычное место свой лук.

«Даже пострелять не успел».

И когда бы? Сначала к себе звал Неметон, желая познакомиться с незванным гостем, потом ему стрельнуло поработать над защитой, отчего стало уже не до стрельбы. Да и Мэйр за спиной, сердитая и дерганая, к охоте не располагала.

Не день, а сплошное расстройство.

– Я в душ, – бросил он, направляясь к лестнице.

– Я сделаю чай, – буркнули в ответ.

Ну просто прекрасное начало вечера.

По счастью, у воды есть одно очень большое достоинство – вместе с грязью она смывает и дурные мысли. А таковых в голове Себастьяна водилось немало. Спасибо Френсису, Фалько и самой Мэйр, рядом с которой никак не получалось снова стать отстраненным занудой, интересующимся только книжками, стрельбой да сомнительными экспериментами с нестандартной магией.

Согревшись под теплой водой, от души натершись ароматным травяным мылом, в кухню Себастьян спускался в куда более благостном настроении. Мэйр привычно крутилась у стола, расставляя чашки и раскладывая по тарелкам разогретый ужин.

– Война войной, а умирать с голода никому не позволено? – усмехнулся он, глядя на эти хлопоты. – Помочь?

– Нет, спасибо, – сухо откликнулась Мэйр. – И нет, не позволено. Есть уйма куда более занятных способов умереть.

Что ж, ясно. С ним все еще не собираются разговаривать. Желание расколотить что-нибудь (а кого-нибудь – убить) вспыхнуло с новой

силой. Звякнув вилкой, он уткнулся в тарелку и принялся за еду. Мэйр уселась напротив через несколько минут – раздражающе чужая, холодная и будто бы вмиг переставшая испытывать к нему хоть что-нибудь.

– Вот это все, – Себастьян, дождавшись, пока та поест, помахал в воздухе вилкой, – хотя бы к концу недели закончится?

– Радость моя, ты не мог бы изъясняться поточнее? – попросила Мэйр чуть желчным тоном. Судя по тому, как звонко обрушилась в раковину стопка тарелок, «вот это все» она прекращать не собиралась. – Не знаю, что должно кончиться у тебя, а у меня терпение на исходе.

– Твоя обида на меня, – Себастьян поднялся следом, подошел ближе к ней и оперся о стол у раковины, скрестив руки на груди, – невеста за что. Хотя это ты назвала меня увечным при своем Френсисе. И игнорируешь весь день.

Словно не желая находиться рядом с ним, Мэйр отошла к окну и принялась нервно ерошить волосы.

– А что, ты вел себя как здоровый? Френсис, конечно, та еще белобрысая козлина, но ты сам не лучше.

– Он меня провоцировал!

– Насильники так говорят о женщинах в откровенной одежде.

Себастьян даже поперхнулся от такого сравнения. Кошмарного и даже оскорбительного... но, увы, вполне справедливого. В конце концов, по закону придурок Френсис мог думать любую похабень, а вот он сам в его голову лезть не имел права. То, что контролировать свой дар как следует Себастьян пока не способен – это другой разговор.

– Я понял, о чем ты, – выдохнул он, усилием воли заставив себя не продолжать скользкую тему. – Правда, Мэйр, я понял. Но дело ведь не только в этом?

Мэйр молчала с добрых полминуты, прежде чем заговорила тихо и холодно:

– Думаешь, если я отнеслась к тебе по-доброму, то позволю вертеть собой как угодно? Я не такая мямля, какой могла показаться, Себастьян! – Она резко обернулась, обжигая злым звериным взглядом. – Да, это моя вина, я... я была недостаточно строга и к тебе, и к себе. Больше не будет никакого потакания этой твоей придуре.

– Этой моей придури? – Собственный голос, чересчур желчный и такой же тихий, Себастьян услышал будто со стороны. – Вот теперь я недопонял...

– Никаких обжиманий в тепленькой постельке, – отчеканила Мэйр, – никаких идиотских подкатов. И никакого собственнического дерьма в адрес меня или моих друзей.

Не будь Себастьян менталистом, он бы поверил. И в тон, и в желание Мэйр и впрямь прекратить все то, чем пациенту и целителю заниматься неуместно. Поверил и ушел бы – хоть в лес, хоть на поклон к дорогому дядюшке, просить для себя камеру повышенной комфортности... Лорд он или нет, в конце концов! Но Себастьян – менталист. Слишком хороший, пожалуй, пусть и с изрядно поломанными мозгами. Сквозь неприятие, злость и напускную холодность он чувствовал совсем другое. Мэйр испытывала нетерпение, желание, немного страха. И *думала*. О том, как ей на самом деле нравятся обжимания и поцелуи. И что Себастьян в ее постели ей совсем не нужен; да только правды в том нет и на медяк.

Внутри проснулось темное.

– Хорошо, – протянул он, шагнув к Мэйр, нервно комкающей полотенце. Обхватил запястье, потянул на себя, заставляя развернуться полностью. – *Идиотских* подкатов больше не будет.

Не дожидаясь реакции, только поморщившись от плеснувшего в воздухе недоумения, Себастьян накрыл ее ладонь губами, куснул кончики тонких пальцев. И прижал Мэйр к столешнице, обхватив за узкую талию. Сразу под рубашкой, задрать которую вышло само собой. Ощущение теплой кожи под ладонью сводило с ума, заставляло не мигая смотреть в дикие глаза, на пухлые губы. На шею, на которой так притягательно билась жилка. Себастьян облизал вмиг пересохшие губы, притиснул Мэйр к столу еще сильнее, коленом раздвигая длинные ноги.

– Так что, – он склонился к острому уху, нарочно касаясь его губами, – никаких больше обжиманий?

Мэйр отстранилась как могла, уперевшись руками ему в грудь, отталкивая. Получилось не очень-то убедительно, учитывая, что при желании она могла переломать Себастьяну все ребра о ближайшую стену. Спасибо Неметону, тот наглядно поведал, как сильна хиленькая с виду фея.

– Хватит! – зло выдохнула она, всю светя глазищами. – Прекрати это, Себастьян. Признайся хоть самому себе: ты лапаешь меня просто потому, что больше некого. Ты хоть понимаешь, насколько это унижительно?

– Я лапаю тебя, потому что мне этого хочется, – даже не пытаюсь отстраниться, прошипел Себастьян. Будь он чуточку больше... социализирован, сказал бы совсем другое. И сменил бы тон, чтобы не казаться совсем уж наглой сволочью. Увы, не судьба. – Потому что ты красивая. Потому что ты мне нравишься. Меня не тянет к людям, но тянет к тебе. Можешь искать сколько угодно оправданий и причин, но я тебе тоже нравлюсь. Или тебе тоже больше не с кем делать все это?

Что именно «это», он пояснил наглядно – снова потянул за запястье, коснулся губами там, где бился пульс, легонько сжал зубы. Мягкими поцелуями покрыл кожу до самого локтя. Ответом стал шумный вздох, который Мэйр попыталась сдержать, но не преуспела. Себастьян выпрямился, чтобы заглянуть в сверкающие глаза феи.

И не выдержал – взгляда, шквала чужих эмоций, вида чужих губ так близко. Наклонился снова, делая то, что так давно хотелось – прижал к себе еще сильнее, впился в тонкую шею, прикусил нежную смуглую кожу, наверняка оставляя на ней след. Уловил удивленный, еле слышный стон; запустил пальцы в шелковистые волосы, оттянул их, открывая себе доступ.

– Ну же, Мэйр... Скажи, что тебе не нравится... Скажи – и мы прекратим все это. Я прекращу, – лихорадочно шептал он, продолжая целовать, кусать, проводить языком от острой ключицы до самого уха. – Скажи, Мэйр, ну...

– Так н-не... нечестно, – выдала Мэйр почти жалобно, голос ее заметно дрожал. – Нечестно, – хрупкие с виду пальцы впились Себастьяну в плечо, больно и наверняка до синяков. – *Нечестно*, слышишь ты, поганец бессовестный?!

– Ой, ну и что?

Ответ его злобной фее не понравился. Себастьян услышал треск ткани – это надорвался рукав рубашки под чужими пальцами. Мэйр больно ударила его ладонью в грудь – не столько отталкивая, сколько негодуя, – но тут же вцепилась в воротник, притянула обратно и поцеловала.

Ничуть не ласково, остервенело даже, мстительно прихватив нижнюю губу острыми клыками... Но поцеловала. Сама. И с явной охотой.

Этого хватило, чтобы напрочь отшибить ему последние мозги.

Сдерживать ее Себастьян не пытался. Куда там, когда чужие руки выдирают рубашку из штанов; когда горячие ладони ложатся на спину, царапая почти до крови; губы целуют в обнажившееся плечо так, что впору кончить только от этого. Хотелось разложить Мэйр прямо тут, благо, кухонный стол крепкий и выдержал бы. И Себастьян уже почти сделал это, огладив ее бедро и закинув ногу себе на талию, чтобы оказаться еще ближе.

Но Мэйр была против – невзирая на возбуждение, которое легко читалось в хаосе ее чувств, она снова мстительно укусила его за губу. Лихорадочное «Ну не здесь же!» обожгло, заставило отстраниться.

Глаза напротив сверкали уже не злобой, а нетерпением и желанием; Себастьян тонул в этой мути и из последних сил заставил себя потянуть Мэйр к лестнице.

Они раздевались прямо на ступеньках, не особо заботясь о сохранности вещей и том, что поутру придется убираться. Еще этим утром он не собирался никуда отпускать свою фею. Не из-за десяти лет celibата, нет. Просто это *его фея*, внутри которой так хочется оказаться, целовать каждый дюйм обнаженной кожи, чувствовать под собой ее гибкое тело.

Себастьян опрокинул Мэйр на постель, тут же сжав узкие запястья в ладонях. Остановился, буквально оторвав себя от горячих губ – перевести дух, да просто хотя бы вздохнуть, потому что все это... запредельно.

– Боги, ну какая же ты... – прошептал, прижимаясь своим лбом к ее.

И отпустил, желая исполнить уже свою мечту целовать Мэйр так, как ему хочется. Глубоко, толкаясь языком в теплый рот. Прикусывая подбородок и кожу на тонкой шее; беззащитные ключицы, расчерченные татуировками, каждую из которых хотелось обвести отдельно. Вылизывать обнаженный живот, двигаясь все ниже.

Себастьян остановился, чтобы полюбоваться ею – взволнованной, теплой и такой близкой, что впору почувствовать себя подростком, впервые оказавшимся в постели с девушкой. Разумеется, это было

далеко не так – спасибо деревенской скуке и собственной внешности. Но Мэйр – это Мэйр, и ради нее он готов дружить хоть с деревьями, хоть со всей лесной нечистью разом.

– Эй, ты чего? – поинтересовалась она, несильно потянув за волосы на затылке и заставляя посмотреть в полыхающие льдистой зеленью глаза.

– Хочу, чтобы тебе было хорошо со мной. Всегда, Мэйр, – тихо проговорил Себастьян, снова возвращаясь к шее, выдыхая в нее, сцеловывая крохотные капли пота.

– Так мне разве плохо? – изумилась она, приподнявшись на локте и улыбаясь ему – не насмешливо, скорее очень уж понимающе.

Свободная рука легла ему на затылок, осторожно поглаживая; горячие пальцы медленно скользнули по шее вниз, стиснули плечо.

– Все в порядке. – Мэйр провела ладонью по его спине, ненароком задевая царапины, которые сама же и оставила. Снова поцеловала – коротко, легонько, чуть ли не целомудренно. Словно бы не она каких-то пять минут назад сдираала с Себастьяна одежду. – Успокойся, ладно?...

Себастьян нервно усмехнулся. «Успокоиться» вышло так себе. Бездна, да это вообще невозможно, когда рядом с тобой – *под тобой* – твоя гребаная волшебная фея. Не обиженная и злющая, будто норовящая сожрать (но, что уж там, горячая, как все Инферно разом), а привычная и уже такая родная – ласковая, добрая, внимательная и самую малость вздорная.

Та самая Мэйр, в которую Себастьян так по-идиотски втрескался.

И которая, вдруг хитро прищутив глаза, улыбнулась, чтобы в следующий миг раскрыть перед ним свое сознание, позволить рухнуть в ее мысли и фантазии. Себастьян видел, как образы перед глазами оживают, как Мэйр – то ли настоящая, то ли та, из воображения, сгибает ноги в коленях и разводит их в стороны. Как тянет руки вниз, свои и его, предлагает войти, для начала пальцами, потому что *ей нравятся пальцы Себастьяна, и она думала о том, какие они в деле, с самого начала.*

О, боги, если Себастьян кончит прямо сейчас, вины его в этом нет ни капли. Все происходящее странно, необычно и не так, как это могло бы быть с любой другой девушкой. Но просто *потрясающе*, потому что, ну, в самом деле, не просто же так Мэйр прогибается в пояснице и

стонет. И тянется, тянется к нему, цепляется за плечи и целует, глубоко и влажно, когда Себастьян входит в нее. Сознание улетает куда-то, магия внутри клубится, переливается золотыми искрами, не толкает и никуда не рвется, ведь ей тоже *нравится*.

– Хватит, – просит он, не узнавая собственного хриплого голоса. – Я понял, Мэйр...

А Мэйр уже все равно – это заметно по шалым глазам, по вздымающейся лихорадочно груди, по тому, как она двигается навстречу, разрешая быть быстрее. Себастьян чувствует укус на своей шее и улыбается, ведет рукой по гладкому бедру, сильнее сгибая ногу. Борется с собой еще немного, и решается, накрывая губами мочку острого уха.

Мэйр снова стонет – низко, тихо, бьет рукой по постели и сгребает простынь в горсть. Ткань трещит, а Себастьян... Бездна, что еще остается Себастьяну, кроме как терять голову, целовать, гладить, и двигаться, вбиваясь все сильнее в такое податливое, такое гибкое тело? Все это ненадолго – он чувствует, что вот-вот взорвется, но терпит, шепчет в губы, шею и ключицы Мэйр, как же ему хорошо, какая она волшебная.

Какая она *его*, от кончиков длинных пальцев до острых ушей. И что он ее никому и никогда не отдаст.

Себастьян не понял, сколько времени уже лежит вот так, свалившись на Мэйр и прижимая ее к постели. Чувствовать что-либо он начал, только когда ее ладонь уперлась в плечо, мягко отстраняя.

– Извини, я сейчас, – прошептал он. Точнее, выдохнул, потому что голос совершенно не желал слушаться.

Кажется, Мэйр на это только рассмеялась, тихо и устало, но так тепло, что Себастьян не утерпел – скатился с нее и тут же прижал к себе, сам перекинул ее ногу через свое колено, чтобы быть еще ближе. Устроил ладонь на ее бедре и принялся рассеянно поглаживать.

Ему было хорошо. Так хорошо, как не было уже давно. И дело не только в сексе и горячем теле Мэйр, которая недовольно сопела под боком, пытаясь устроиться удобнее. Но... Себастьян ощущал, что именно сейчас у него появился дом. Станный, окруженный жутковатым лесом с живущими в нем невиданными существами.

С феей, которую так хочется... Да просто хочется, во всех смыслах этого слова. Себастьян наклонился, чтобы поцеловать

лохматую макушку, и вытащил из-под себя одеяло, чтобы укрыть их обоих.

– Ты потрясающая, – в который уже раз повторил он, с удовольствием подмечая, как краснеют кончики ушей.

– Заткнись уже.

– Но тебе же нравится!

Мэйр проворчала что-то ему в плечо, но Себастьян буквально услышал в ее голосе улыбку.

– Да спи же ты, несчастье мое.

И он послушался – уснул быстро, успев только покрепче прижать к себе свою фею – чтобы не сбежала. А то кто их знает, этих хозяев волшебного леса?

* * *

Сказать, что сон не шел, было бы преуменьшением века. Устав крутиться с боку на бок, Мэйр побежала из кровати едва ли не вприпрыжку. По пути беззвучно ругаясь и силясь отыскать одежду – не свою, так хоть какую-нибудь. Рубашка точно попала не ее: даже если не глядеть на размер, наполовину оторванный рукав решительно не оставлял никаких сомнений.

Да и вся ситуация, что называется, недвусмысленная.

– Ох, дерьмо, вот я вляпалась-то... – почти жалобно прошептала Мэйр, комкая в пальцах и без того увечную тряпку. А потом со вздохом набросила ее на плечи и поплелась в кладовку. – Бездна, я с этим засранцем точно сопьюсь.

Помянутый засранец, по счастью, спал не так чутко, как обычно. И на ее позорное бегство даже не пошевелился.

Умаялся, бедняжка, чтоб ему...

Мэйр выдернула пробку из первой попавшейся пузатой бутылки, задумчиво понюхала – грушевое, надо же, – и сделала глоток прямо из горла, чего за ней раньше не водилось. Равно как и впихиваться в шмотки с чужого плеча...

Она сердито мотнула головой, не настроенная дальше размышлять на эту тему. Однако из бутылки пить не хотелось, так что она захватила на кухне чашку и с чувством выполненного долга

выставила всю свою нехитрую добычу на чайный столик. А сама принялась ворошить едва тлеющие угли в камине, да с таким остервенением, будто те в чем-то перед ней провинились.

Между тем, если кто и виноват, то только она сама.

Больно закусив губу, Мэйр подбросила в камин парочку поленьев. Чугунная поленница, раньше то и дело пустовавшая, ныне забита доверху: Себастьян категорически не желал, чтобы его «фея» – вот же дурацкая кличка, прилипла намертво! – мерзла из-за собственной рассеянности. А если Себастьян чего-то не желает, переубедить его можно только кувалдой по башке. Да и то не факт.

Плюхнувшись прямо на пол возле камина, Мэйр подозвала к себе чашку и сделала хороший глоток. Сладкое грушевое вино, без того слабенькое, уже порядком выдохлось; но на такую бездарную выпивоху должно было хватить с избытком. А там и спать можно: легкий алкогольный туман неплохо разгоняет всякие раздражающие мысли. Думать не хотелось вообще ни о чем, и уж тем более о... о том, что произошло.

«О том, что ты переспала со своим пациентом? – Круглая отличница Мэйр Макинтайр предпочитала выражать свои мысли ясно и точно. – Или о том, что, ясен хрен, перспишь с ним еще не раз, не два и даже не десять? Да, именно об этом, мать твою».

И заодно о том, что пациент не всегда будет пациентом. Рано или поздно Себастьян вылечится и сообразит-таки, что в мире еще гребаная куча волшебных фей – покрасивее и поинтереснее, без вороха идиотских странностей, без мрачного зачарованного леса, к которому Мэйр привязана чуть не намертво. Сообразит – и сбежит куда подальше. И разве можно будет его в этом винить? Какой нормальный человек захочет торчать в Западном Пределе, сыром и полном нечисти, когда ему открыт целый магический мир, новый и красочный? То-то и оно, что даже ненормальный трижды подумает.

Да, она все прекрасно понимала. Вот только оттого не делалось менее обидно и досадно.

– Сама виновата, – тихо пробормотала она, кутаясь в стянутый с дивана плед и невидящим взглядом глаза на потрескивающий огонь в камине. – Нет бы переспать и забыть. Фея, твою мать, волшебная...

Переспать и забыть у Мэйр никогда не получалось. Не из того она теста сляпана. Но не винить же в своих половых трудностях беднягу

Себастьяна? Да и как это прозвучит? Мол, вздумал меня трахнуть – вот теперь люби и корми вовремя?

Даже в шутку получилось как-то до Бездны унизительно. Уж лучше сидеть в своем лесу, гордой и печальной, и пьянствовать в компании долбанутого дерева, вредной лошади и ехидного кота. Ну и прочей нечисти...

Будто в ответ на ее мысли, опустевшая бутылка мягко замерцала. Мэйр изумленно вздернула брови, потом заглянула внутрь через горлышко и негромко хмыкнула.

– А, это ты, приятель. Решил заглянуть в гости?

– *Гос-сти*, – зашипел броллахан, а это был именно он. – *Гости, Айнэ-ши*.

– «Огонек»? Лихо ты мое имечко сократил, – проворчала Мэйр, впрочем, без обиды. Будучи одной из низших разновидностей нечисти, говорил броллахан с трудом, бросая отрывистые слова на ломаном фейском. Понятное дело, имя «Мэйразн» – «блуждающий огонек» вызвало у него затруднения. Но «великая госпожа Огонек» звучало уж очень нелепо.

– *Гос-сти*.

– Ты не один?

Мэйр обожгло чужим отчаянным негодованием. Броллахан сердито завертелся в бутылке волчком, отчего та закачалась. Кажется, ему не терпелось что-то донести до хранильницы Неметона, которая вызволила его из недр трухлявого пня.

– *Зо... лото*, – зашелестел перевертыш. – *Золото. Гос-сти. Зо-лото. Гости... л-ло-орд...*

«*Золото! Золото! Золото!* – пронесся в голове хор птичьих голосков. – *Смотри не пожалей!*»

Мэйр застыла на месте, пораженная внезапной догадкой, и прислушалась к своим ощущениям.

То, что она *ощутила*, ей, мягко скажем, не понравилось.

– Гости, – прошептала она одними губами, погладив выпуклый бок бутылки. – Спасибо, приятель. Мы в расчете.

Она поднялась с пола и, обернувшись к входной двери, прибавила громко, так, чтобы было слышно незваным гостям у крылечка:

– Разве ваша госпожа не потрудилась доходчиво объяснить, что душегубам здесь ловить нечего?

Медленно, со скрипом дверь отворилась, являя хозяйке дома парочку безобидных с виду ребят. Парень и девчонка. Невзрачные на лицо, коренастые, загорелые, в неброской одежде; выгоревшие на солнце длинные волосы заплетены во множество тонких косичек... В общем, типичные гильдейские убийцы.

– Темной ночи, Мэйраэн-ши, – кротко промолвила девушка. – Мое имя – Шена, а это Питер. Мы желаем говорить с вами.

Парень, названный Питером, вздорно фыркнул. Этот явно не говорить хотел, а сделать что-нибудь доброе и вечное. Мэйр же скрестила руки на груди и выразительно поморщилась.

– Давай без этого дивного дерьма, дорогуша? Обращения «фэ» и «ши» дозволены лишь фейри. А вы не фейри, да и я тоже.

– А кто же ты тогда? – изумился Питер елейным тоном. – Ах да. Бастардка! Ублюдок, чье существование позорит всю жилу Вольфрама.

– Совершенно верно. – Мэйр, давно отучившаяся вестись на дешевые подначки, лишь надменно улыбнулась. – И что от ублюдка Вольфрама понадобилось ублюдкам Хельты?

Ассасин зло сверкнул глазами. «Звер-рь», – тут же зашипела бутылка с броллаханом, однако подсказок и не требовалось.

– Знаешь, цыпочка, я думал, ты немного крупнее. И страшнее.

– На тебя хватит.

Он весело оскалился, обнажая мощные клыки. Нашел, чем пугать полудемона.

– Проверим?

– Э, нет, я боюсь! В смысле, ну, а вдруг ты блохастый?

– О, я заставлю тебя бояться, ты, дерзкая неметонова шлюшка...

– Хватит, Питер! Было велено решить вопрос по-хорошему! – одернула его Шена и устремила на Мэйр заискивающий взгляд. – Мэ... Госпожа, лаэда Хельта желает получить то, что должно принадлежать ей.

Мэйр, может, и ублюдок от жилы Вольфрама, однако после этих опрометчивых слов в ней проснулся настоящий демон. «Имя демону – огонь и ярость». Хотелось выбить девчонке зубы, и то лишь потому, что слова были не ее собственные. Будь здесь и сейчас сама Хельта, она бы не вышла за порог живой.

И Хельта это понимала. Поэтому-то ее здесь и нет.

– И что же это?

– Мальчишка, – грубо бросил Питер. – Отдай по-хорошему, цыпочка, а нет – я буду рад по-плохому.

– Ты так говоришь, будто он – моя вещь. – Мэйр укоризненно покачала головой, а затем резким тоном прибавила: – Он не вещь. Однако сейчас он принадлежит мне. И вы можете убраться по-хорошему, иначе я буду рада по-плохому.

И просто до Бездны хорошо, что всего этого не слышит Себастьян. Мигом вспомнились его чудные рассказы об отчине, сговорившемся с Хельтой. О том, как жители целой деревни либо попрощались с жизнью, либо сошли с ума. О том, как Себастьян ненароком убил свою сестру и взрастил в своей голове монстра, чтобы хоть как-то защитить разум. Определенно, хорошо, что он не слышит этого снова.

Мэйр невольно оглянулась на лестницу и нервно усмехнулась сама себе – будь Себастьян там, вряд ли он смог бы удержаться. Не ощутить на себе действие его тяжелой, бешеной магии решительно невозможно.

«Надо запомнить, – отстраненно подумала она, – психованные менталисты после секса спят крепко и не лазают в чужие головы».

– Мы могли бы, – протянул Питер, очевидно, лишенный и половины чувства самосохранения своей подружки, – но вот в чем дело: Хельта очень настаивала на возвращении ей ее же собственности. Недешевой, между прочим. Лаэда очень не любит расставаться с золотом попусту...

– Золото! – спешно вклинулась Шена. – Мы готовы заплатить, госпожа, если вы пойдете навстречу лаэде Хельте.

– Золото, – протянула Мэйр, изображая задумчивость. На деле же от наглости Хельты и ее прислужников она пришла в такую ярость, что даже в ушах зашумело. – Золото. Это прекрасно, моя дорогая. С этого и следовало начать!.. Я бы сразу поняла, что у вашей перезрелой принцессы начинается старческий маразм, и не тратила время на разговоры.

Девушка нахмурила белесые бровки, на ее лице обозначилось сердито-непонимающее выражение. Мэйр охотно пояснила:

– Мы не в Сером Доле. О мальчишке теперь знает уйма народу, и его, чтоб вас, нельзя снова купить, как кусок мяса. Это должно быть

очевидно любому идиоту. Любому, кроме вашей госпожи... – Она презрительно фыркнула. – А чтобы утащить его силком, придется сначала убить меня.

– Это значит «нет»? – мягко и почти восторженно осведомился Питер.

Мэйр склонила голову набок и снова улыбнулась.

– Это значит «подойди и попробуй», блохоносец.

Ассасин сделал пару едва уловимых шагов, перемахнул через кресло и метнулся к Мэйр, радостно скалясь. Он явно не ожидал от тщедушной девочки-полукровки подвоха; вот и чудовищной силы удар под дых стал для него сюрпризом. Не дожидаясь, пока противник продышится, Мэйр двумя руками схватила его за шею. Хорошенько приложила башкой о тяжелую каминную полку. Тихий хруст – и блохастый засранец Питер неуклюже рухнул на живот, разбрызгивая по полу кровавую кашу с ошметками мозгов.

Мэйр безгласно скривилась, провела по лицу рукавом и обернулась к девчонке. Шена все так же стояла возле двери, стиснув пальцы на рукояти короткого шафрийского меча. От нее разило неверием и гневом, но больше страхом. Она явно до сих пор не понимала, что за тварь перед ней стоит и на какие еще трюки горазда.

«Что ж, неплохая выдержка».

– Без фокусов, милочка. Твоя жизнь сейчас целиком зависит от моего великодушия.

Шена недоверчиво покусала губы. Снова глянула на своего спутника, теперь уже бесполезного. Мэйр менталистом не была, но мысли ее слышала отчетливо – жить девчонка хотела чуть больше, чем угодить своей повелительнице.

– Прошу прощения. – Она медленно отняла руки от рукояти и подняла их вверх, демонстрируя, что не собирается нападать. – Я не буду... настаивать. Вы позволите мне уйти, госпожа?

– Я не сторонница насилия, – заверила Мэйр ласковым тоном. – Что ты там говорила насчет золота?

Шена подошла ближе, замерла у чайного столика. Нарочито медленно открыла сумку у себя на поясе и достала оттуда увесистый мешок. Мэйр приняла подношение, оглядев его мимоходом.

– Бархат и золотая канитель? Мило. Любит ваша хозяйка пыль в глаза пускать, – хмыкнула она и резким движением перевернула

мешок. Тяжелые золотые монеты громко и гулко забарабанили по половицам, разбрызгивая кровь из натекающей лужи и пачкая ее голые ноги. – Сколько тут, пять сотен?

– Точно так, госпожа. Я могу уйти?

– Еще минутку, милочка.

Вернув ей нарядный мешок, Мэйр опустилась над трупом на одно колено. Стиснула пальцы, блеснувшие сталью, на холодеющей шее, с силой потянула вперед и вверх. Плоть податлива, что масло, куда сложнее разорвать крупные сосуды и сухожилия. Еще теплая кровь заливала руки, текла ленивым потоком, норовила пропитать одежду; запах сырого мяса соблазнительно щекотал нос. Наконец, позвонки с хрустом отделились друг от друга. Мэйр поднялась на ноги и метнула нетерпеливый взгляд на побледневшую до серости девчонку. Та понятливо раскрыла мешок, позволяя упаковать в него голову своего товарища.

– Передай это госпоже, – велела Мэйр. – Скажи, что я сочла плату достаточно щедрой, поэтому прощаю ее наглость. Скажи, что это очень грубо – вторгаться в мои владения и пытаться присвоить *мое*. Скажи, что в следующий раз я не буду столь милосердна. Ты поняла меня, Шена?

– Да, госпожа.

– Прекрасно. Можешь идти.

Прыти девчонки можно было только позавидовать – за дверь она буквально вылетела, как если бы была не опытной убийцей, а трепетной девицей из семьи аптекарей. Хотя кто знает, что за детишек собрала под своим крылышком Хельта?

– И тебе пока, милочка... – вздохнула Мэйр и оглянулась на художественно пачкающего ковер... Как там его? Питера. Точнее, большую его часть.

Отличное времяпрепровождение для трех часов ночи – счищать с пола чужие мозги. А заодно и с каминной решетки, чтоб этих ассасинов Бездна пожрала. Задумавшись о том, как бы половчее избавиться от трупа, ковра, крови и вообще свидетельств бурной ночи, Мэйр не слышала шагов за спиной. Не сразу почувствовала и волну темной магии, знакомой до мурашек.

Как она там говорила? Хорошо, что Себастьян не слышит? Да как бы не так.

– Развлекаешься без меня, моя фея? – слышался его голос. И *не его* одновременно, заставивший мигом вспомнить пресловутого монстра.

– Ну вот какого хрена тебе не спится-то? – проворчала Мэйр, вытирая липкие руки о рубашку. – Полагаю, много успел услышать?

– Достаточно, – кивнул Себастьян, вышагивая под тусклый свет магических светильников. Равнодушно, как мог только по-настоящему темный маг, глянул на труп ассасина. – Так значит, *твое*?

– Мое. А ты думал, можно безнаказанно лапать волшебных феек? Не-а, дружок, так не пойдет, – сухо ответствовала Мэйр, по кругу обходя труп и стараясь не наступить в лужу. Стычка с убийцами прочистила мозги получше всякого винишка, и теперь все сопливые переживания на тему любит-не-любит казались попросту смехотворными. – Хм, этот недоумок здесь явно лишний...

Она схватила тело за ноги и деловито поволокла к двери. Без особых усилий вышвырнув бранные останки Питера на желтоватую травку, захлопнула дверь и чуть нервно защелкнула оба замка, активируя сеть защитных заклинаний. А подумав, еще и тяжелый засов задвинула.

– Вот так-то лучше.

– Я думал, мы скормим его Неметону. – В голосе Себастьяна будто даже обида слышалась. То ли за обделенное дерево, то ли за то, что не ему свезло разделять горе-убийцу.

Воистину, сладкая парочка. Мэйр даже нервно усмехнулась, представив их будущий совместный быт – мятный чай по утрам, прогулка по лесу и подкормка кровожадного дерева всякими неудачниками.

– Неметон не ест дохлятину. Келпи сожрут, а прочая нечисть растащит кости. Ах да, кости...

Снова оглядев гостиную, она скривилась и спешно прошла к кладовке. Активировала чары призыва и для пущего эффекта постучала по дверному косяку.

– Эй, мальчики, работенка есть.

Скелеты споро wygrеблись из своего шкафчика, щелкая костями. Спасибо Френсису, не придется оттирать чужие мозги с каминной полки.

Себастьян, глядя на это, только ухмыльнулся и проследил за скелетами. Мэйр могла поклясться, что услышала нечто про пользу «долбанных некромантов». Затем он перевел взгляд на монеты, поблескивающие на полу, несколько брезгливо коснулся их босой ногой.

– А знаешь, это даже символично...

– Что именно?

– Пятьсот золотых, – наклонившись, Себастьян поднял одну монетку и покрутил ее в пальцах. – Столько же заплатила за меня Хельта десять лет назад. Итого, тысяча, а я все еще не у нее.

– У нее уйма золота, – пожала плечами Мэйр и машинально провела рукой по волосам. Что уж теперь, все равно мыться надо. – У меня его тоже хватает... Хочешь, от этого избавимся?

Возмущение на лице Себастьяна было настолько неподдельным, что впору пожалеть о таких опрометчивых словах.

– Деньги не пахнут, моя фея. Рубашку новую купим, ковер... На что там еще хватит?

Мэйр даже поперхнулась.

– На особняк в центре Иленгарда, притом с дорожкой мебелировкой.

И, не удержавшись, язвительно прибавила:

– А еще столичный лорд называется!

– Я вроде не в столице живу. Более того, – Себастьян вдруг поймал ее за рукав рубашки – тот самый, оторванный, – притянул к себе, не обращая внимания, что пачкается в чужой крови, – и дальше не собираюсь.

Мэйр открыла было рот, но прежде, чем успела даже сообразить, что ответить, крепкие пальцы ухватили ее за подбородок. Непроглядно-черные глаза посмотрели колко и строго.

– А если я еще раз услышу от тебя эту чушь про мой скорый побег – лично запру нас в этом доме и не выпущу тебя в ближайший месяц. Все ясно?

– Ясно, – пробурчала она, впрочем, без особого недовольства. – Охамел кто-то в край – вот что мне ясно.

– И ничуть не стыжусь, – отозвался Себастьян, неопределенно пожав плечами.

Оно и верно – откуда в этом засранце стыд?

А вот целуется он неплохо, это да.

Глава 12

Себастьян устроился на крыльце дома, грея руки о горячую чашку с чаем. По-хорошему завалиться бы обратно в кровать, прижать к себе Мэйр и проспать еще как минимум часов пять. Но его фея была против, потому что «нельзя всю жизнь провести в койке, Себастьян!».

Почему, собственно, нет? Вот они с монстром очень даже «за».

Но вместо этого пришлось тащиться на улицу, проветривать мозги и наблюдать, как Тен-Тен меланхолично разгрызает оставшиеся от зайца косточки. Себастьяну было позволено охотиться в волшебном лесу, но частью добычи приходилось делиться с обитателями леса. Чтобы жизнь сказкой не казалась. Не то чтобы он против. Да и вредный конь, честно признаться, ему нравился – было в нем что-то близкое по духу.

– Эй, не торопись так, – предупредил он келпи, на его глазах заглотившего ножку целиком. – Дома еще есть, хочешь?

Тен-Тен поднял изящную голову и, насмешливо фыркнув, вернулся к своей трапезе.

– Ну нет так нет.

Себастьян привалился спиной к перилам и подумал, что прихватить с собой плед с дивана все же стоило. А потом плюнул – в самом деле, что ему холод с его-то резервом, регенерацией и целительницей под боком? Во всех смыслах этого слова.

– Ну какой Бездны ты тут расселся? – ворчливо поинтересовалась вышедшая к нему Мэйр. В отличие от него, нормально одетая и даже натянувшая на свои чудные уши шапку, но выглядящая ничуть не менее сонной, чем полчаса назад. – Заболеешь – лечить не буду, так и знай.

– Еще как будешь, – хмыкнул Себастьян и, обхватив узкое запястье, выглядывающее из рукава пальто, потянул вниз, чтобы усадить ее рядом. Мэйр предсказуемо попыталась вырваться, но потом все же уселась, привалившись плечом к его руке. – Ты же у нас ответственная и все такое. И вообще лучший целитель на весь Синтар.

Мэйр на это закатила глаза – лесть, хоть и заслуженную, в свой адрес она научилась распознавать с ходу. Ну и что мог сделать

Себастьян, чтобы стереть это выражение с ее лица? Только потянуть на себя, развернуть и настойчиво поцеловать, крепче удерживая запястья, чтобы не трепыхалась. Разумеется, делала она это исключительно из вредности – ее теплое удовольствие ощущалось кожей, даже менталистом для этого быть не обязательно.

Увы, у мироздания явно другие планы на них и всякую романтическую возню по утрам. Арка портала вспыхнула неожиданно, заставив моментально выпустить магию, одновременно отстраняясь от Мэйр. Причем сделать последнее оказалось куда труднее – контролировать силу у Себастьяна с каждым днем получалось все лучше, а вот не хотеть свою фею каждую минуту своей жизни было решительно невозможно.

– А, это ты.

Из портала вышагнул не кто иной, как Вилмар Фалько. Как всегда собранный и прилично одетый, не то что Себастьян в своем затрапезном свитере и встрепанный со сна. Фалько глянул на них с ухмылкой.

– Это так теперь гостей встречают? – делано обиженным тоном заявил он.

Мэйр тут же смутилась и попыталась отстраниться, но Себастьян удержал.

«*Мы у себя дома*», – мысленно одернул он ее, благо за прошедший месяц неплохо поднаторел в ментальной магии. Даже кое-какие татуировки уже появились на его теле, хоть, на его взгляд, и не такие красивые, как у Мэйр.

«*Мы у меня дома*», – послышался в голове чужой голос, сердитый, но скорее для проформы, нежели по-настоящему.

«*Ой, не придирайся к деталям!*»

Себастьян уже неплохо успел изучить свою фею. И запомнил, что споры с ней нужно прерывать двумя способами – тащить в постель или спешно переводить тему. Увы, с первым придется подождать хотя бы до ухода дорогого дядюшки.

– Шастают всякие, – пожал он плечами. – Не дом, а проходной двор какой-то. Кстати, *дядюшка*, а ты не знаешь никакой охраны попримичнее?

– Знаю. Аж три, и все доступные, – покладисто кивнул Фалько. Себастьян уставился на него вопросительно и с любопытством. – Вот

этот лес, ты да Мэйр. Всем охранам охрана, императору бы такую.

– Э, нет, перетопчется, – немедля открестилась Мэйр. – Мы с лесом невыездные. Пусть Блэр над императором трясется, раз уж они такие друзья.

Уилл трагично прижал ладонь к груди и уставился в хмурое небо.

– Никакого почтения ни к монаршим особам, ни к бедному старому дядюшке Уиллу! Что, блин, за дети пошли?

– И не говори, старичок. Ты уж поведай, зачем пришел.

– А чаю предложить?

– На гонцов с плохими вестями чай не тратят. Невыгодно.

Что ж, понятно, отчего его фея поутру еще сварливее обычного – уже всю ждала от дядюшки Уилла какой-нибудь пакости позабористее. Себастьян тоже ждал, но с некоторой долей равнодушия и даже скептицизма. Учítывая, сколько всего с ним произошло за последние пару-тройку месяцев, странно удивляться хоть чему-то.

– Ну почему сразу с плохими? – а вот Фалько удивился. Правда, искренности в его тоне не было ни на гран. – Очень даже с хорошими – в гости сегодня пойдем.

Пожалуй, Себастьян поспешил – это что-то новенькое. Они с Мэйр считались невыездными. Его фея накрепко привязана к лесу, пусть и не настолько, чтобы не иметь возможности покидать родную опушку. Просто не слишком любила людей, предпочитая им местную живность во всем ее разнообразии. Кому надо, тот сам придет. Френсис вон, все еще бесящий до желания придушить поганца, исправно навещается раз в неделю – и делал бы это чаще, если бы не завал в его некроотделе.

Сам Себастьян не любил людей по очевидным причинам – страх сорваться и убить кучу народа все еще жил в нем, несмотря на многочисленные заверения Мэйр и Уилла в его успехах. Которые, конечно, имеются. Кошмары почти не сняты, магия послушно отзывается и столь же послушно отступает по его велению.

Нет и шума в голове – в этом Себастьян убедился, когда Мэйр впервые вытащила его в Синтар. Поздним вечером, когда приличные люди степенно готовились ко сну, чуть менее приличные разбрелись по кабакам и борделям, а совсем неприличных и вовсе жалко не было, они шагнули из портала на мощеную улицу. Было страшно и странно идти по городской улице, широкой, освещенной магическими

фонарями, зная, что за каждым из светящихся окон находятся люди, и не слышать при этом навязчивого роя чужих мыслей.

С непривычки он тогда так старательно думал о стене в своей голове, что, оказавшись дома, едва не свалился в позорный обморок от перенапряжения. Мэйр была недовольна и долго ворчала, а потом столь же долго гладила по волосам, уложив его голову себе на колени, убеждая, что он молодец. Наверное, так и было – по крайней мере, Себастьян вышел в люди и никого не убил.

Правда, жить в городе он так и не захотел, даже после нескольких таких прогулок, но цивилизацией был восхищен. И очень-очень хотел убить Родерика еще раз – за то, что отнял у него все это.

– Погода дерьмо, какие гости? – он кивнул на затянутое темными тучами небо. Никак снег пойдет, еще и вперемешку с противным мелким дождем.

– В Иленгарде солнечно, не замерзнете, – в голосе Уилла сквозило нескрываемое веселье. – Ну что вы на меня так смотрите? У меня выходной в кои-то веки. А моя жена желает познакомиться с племянничком!

– О, позволь поправить – твоя жена *требуется* племянничка, – только и выдохнула Мэйр, задумчиво хмурясь. – И лучше бы нам послушаться, не то миледи Фалько явится сама и наведет порядок в нашем волшебном лесу.

– В точку, подменыш, – осклабился Фалько, как всегда самодовольный и донельзя гордый тем, что свирепая леди-генерал носит его фамилию.

– Так, а что насчет вашей младшенькой?

– Стэн к себе утащил, притом доволен был до омерзения. Шестой десяток бестолочи пошел, уже своих спиногрызов заводить пора – а этот все по кабакам шляется да за фейками волочитя! – Он отмахнулся с несколько наигранным легкомыслием. – Ладно, собирайтесь уж. А то моя Рани и впрямь явится сама.

Себастьян о суровой супруге Уилла был наслышан – по рассказам самого дядюшки и Мэйр, леди Рангрид из тех, кому отказывать попросту опасно. А отказать хотелось очень, потому что Иленгард не Синтар, а с его не до конца пролеченной головой соваться в огромный шумный город... Плохая идея, в общем. Еще бы кого интересовало его

мнение. Себастьян только и смог, что с сомнением глянуть на Мэйр, а в ответ получил легкую волну успокаивающей магии.

Ладно, справится как-нибудь. Он целый лорд, в конце концов. И наследник Лейернхартов, что обязывает, если верить жизнеописаниям блистательного папаши.

– Ну и чего ты так нервничаешь? – поинтересовалась Мэйр, войдя в их комнату, пока он прихорашивался перед зеркалом – одергивал рубашку, темный камзол и приглаживал волосы.

– Я не был готов к таким сюрпризам. – Себастьян пожал плечами и повернулся к ней.

– К леди Рангрид вообще нельзя быть готовым.

Мэйр подошла ближе. Изящная рука легла на плечо, несильно сжав, отчего внутри все зашлось от необъяснимой нежности.

Себастьян притянул Мэйр к себе, обнял, сжимая в руках узкую талию, ткнулся носом в макушку.

– Хочу остаться дома и заняться чем-нибудь поинтереснее всяких гостей, – проворчал он. – У нас новый ковер не опробован.

Мэйр одарила его скупающим взглядом, который не провел бы и младенца, что уж говорить о менталисте.

– Тебе что, пятнадцать?

– Если ты хотела меня пристыдить, у тебя не вышло.

– Если ты вдруг чего-то устыдишься – я всерьез решу, что ты заболел, – не осталась в долгу его фея. И решительно потянула Себастьяна к двери. – Да красивый, красивый, пойдем уже наконец!

Пойти-то они, может, и пошли... Да только, едва выйдя из портала, мигом захотелось вернуться обратно. Нет, шума в голове, сводящего с ума и подталкивающего воспользоваться магией, уничтожить, разорвать, все еще не было – Себастьян научился себя контролировать. Но решительно невозможно было привыкнуть, что из укрытого туманом влажного леса, будто бы дремлющего из-за холодной погоды, в считанные секунды оказываешься в ярком, людном городе. Себастьян даже отшатнулся было, но рука Мэйр, вцепившаяся в его ладонь, заставила остановиться и перевести дух.

– Далеко идти? – поинтересовался он у Фалько. – Не нравится мне ваш Иленгард.

Вместо ответа Уилл усмехнулся, закатил глаза и кивнул на дом в дюжине ярдов от них. Хотя именно дом он напоминал мало – скорее

замок, с башнями и коваными воротами, прихотливо увитыми плющом.

Красиво.

А в башнях и вовсе есть особая прелесть – Себастьян не отказался бы от такой. Самое оно, чтобы запирается самому в компании книг и Мэйр. Особенно Мэйр, утащить которую подальше от чужих глаз хотелось ничуть не меньше, чем свалить обратно в милый сердцу лесок.

– Даже не думай, – зашипела вдруг Мэйр, заставив удивленно на нее глянуть. Себастьян был уверен, что он о своих планах не распространялся. – У тебя все на роже написано. Никаких башен, неслух!

– А жаль. – Он сжал ее ладонь в своей еще сильнее, прежде чем отпустить и степенно зашагать к калитке вслед за веселящимся Фалько.

Женщина, вышедшая им навстречу, оказалась совсем не такой, как представлял Себастьян. В его воображении грозная супруга Вилмара рисовалась этакой суровой валькирией с развевающимися на ветру волосами и почему-то с посохом. Глупые фантазии, разумеется, не имеющие ничего общего с реальной жизнью. Но совсем невысокая, на две головы ниже своего мужа, тонкая и хрупкая с виду леди Рангрид все равно... выглядела внушительно. От нее будто исходила сила, мощная, немного пугающая. Не на самом деле – эрмегарские маги обычно умеют себя контролировать. Тем более если это генерал имперской армии, архимаг Темного круга и жена самого настоящего лорда. Даже Себастьян уже почти овладел контролем, пусть и не настолько хорошо, как хотелось бы. Так что нет, никакой магии от леди Фалько не исходило – просто в ней было что-то, заставившее почтительно склонить голову. Будь Себастьян котом, он бы еще и уши прижал для верности. И обязательно потерял бы о ноги.

– Так-так, – протянула она, изучающим взглядом окинув всех троих, – ну и как долго ты собирался мне врать, милый?

Вытянувшееся лицо Уилла захотелось сохранить в памяти, в одну из тех комнат, что Себастьян построил в своем воображении.

– Не понял...

– Чего ты не понял? – Рангрид сердито всплеснула руками, на лице ее вспыхнуло выражении смертельной обиды. – Так бы и сказал,

что приведешь в дом свою кровиночку... А то все Лейернхарт да Лейернхарт! Позор на мою седую голову!

Седых волос Себастьян, как ни силился, у нее не нашел. Впрочем, как и искренности в тоне. А вот Уилл, кажется, был слишком удивлен подобным заявлением, иначе как еще объяснить, что он в упор не видел, как на самом деле веселится его жена.

– Дорогая, но он же копия кузена Эдриана!

– Ничего не знаю, коварный ты изменник!

Себастьян, глядя на этот спектакль, только хмыкнул и приблизился к ней. Склонился над тонкой рукой, коснулся губами аккуратных пальчиков.

– Прошу прощения, миледи, но родство с Лейернхартами меня прельщает несколько больше. Так что, с вашего позволения, я останусь его наследником.

Он аккуратно приоткрыл дверцу в своем сознании – чужое насмешливое веселье хлынуло тут же, вместе с довольным «Хорош!». Легкая ладонь потрепала по волосам и тут же исчезла.

– А ты куда симпатичнее своего папаши, – изрекла Рангрид, одарив его еще одним критическим взглядом. – Тот круглые сутки ходил с каменной физиономией и смотрел на всех, как на дерьмо. Приятный был человек, что и говорить.

– О, я уже слышан, – сухо откликнулся Себастьян. Только ленивый еще не сказал, каким засранцем был его батюшка; и ему, признаться, в чем-то импонировала подобная репутация.

Следующей жертвой грозной леди предсказуемо стала Мэйр.

– Мэйр, моя хорошая! – Маленькие ручки вцепились в его фею с завидной хваткой, заставляя ту вымученно улыбнуться и склониться для поцелуя в щеку – крошечная леди едва доставала ей до плеча. – Выглядишь уставшей. Эти два белобрысых остолопа тебя донимают?

– А как же, – охотно наябедничала Мэйр. – Донимают! Особенно вон тот, который помладше.

«Вон тот» выразительно приподнял бровь.

«Донимал, донимаю и донимать буду».

Мэйр страдальчески закатила глаза, дядюшка Уилл неаристократично заржал, а его супруга по-девичьи хихикнула в ладонь и, покачав головой, строго велела всем не маяться дурью да идти уже обедать, пока ветром не сдуло.

– Да чтоб меня в Инферно, вы в своем волшебном лесу одной пыльцой питаетесь, что ли? – на ходу приговаривала она, из свирепой темной магии вмиг превратившись в обычную заботливую мамочку. – Вот мои недоумки – совсем другое дело. Мне все кажется, они однажды в дверь не пролезут!

Мэйр чуть слышно фыркнула и послала Себастьяну образ нахального длинноволосого громилы с уже знакомыми пронзительно-синими глазами и сплошь черными от татуировок руками. Судя по всему, то был знаменитый кузен-некромант. Стэн или как его там. Понятно, что на фоне такого сыночка любой задохликом покажется. Не то чтобы Себастьян завидовал (ну разве что чуть-чуть) – свое отражение он видел достаточно часто, и прекрасно знал, что страшилищем его назвать отважится не каждый. Мэйр вон нравится, а до остальных ему и дела нет.

Леди Рангрид, в коей стеснения не было ни капли, споро ухватила его фею под локоть и с неожиданной для ее комплекции силой поволокла в дом. Себастьяну только и оставалось, что последовать за ними, переглянувшись с ухмыляющимся Уиллом. Страшные в Эрмегаре женщины, что ни говори.

Страшные, но умеющие приручить даже самого поехавшего мага на свете – все мысли о том, что пора бы сбежать обратно в полюбившийся лес с келпи и Неметоном, исчезли, стоило только увидеть стол с едой. Все-таки эрмегарские маги – рабы своих желудков, своих женщин, ну и своих целителей с волшебными ушами. Даже в животе заурчало, хотя видят боги, Себастьян с Мэйр старательно объедали и синтарийские рынки, и волшебный лес.

– Так, все ясно, – деловито заключила леди Фалько, – сначала поросенок, а потом уже и светские беседы. Не так ли, милый?

– Что за вопрос! – закивал Уилл, усаживаясь за стол и принимаясь пресловутого поросенка разделывать.

Увы, у богов на этого зверя, кажется, были другие планы. Со спасением румяного, запеченного в яблоках поросеночка Хладная, Пресветлая и прочие члены божественной шайки знатно опоздали. Но отдавать того на растерзание вечно голодным магам явно не собирались. Уилл только и успел занести нож над жирной ляжкой, как в дверь позвонили. Себастьян машинально повернул голову на звук и нахмурился – от гостей вечно одни неприятности. Не то чтобы он

верил, что ассасины – или, не приведи боги, Френсис – сунутся к Фалько, да еще и среди дня. Однако ковер в прихожей, красивый, пушистый и явно дорогой, было жаль заранее. Просто потому, что в случае чего испортит его либо он, либо Мэйр, и придется возмещать... А золотишка жаль, за семейным бюджетом надо следить.

– Вы кого-то ждете? – поинтересовался он у леди Фалько. Та недоуменно покачала головой и поднялась со своего стула одновременно с Уиллом.

Себастьян нахмурился еще сильнее. И сделал то, что делал всегда, уже по привычке – выпустил силу, послушно потекшую сквозь пальцы, прикрыл глаза, сосредоточился... И услышал знакомый треск защитных амулетов.

– Кажется, это ваш канцлер, – проговорил он. – Он что, так и не сменил свои хреновые побрякушки?

– Это ж Дорих, – хмыкнул Уилл так, будто это должно было что-то объяснять. – И ну-ка, утихомирься! Сломаешь мне защиту на доме, сдам Блэр на опыты!

– Не позволю! – тут же встрепенулась Мэйр.

Рангрид на это закатила глаза и вцепилась в предплечье своего супруга.

– Пойдем встречать гостя. Как-никак целый канцлер!

Они исчезли в коридоре, послышался звук открываемой двери и возглас Рангрид:

– Виктория, какого х... в смысле, какими судьбами, дорогая?

– Прости великодушно, Рангрид, – девичий голос был тих, мелодичен и вкрадчив. И абсолютно не вызывал доверия. – Я совсем измучила кузена своими жалобами, и он вызвался сопроводить меня к вам. Сил моих нет, как желаю взглянуть на нового родственничка!

«Особенно если он при этом будет полыхать в погребальном костерке», – прилетела со стороны Мэйр недовольная мысль. От внезапного визита семейки Дорих она явно не пришла в восторг.

Себастьян тоже не испытал воодушевления – ему в принципе не нравились дерьмовые менталисты. А уж если они не нравятся еще и Мэйр, не доверять вкусу которой можно только в количестве сахара на чашку... В общем, знакомство точно не задастся. Это Себастьян понял так ясно, будто кто-то произнес вслух.

– Ах, вот оно что! – воскликнула Рангрид, пародируя елейный тон собеседницы. – Полагаю, я не могу выкинуть за порог целого канцлера. Хотя я не узнаю, если так и не попробую...

– И все же было бы очень мило с вашей стороны предупредить заранее, – поспешно вмешался ее супруг. – Парень еще не вполне стабилен.

– Бросьте, милорд! – Виктория наверняка отмахнулась. – Разве ваша полукровка не таскается всюду за ним по пятам? Я слышала, она очень одарена по части умирения нестабильных магов.

– Истинно так, – подал голос лорд-канцлер, чтоб ему повылазило. – Еще раз прости, что явились без предупреждения, Рангрид. Так нам позволено будет войти?

Надо же, какой кроткий... Что-то Себастьяну подсказывало: будь на месте леди Рангрид кто другой, с ним бы так не церемонились.

– Разве у меня есть выбор? Заходите уж, раз явились.

Девица, вплывшая в столовую, оказалась тонкой изящной шатенкой с замысловатой прической. Как по мнению Себастьяна, даже чересчур замысловатой – ему больше по душе гладкие иссиня-черные волосы Мэйр, распущенные по плечам. И вообще вся Мэйр целиком, с ее простенькими костюмами и демонстративной нелюбовью к побрякушкам и прочей мишуре. Подобную же напыщенность он посчитал бессмысленным китчем.

Но красивая, не отнять. Хотя выражение лица, будто ей чем-то воняет, симпатии не вызвало. Взгляд прозрачно-голубых глаз, внимательный и цепкий, пробирал до костей. Себастьян далеко не из пугливых, трудно быть таковым, когда ты сам – ходячий кошмар, но от такого повышенного внимания к своей персоне не передернуло только чудом. Викторию тоже, но, будучи высокородной дамой, она умела держать лицо.

– Так вот кого от меня прятали столько времени, – чуть ли не пропела она, протягивая изящную ручку. – Виктория.

Себастьян все же поднялся пожать протянутую руку. В воздухе тут же густо разлилось негодование Мэйр и недовольство леди Рангрид.

– Лорд Лейернхарт. Но можете звать меня Себастьян.

– Красивое имя! – совершенно фальшиво улыбнулась Виктория, на «лорда» если и среагировав, то вида не подав. – Но, быть может,

стоит чуточку сократить его? Для друзей. Например, Бастиан?...

– Так называет меня только Мэйр. – Он вернул ей неискреннюю улыбку и мимолетно оглянулся на свою фею. – Когда мы в постели.

– Лишняя информация, – проворчала Мэйр, выразительно уставившись в потолок. Судя по безразличному взгляду, который на нее бросила леди Дорих, она была с ней солидарна.

– Можно подумать, эта лишняя информация тут кого-то удивила, – в тон ей откликнулся канцлер, уже по-хозяйски рассевшийся за столом и взирающий на представление то ли с опаской, то ли с любопытством.

Что ж, стоит признать, по сравнению с этой Викторией даже трижды долбаный лорд-канцлер казался приятным человеком.

– Предлагаю приступить уже к еде, – выдал Уилл, когда пауза стала уж совсем неудобной.

– Отличная идея!

– Поддерживаю, – в один голос отозвались Мэйр и Рангрид.

Перед незваными гостями появились необходимые приборы; в бокал Себастьяна полилось вино, от которого он, вопреки привычке, не стал отказываться. Переживать на трезвую голову пристальный взгляд Виктории он был не намерен.

Главный герой вечера – поросенок с яблоком во рту – дождался наконец своего часа и теперь активно употреблялся в пищу. Завидная участь: приготовлен, съеден. Люди в разы бесполезнее. От вина в голове Себастьяна поселилась приятная легкость, которую хотелось сохранить подольше. Хотелось держать Мэйр за руку и забыть о Виктории, ее братце и взглядов в свою сторону...

...да как бы не так. Быть не в центре внимания эта дамочка явно не любит.

– Так значит, – томно протянула она, – вы двое теперь вместе? Интересный выбор. Мэйразн, насколько я знаю, ты физически зависима от какого-то там дуба? Так себе перспектива.

– Его имя – Неметон, – прежде чем Мэйр открыла рот, отозвался Себастьян. Снисходительный тон в адрес их дерева ему совершенно не понравился.

– Да какая разница? Главное, что лорд Лейернхарт не может просидеть в лесу всю жизнь.

– Почему не могу? Я люблю лес, Мэйр и наше кровожадное дерево. А еще я десять лет проторчал в лесу и имею право на

некоторые... причуды.

– Возможно, ты бы имел это право, Себастьян, – протянула Виктория, – будь ты кем-то вроде ублюдочной Блэр, в которой от леди одно название. Но будет очень нехорошо, если твои выходки повредят репутации моей семьи.

Себастьян нахмурился. Ему не нравился подобный тон, он не любил претензий в свою сторону, а повисшая в воздухе атмосфера откровенной неприязни щекотала нервы. Он сжал руку в кулак, не давая магии вырваться наружу. Чужих мыслей слышно не было, но злость была столь явной, что хотелось ответить тем же.

– А я и есть ублюдок, Виктория, – отозвался он, как мог спокойно. – И насколько я знаю, вы Дорих, а не Лейернхарт. Так кому и чем повредит то, что я живу подальше от вашего столичного гадючника?

– Моей дочери, которая является законной наследницей Лейернхартов. К чему ей в родственниках отшельник, спутавшийся с подменным фейри? Впрочем, – она небрежно повела рукой с таким видом, будто объясняла несмышленым детям прописные истины, – ты всегда можешь отказаться от бесполезного для тебя титула в ее пользу. И можешь жить где угодно и с кем угодно.

– Виктория! – послышался голос леди Рангрид, грозный, все еще не вяжущийся с ее внешностью.

Еще бы это хоть сколько-нибудь подействовало – Виктория продолжала смотреть на Себастьяна, ожидая ответа.

– Не вижу связи.

– Не удивлена. Я желаю для Анэйтис самого лучшего. Будь у тебя сестра, ты бы наверняка хотел для нее того же.

– Виктория! – на этот раз прикрикнул уже Уилл.

Себастьяна будто по лицу ударили. Стало тяжелее дышать, словно неведомое заклинание удалило из комнаты весь воздух. Он ни на день не забывал о Сэре, воспоминания о ней никогда не были легкими, но когда об этом говорили другие, даже Мэйр...

Он поднялся с места, продолжая сжимать руку в кулак. Бесполезный жест, но боль от ногтей, впившихся в ладонь, немного отрезвляла.

– У меня была сестра, – прошипел Себастьян, думая только о том, как бы не наделать глупостей. Лицо Сэры всплыло перед глазами само

собой, заставляя вспомнить о той боли, что уже должна была остаться далеко в прошлом. – И если бы мог, я бы отдал за нее свою жизнь.

– Себастьян! – Мэйр поймала его за рукав, потянула на себя. От нее повеяло волной успокаивающей магии, вопреки обыкновению ничуть не помогающей.

– Простите. – Он дернул рукой, освобождаясь. Хотелось покинуть это место как можно скорее. – Мне нужно подышать.

Прежде чем кто-то успел остановить его, Себастьян стремительным шагом вышел из столовой и из дома, постаравшись не хлопнуть дверью – деревяшка ни в чем не виновата. Свежий воздух обжег легкие, стационарный портал у ворот привлекал, звал шагнуть в него и спрятаться в тишине их с Мэйр леса. Правда, его фея вряд ли одобрит подобную самодеятельность. Забавно – его обуревают злость, ярость, тоска и боль, а он все еще думает о Мэйр. Даже его монстр – его точная копия, будто бы окутанная черным туманом, – думает о ней и кивает на дверь. Правда, он мог звать его еще и для того, чтобы обратить в прах Викторию, канцлера, чету Фалько... Он вообще всегда многого хотел.

– Себастьян, – за спиной послышался голос Уилла, обеспокоенный и участливый.

Оборачиваться не хотелось, но Себастьян сделал над собой усилие и криво улыбнулся уголком рта.

– Извините, что испортил вам обед.

– Ты ни в чем не виноват, – покачал головой Фалько. – Это все Виктория с ее жадой денег.

– Ее можно понять. – Себастьян прислонился к дереву и устался на собственные ноги, утонувшие в осенней листве. – Ради Сэры я бы отдал все, что у меня есть. Всю магию, всю свою кровь до последней капли. Лишь бы она была жива. Ей сейчас исполнилось бы восемнадцать, Уилл. Всего восемнадцать, самое начало жизни, а я...

Уилл шагнул к нему, тяжелая рука легла на плечо, несильно сжав.

– Ты не виноват, Себастьян. У тебя была тяжелая жизнь, и не ты ее такой сделал. Родерик – вот кого стоит винить в смерти Сэры. В том, что ты потерял десять лет и только чудом сохранил рассудок. Он виноват, не ты.

Себастьян покачал головой. Но чужой руки стряхивать не стал – наоборот, ему совершенно по-детски хотелось прижаться к Вилмару,

оказаться под его защитой хотя бы на несколько минут. То, что ворочалось в его мыслях, лишало всякой воли и сил.

Но именно это произнести нужно было уже давно – ведь монстр, призрачный, уже не ухмыляющийся, был категорически против.

– Это я убил ее. Ее и эту мразь, которая мучала меня год. Которая продала меня за пятьсот золотых, словно вещь. Я так хотел увидеть мозги Родерика и его дружков на полу, что не мог думать больше ни о чем. Представлял в тот момент, как они все умирают в страданиях, и никогда не был так счастлив, – зло проговорил Себастьян. Ощущения, которые были у него тогда, словно вернулись. – Я убил их, Уилл. Убил свою сестру. Но если бы можно было повернуть время вспять, а ценой спасения Сэры была бы жизнь Родерика, я поступил бы так снова.

– Себастьян...

– Я монстр, Уилл. – Он поднял голову, чтобы смотреть уже прямо перед собой. – И кажется, меня это устраивает.

Собственной тени перед глазами больше не было.

Глава 13

Игнорировать настойчиво греющуюся под щекой подушку становилось все сложнее. Повозившись на смятой простыне, с трудом выбравшись из-под руки Себастьяна, Мэйр все же нащупала амулет связи и с тяжким вздохом считала сообщение.

И сообщение ей не понравилось. Да не просто не понравилось, а заставило усомниться, не спит ли она до сих пор. Озабоченно хмурясь, Мэйр зачем-то зажгла над головой тусклый огонек ночника и прослушала запись повторно.

«Подменыш, проснись и пой. Светлому Кругу надо приложить подорожник».

Тут возник закономерный вопрос... Нет, даже два. Почему лорд-менталист вдруг заделался мальчиком на побегушках у Светлого Круга – и отчего крайней оказалась Мэйр? Даже если забыть, что в столице имеется другая темная аномалия – Анаис Флевретти, – у светлых архимагов наверняка есть свои целители на все случаи жизни.

Что ж, видимо, на этот случай никого не нашлось. Еще с минуту уныло поглядев в потолок, Мэйр запросила у Фалько координаты на перемещение и села на постели.

Оглянувшись на спящего Себастьяна и искренне пожалела, что когда-то вообще дала свои ментальные параметры всей этой столичной братии. Потому как именно сейчас уходить от своего личного белобрысого несчастья категорически не хотелось.

Прошло всего несколько дней с визита в дом Фалько, и с тех пор Себастьян стал... другим. Озадаченный, напуганный и отстраненный сильнее прежнего, он исчез в лесу вместе со своим луком почти на сутки, заставив Мэйр изрядно понервничать. А когда вернулся, притащил на плечах оленя. И на первую же попытку расспросить, какой Бездны, собственно, творится, посмотрел так, что впору было бежать из своего же дома без оглядки. Такой Себастьян откровенно пугал. И, что уж там, возбуждал до дрожи в коленях, стоило ему только приблизиться.

К счастью, вооруженное перемирие со второй стороной его личности установилось довольно быстро, вернув Мэйр ее Себастьяна.

Наглого, бессовестного и с таким самомнением, что покойному Гейбриелу впору волчком крутиться в чертогах Хладной. А еще ласкового, горячего и крепко прижимающего к себе холодными ночами.

– Что, опять? – слышался чуть сиплый голос Себастьяна, который, очевидно, почувствовал, что она отстранилась. У нормального человека, разбуженного посреди ночи, вид был бы помятый и сонный; однако ж ее несчастье выглядело так, будто собралось кого-то убить и съесть. – Ты одна, что ли, работаешь в вашей богадельне? Давай соврем, что я взял тебя в плен и не пускаю.

А, ясно – он решил, что это очередной вызов от дежурного целителя.

– Всего лишь соврем? – делано изумилась Мэйр. – Что-то ты нынче мелко плаваешь, чудище лесное.

– Ха! Я просто еще не проснулся.

Себастьян вроде как расслабился и даже улыбнулся краем рта. Однако в воздухе отчетливо веяло настороженностью и недовольством. Как же, всякие недужные засранцы посмели покушаться на внимание его феи.

Это немного раздражало. И Мэйр могла бы в самых красочных выражениях поведать, что кто-то здесь изволил вконец охренеть. Но не стала. Все-таки она понимала причины такого поведения и чувствовала за собой вину.

И недели не прошло с того знаменательного дня, как она ушла на работу и вернулась только двадцать семь часов спустя. Ну как вернулась... до портала вроде дошла, а дальше ее тельце в отключке волок на своих могучих плечах сам командер Ларссон, в доме которого Мэйр и провела большую часть дежурства. Жена командера, тяжело переносившая беременность, едва не потеряла ребенка. В будущем Мэйр собиралась вызвать преждевременные роды, но сейчас было слишком рано. Так что пришлось угрохать всю ночь и резерв на то, чтобы Арделия и нерожденный младенец дружно не отправились к Хладной.

Само собой, про Себастьяна Мэйр тогда не забыла. Вот только за все это время они с Фалько не додумались одарить его даже самым заваяющим ментальным амулетом. Сначала это было попросту вредно и опасно, а затем стало как-то не до того. Пришлось искать окольные

пути для связи... и выбирать тут оказалось не из чего. Себастьян, без того взвинченный от пропажи особо ценной фейки, полночи провел в компании Френсиса. Тот, естественно, не мог просто сказать, где потерялась ушастая пропажа, и выместить себе подобру-поздорову. Что удивительно, в ходе этого трогательного общения ни один из двух белобрых поганцев не пострадал.

– Лучше засыпай обратно. И не дуйся, – в итоге миролюбиво пробормотала Мэйр, склонившись над своим поганцем и прижавшись губами к прохладному лбу. Себастьян тут же шустро зарылся рукой в ее волосы, не давая отстраниться, и явно вознамерился получить нормальный поцелуй...

...но получил только подушкой по голове. Мэйр была научена горьким опытом. Сначала тебя якобы просто хотят поцеловать на прощание, а потом ты вдруг лежишь, пытаешься отдышаться и уже опаздываешь на добрых сорок минут.

Ну поганец же! Наглый, приставучий и ужасно хитрый!

И такой *свой*, что порой даже страшно делалось.

– Себастьян Лейернхарт, даже не думай! – Она выпрямилась и возмущенно скрестила руки на груди. – Нет и еще раз нет! Это не сработает!

– Хм? Ты хотела сказать: не сработает *снова*? – Себастьян, приподнявшись на локте, препротивно ухмыльнулся. – Моя фея, но я же не смогу спать, если не проверю.

– Выпей зельица, там на верхней полочке еще осталось, – флегматично посоветовала Мэйр, снимая с вешалки чистую рубашку. Разумеется, привычно черную: на черном кровь не так заметна. Ну а что? Неизвестно еще, каких размеров дорожник придется прикладывать к светлым занудам.

– Совесть у тебя есть, а?

– А как же! Это на тебя у богинь ее явно не хватило.

– Ой, все, иди уже, – буркнул Себастьян, прижимая к груди огревшую его подушку и до Бездны оскорбленно глядя на свою вероломную фею. Та, впрочем, только глаза закатила.

– Не-а, это тоже не сработает.

– Но я должен был попытаться!

Мэйр громко фыркнула и покачала головой.

– Бастиан, несчастье мое, ты несносен.

Смиловитившись, она все же поцеловала его на прощание и пригладила взлохмаченные светлые волосы. Себастьян выдал еще одну ухмылочку, но руки распускал в пределах разумного. Несмотря на зашкаливающую самоуверенность и подчас невыносимую наглость, он все же прекрасно чувствовал границы, переходить которые не следовало.

– Не знаю, что там у них случилось, но постараюсь закончить поскорее. Если задержусь – предупрежу.

Себастьян кивнул и задумчиво потрогал новенький амулет, который носил почти не снимая. Кучи надоедливых приятелей, бессовестно названивающих аж в девять утра, у него пока не было, вот привычка снимать побрякушку на ночь и не выработалась.

– Только вернись уж как-нибудь на своих двоих, – съязвил он.

– Вернусь.

Стопроцентной уверенности, впрочем, у нее не было. Кто его знает, этот Светлый Круг!

Портал выбросил Мэйр на краю порядком увядшего, но все равно симпатичного садика в южном стиле; посреди него высился небольшой особняк вполне себе имперского типа. Мэйр склонила голову набок, с любопытством разглядывая красно-коричневый, похожий на башню трехэтажный дом с высокими стенами и просторной террасой – явно новая постройка, алхимики наладили производство силикатного кирпича каких-то десять лет назад. Определенно, она бы запомнила, если бы довелось побывать тут прежде.

– Любуешься, подменыш? – послышался сбоку желчный голос Фалько. Тот как-то умудрился неслышно подкрасться к ней и теперь тоже глядел на дом неизвестного Мэйр мага. – Гляди-ка, Эдвард отстроил башенку. Не иначе как дают о себе знать его плохо скрытые склонности.

– У меня сейчас такое чувство, что я пришла на середине разговора. Что еще за Эдвард?

– Гриффит.

– Ах, *этот* Эдвард...

Эдвард Гриффит в столице был известен прежде всего своей показной толерантностью ко всему на свете (а также тем, что женщины бегут от него, как от чумы... ну, если верить кулуарным

сплетням). Он возглавлял Светлый Круг последние пару лет, с тех пор как на покой ушла архимаг Лавиолетт – весьма милая дама в почтенных летах; Мэйр навещала ее пару раз в месяц и помогала поддерживать пошатнувшееся здоровье. Насколько она знала, Морелла Рагнар от места Первой-в-круге спешно отказалась, и выбор закономерно пал на третьего по силе. Неплохой карьерный рост для сравнительно молодого архимага: вроде бы Гриффиту было лет семьдесят с небольшим, ровесник леди Рангрид и дорогуши Грегора...

Мэйр нахмурилась и искоса поглядела на Уилла, обуреваемая нехорошими предчувствиями.

– Я ведь не самому Гриффиту понадобилась, правда, Уилл?

Фалько виновато пожал плечами, как если бы не мог ответить ни «да», ни «нет».

– У него опять Нэльтан с цепи сорвался.

Мэйр хотелось бы удивиться. Однако она лишь протяжно выдохнула и ничего не сказала.

– По мне, так нечего тебе рядом с ним делать, – продолжил Уилл на удивление мрачным тоном. – Но Анаис наотрез отказывается иметь с ним дело – ты же знаешь, какие они с Блэр друзья. А Киара люто ненавидит Нэльтана. Поэтому...

– Все в порядке, Уилл. Это моя работа.

Мэйр старалась не показывать, какой дискомфорт ей доставляет сама мысль о том, чтобы остаться наедине с Грегором Нэльтаном. Неправильно это – отказывать в помощи из-за личной неприязни, как поступила Анаис.

– Пострадавшие? – деловито уточнила она. Фалько кивнул и зашагал в сторону террасы, жестом велел следовать за собой.

– Двое. Ожоги второй и третьей степеней.

Мэйр, поперхнувшись, сбилась с шага.

– Так чего мы треплемся-то?!

Она едва не рванула вперед, однако ее придержали за локоть.

– Обожди, подменши. Им не больно, я заглушки поставил и сон нагнал. Разберись сначала с Грегором.

Пришлось согласиться. Пострадавшие, получив обезболивание от самого лорда-менталиста, впрямь могут подождать; лучше уж позаботиться, чтобы чокнутый ублюдок Нэльтан еще кого-нибудь не превратил в подобие хорошо прожаренного стейка.

Уже с крыльца можно было расслышать спор на повышенных тонах. К своему изумлению, Мэйр узнала среди спорщиков лорда-канцлера. А канцлер, орущий на кого-то – просто нечто из ряда вон.

Порядком заинтригованная, Мэйр толкнула дверь и, миновав просторный холл, замерла на пороге ярко освещенной, элегантной гостиной в жемчужных тонах. Кто бы знал почему, но Мэйр от Гриффита ожидала чего-то менее... женственного. В креслах, мягких даже на вид, восседали двое архимагов – светлый менталист, имени которого она не помнила, и леди Линна Кинтеро. Черноволосая некромантка в струящемся темном платье выглядела жутко неуместно посреди всего этого пастельного убранства. Завидев Мэйр, она любезно кивнула и устремила выразительный насмешливый взгляд на Эдварда Гриффита – именно он ругался с лордом-канцлером.

– Да ради всех богов! – Гриффит нервно переминался с ноги на ногу, вперив в канцлера свирепый взор. – Почему я вынужден объяснять, что тебе должно действовать на благо Империи?!

– Я и хочу действовать на благо Империи, – необычайно холодно и зло отвечал Дорих, обычно считавший проявление эмоций чем-то донельзя вульгарным. – Империи не нужно, чтобы по ее улицам расхаживал неуравновешенный садист, по огневой мощи способный заткнуть за пояс половину лордов Инферно! И кто ты, в Бездну, такой, чтобы что-то мне объяснять? Я канцлер Империи, выше меня стоит лишь правящая чета.

«...и даже они преданно заглядывают мне в рот; а ты всего лишь чванливый хрен в белой рясе», – закончила Мэйр про себя, вызвав кривые ухмылки на лицах светлого менталиста и подоспевшего Фалько.

– Так дело было не на улицах, – почти шутливо заметил Гриффит, немедленно сбавив тон. Внутри Мэйр медленно, но верно крепла антипатия к этому лощеному и такому приятному на вид магу. – Ладно тебе, Арлен! Подумаешь, парочка феек попала под горячую руку. Они живы и почти здоровы... а даже будь иначе, так и что? Это всего лишь шлюхи.

– Это подданные Империи. И не важно, шлюхи они или знатные вельможи. Никто не будет жечь заживо наших подданных, покуда я над этим властен, – отчеканил Дорих металлическим тоном, какого Мэйр прежде у него не слышала. – Никто. Грегор умрет.

– Господа! Мне казалось, я пришла лечить Грегора, а не умерщвлять. С этим к душечке Киаре, пожалуйста, – заявила она, решив, что пора вмешаться. – Если вы закончили лаяться, мне кто-нибудь объяснит толком, что опять натворил этот несдержанный кретин?

Гриффит немедля уставился на нее эдакими преданными щенячьими глазами.

– Темной ночи, Мэйраэн! – начал он почти радостно. – Ничего такого, с чем вы не имели дела прежде. Должно быть, мы слишком нагрузили Грегора работой в последнее время... Уж вы-то знаете, как хрупка его душевная организация...

– Да похрен мне на его душевную организацию, когда он двух человек чуть не ухлопал! Покороче можно?

Архимаг чуть нахмурился, словно собираясь с мыслями. Но тут подала голос леди Линна:

– Он чуть не разгромил «Розы и шипы». Повезло, что я была там же: это, знаешь ли, мой любимый бордель. Я уgomонила Нэльтана и сразу доложила о происшествии Первым-в-круге. Обоим, да. Обошлись малой кровью, но те двое, что обслуживали его, сильно пострадали... Я знаю, что Лотта и Лотэр – любимчики Грегора; вообще-то очень странно, что он так с ними поступил, – она передернула плечами, белеющими над глубоким вырезом платья. – С другой стороны, чему удивляться? По этому полоумному ханже давно уж погребальный костер плачет.

Несмотря на свои гуманные убеждения, Мэйр склонна была согласиться. Ни с того ни с сего наброситься на слабых, беспомощных, ни в чем не повинных людей! Конечно, в Империи все знают, что публичные дома «Роз и шипов» обслуживают клиентуру со специфическими вкусами, но отлупить кого-то ремнем по взаимному согласию – это совсем не то же самое, что взять и поджечь заживо.

– Он не по злему умыслу! – Гриффит, естественно, бросился на защиту своего дружка. – Это уже установлено, Грегор просто...

– ...просто начал поджигать все вокруг, – прохладным тоном перебил его до сих пор молчавший Фалько. – Этой гребаной огневухе никакой пожар не страшен, а бедняги чудом дожили до твоего прибытия. Кстати, Эдвард, а где это ты шлялся? Почему не составил драгоценному другу компанию?

– Боги, Уилл, ну сколько можно... – раздраженно пробормотал канцлер себе под нос.

Эдвард неприязненно глянул на лорда-менталиста, прежде чем ответить:

– Не знаю, как тебе, Вилмар, а мне ни к чему посещать бордели: я, знаешь ли, женат.

– Что, опять? Тебе еще не надоело разводиться?...

– Да вашу ж мать, мальчики, снимите комнату! – рявкнула Мэйр, совсем не настроенная слушать чужую грызню, пока где-то в доме обретается неадекватный Грегор Нэльтан и две его жертвы в тяжелом состоянии. Оба архимага едва не подпрыгнули на месте; Уиллу даже хватило совести соорудить виноватую физиономию. – Все, в Бездну, я услышала даже больше, чем хотела. Отведите меня к Нэльтану.

Грегора заперли в одной из небольших комнат на первом этаже. Гриффит, к его чести, додумался заковать эту комнатку на огнеупорность. Не то чтобы Мэйр всерьез боялась вспыхнуть синим пламенем, ну да здесь никакая осторожность лишней не будет.

Она чуть слышно выдохнула и, переступив порог комнаты, закрыла за собой дверь. Нэльтан вскинулся на шум и, разглядев гостью, отшатнулся в испуге. Уголки его красиво очерченного рта нервно задергались, покрасневшие глаза смотрели виновато и даже как-то страдальчески.

– Помогите мне, – просипел он, заламывая руки. – Мэйразн... я не понимаю, что происходит; не понимаю, зачем сделал это... Пожалуйста, помогите мне, Мэйразн!

Мэйр медленно пошла к нему; жалость в ней изо всех сил боролась с невыразимой гадливостью.

Она не хотела помогать этому ублюдку.

Но должна была. Вот в чем беда.

Она должна. Не канцлеру, не Первому-в-круге – себе самой.

– Темной ночи, Грегор, – проговорила она как могла дружелюбно. – Я сделаю все от меня зависящее, чтобы помочь вам. Уверена, вы не желали никому зла...

Ну, может, и не так уж уверена. Однако испытываемые Нэльтаном эмоции – стыд, испуг, жгучая ненависть к самому себе – были неподдельны.

– Просто вы...

– Я болен, – угрюмо перебил Нэльтан, шмыгнув носом. – Разве я могу теперь это отрицать? – Он впился в Мэйр испытующим взглядом и прибавил на удивление проникательно: – Разве вы хотите помогать мне? После того, что вы увидели... что я сделал...

– Я пока еще не видела, – бесстрастно откликнулась Мэйр. – Лорд Вилмар сказал, что лучше сначала заняться вами, Грегор.

После этих слов тот немного посветлел лицом.

– В таком случае у него все же есть сердце. Не хочу, чтобы вы это видели... Что вы обо мне тогда подумаете? Я сам себе противен после того, что сделал. – Грегор, казалось, готов был утопиться в собственной вине. По нездорово бледному лицу потекли слезы; было странно и жутко видеть напыщенного архимага таким жалким, почти сломленным. – Лотта и Лотэр очень милые создания, и они мне нравились. Поверьте, Мэйразн, я не хотел причинить им вреда...

Тут Грегор, конечно, слукавил: вред им причинить он хотел, да и наверняка причинял не раз – тот вред, что прописан в их трудовом договоре. И все же Мэйр была склонна поверить, что Нэльтан вовсе не хотел превращать своих шлюх в пару хрустящих котлеток.

– Я знаю, – продолжил Грегор, утершись рукавом, – знаю, что у вас сложилось превратное мнение обо мне и моих... предпочтениях. Но я не делал им ничего плохого. И вам бы не сделал, Мэйразн, если бы вы только...

«С ума сойти! – возмутилась Мэйр про себя. – Он опять за свое, даже в такой момент!»

– Грегор, я ваш целитель. Я буду вам другом, если захотите. Однако ваше внимание мне не по вкусу. Кроме того, я теперь не свободна...

Вот этого точно не стоило говорить. Или стоило? По крайней мере, Грегор сделался куда больше похож на самого себя: лицо его отвердело, в темных глазах засветились презрение и гнев.

– Я знал, что эта тварь запустит в тебя когти, – негромко процедил он, вдруг оставив излюбленный формальный тон. – Не думал, что так скоро. И все же знал. Как он на тебя смотрел тогда! Как на то, что уже принадлежит ему... этот маленький злобный мерзавец... Ох, Мэйразн, – Нэльтан сокрушенно покачал непривычно лохматой головой, – ты еще так молода и наивна... Неудивительно, что этот монстр столь легко смог задурить тебе голову.

– «Этот монстр» с последней вашей встречи убивал лишь дичь в лесу, – отчеканила Мэйр голосом, полным холодной ярости. – И больше он никого не угробил, никого не покалечил, даже больно никому не сделал. А вы, Грегор?

Это сработало: разъярившийся было архимаг тут же сдулся в прежнее свое жалкое подобие и бессильно плюхнулся обратно в стоящее возле окна кресло. Тоже, надо надеяться, огнеупорное.

– Вы правы, Мэйраэн, – чуть надтреснутым голосом прошептал он. – Ох, Богиня Пресветлая... Как же вы правы.

Он понуро опустил голову и добавил чуть громче:

– Я полностью в ваших руках. Делайте, что хотите.

Приведя в относительный порядок Грегора, едва сознающего, где он и что происходит, Мэйр сочла за благо усыпить его и заняться уже наконец теми несчастными, которых он изувечил.

Даже будучи целителем, она оказалась не вполне готова к тому зрелищу, что ожидало ее в кукольного вида спальне на втором этаже.

Казалось, на беднягах не осталось живого места, так бешеный огонь обезобразил их нежную лилейную кожу – теперь почти вся она стала багровая, покрытая темными струпьями и жуткими пузырями... Хорошо хоть лица пострадали меньше всего: Мэйр вполне по силам оказалось вернуть им красоту за один раз. Чего, увы, не скажешь о телах – там требовалось не менее пяти сеансов, притом с целителем иного профиля. Мэйр даже помогла двойняшкам с отращиванием волос, ресниц и бровей, чтобы было не так тошно глядеться в зеркало. Хотя они сейчас определенно были не в состоянии оценить такую сердобольность. Хрупкий востроносый паренек с нежно-сиреневыми глазами вообще не реагировал на внешние раздражители, глядя в одну точку; его хмурая зеленоглазая сестрица была поживее, но тоже не рвалась общаться. Только спросила, что с ними теперь будет, и сдержанно поблагодарила, услышав, что ничего плохого.

По крайней мере, хотелось верить, что у несчастных жертв озверевшего архимага все будет хорошо.

Наконец, худо-бедно исцелившись, двойняшки забрались в огромную двуспальную постель и, тесно прижавшись друг к другу, позволили себя усыпить. Мэйр с минуту тупо пялилась на них, затем с облегчением выдохнула и, щелчком пальцев отправив тяжелую аптечку обратно домой, вышла в холл.

Она даже успела разыскать уборную, прежде чем ее вывернуло всем съеденным накануне.

Это чудовищно. Все это. Грегор, сотворивший такое с незащитными фейскими полукровками, чудовищен. И эти чванливые архимаги, что его изо всех сил покрывают. И...

«И я тоже, раз не убила его вместо того, чтобы лечить», – подвела итог Мэйр, вытирая рукавом влажные глаза и сумрачно глядясь в зеркало.

Все фейри похожи между собой. Тоненькие, стервозные, глазастые и сплошь долбанутой расцветки. И, наверное, глупо было искать у двойняшек свои черты... ну да подсознание вообще странная штука. И волосы-то у них такие же черные, с лазурными переливами, и абрис губ вроде похож, а глаза у девушки точь-в-точь такие же зеленые...

Мэйр сердито тряхнула головой и, наспех умывшись, вышла из уборной. Чтобы тут же попасть в загребущие ручищи Фалько. Буквально – тот ухватил ее за плечи и, поглядев в лицо, недобро нахмурился.

– Теперь-то я поняла, почему сначала ты отправил меня к Нэльтану, – пробормотала Мэйр, нервно заламывая руки. – Я бы убила его, Уилл, видят боги и богини, убила бы на месте.

– Я знаю, подменыш. Моя воля, вы бы больше никогда не очутились в одной комнате.

– Но я-то тут не по твоей воле! – Мэйр махнула рукой в сторону лестницы, показывая, что – точнее, кого, – имеет в виду. – Знаешь, иногда мне так хочется стать обычным мажонком, средненьким и ничего из себя не представляющим... чтобы меня все оставили в покое...

– Я знаю, подменыш, – повторил Уилл и на короткое мгновение прижал ее к себе, обнимая, прежде чем отпустить и отойти на шаг. – Мне тоже хочется, а толку?

Мэйр вздохнула и зябко обхватила себя руками.

– Что с ними будет?

– Переночуют здесь, а потом отправим в лечебницу, – разумеется, лорду-менталисту не требовались уточнения, о ком идет речь. – Долечим, отсыпем золота и позаботимся, чтобы не болтали лишнего.

– А Грегор?

Теперь настал его черед вздыхать.

– Грегор поживет в Синтаре, чтобы ты каждый день да через день не моталась к нему по междугородке. Само собой, подменыш, к «поживет» прилагается приличная охрана и миленький огнеупорный домишко подальше от тебя.

Если бы кто спросил Мэйр, то ей все это здорово не нравилось. Однако она не могла не признать, что это самый разумный выход из ситуации.

– Странно все это, – выдала она неожиданно для самой себя. – Грегор, конечно, тот еще подарочек, но чтобы такое... зверство?

Уилл смерил ее задумчиво-оценивающим взглядом, прежде чем кивнуть.

– У Грегора даже сейчас крутится в рабочей памяти мыслишка, что на него кто-то повлиял. Он ее от себя гонит – мол, нечего искать себе оправданий, – но я, как и ты, заметил странность происходящего.

Слова Фалько принесли ей некоторое облегчение. Пусть Мэйр и не любила Нэльтана, но убивать его все равно не хотела.

– Кому бы это понадобилось – сводить его с ума?

– Ох, Мэйр, да если бы я знал... Грегора много кто мечтает отправить в Хладный чертог, сама понимаешь.

Она понимала. И все же не могла отделаться от ощущения, что Уилл лукавит. Ну да ладно, это их с лордом-гребаным-канцлером забота. А у Мэйр иные заботы...

– Подменыш, Себастьяну о выходках Грегора знать ни к чему – это, я надеюсь, ты тоже понимаешь.

Да, вот эти самые заботы. Мэйр с силой растерла ноющие виски и спросила, не скрывая раздражения:

– Ты предлагаешь мне врать ему?

Уилл не впечатлился ни ее вопросом, ни укоризненным взглядом.

– А как на художества Грегора отреагировала ты сама? Теперь представь, как отреагирует нестабильный пацан, влюбленный в тебя по уши. Вижу, прониклась! И потом – ну почему сразу врать? – картинно изумился он. – Разумно умалчивать.

– Разумно умалчивать, – мрачным эхом откликнулась Мэйр. – Да, Уилл, плохо ты еще знаешь своего племянничка. Этот что угодно и у кого угодно выпытает!

Но поспорить тут сложно – художества Грегора следует надежно упрятать в недрах подсознания и Себастьяну не показывать. Ради его же собственного блага. Парень только-только пришел в норму – и Мэйр не собиралась быть той, кто разрушит его едва обретенное равновесие.

По крайней мере, ей этого до Бездны не хотелось.

Глава 14

Прелые листья, плотным ковром укрывшие землю, смягчали шорох шагов. Обманчивое впечатление – нипочем не угадаешь, когда под ноги попадет сбита ветром ветка, хрустнет под ногами, спугнув лесную живность. Себастьян немного привык к лесу, излазил окрестности если не вдоль и поперек, то достаточно, чтобы не блуждать по хитросплетению тропок, не топить ноги в неведомую откуда взявшееся болотце и не бродить там, где тебя могут сожрать обитатели зачарованного леса. Жуткого, опасного, но такого притягательного, что хотелось остаться здесь навсегда. Не самое лучшее решение для перспективного мага и наследного лорда с труднопроизносимой фамилией. Но кажется таким правильным – даже несмотря на то, что навязчивая идея спрятаться как можно дальше покинула его разум.

Это было невероятно трудно – признать, что в его голове нет никого, кроме него самого. Ни монстров, ни внутреннего голоса. Только потерявшийся когда-то мальчик, решивший, что так будет проще пережить содеянное им же. И впрямь было проще, не так больно, как могло бы быть. Сейчас то решение – отделить темную сторону, магию, от собственной личности – казалось абсурдом и самым глупым из всех возможных. Если бы он знал тогда, что стоило немного подождать, и помощь обязательно пришла бы...

Себастьян мотнул головой. Не хватало еще снова накручивать себя; тем более что он твердо решил – никогда и ни о чем больше не жалеть. Взвешивать свои поступки, выискивать ошибки, чтобы не повторять их снова. Но не жалеть.

Не жалел его и Уилл, гоня по защите и основам ментальной магии так, что к вечеру впору было смиренно складывать ручки на груди и готовиться к отходу в чертоги Хладной. Не жалела его и магия, все еще бешеная, рвущаяся наружу, стоило только ослабить контроль. Себастьян не ослаблял. Старательно возводил в своей голове защиту, уже не обращая внимания на ворчание дядюшки по поводу непатентованных заклинаний. Ну и пусть ворчит. Главное, что теперь его крепость не грозила рухнуть от малейшего порыва ветра.

Да, было сложно. Настолько, что он тратился в ноль и приходил в себя только через несколько часов, но даже это не портило ощущения легкой эйфории. Он не безнадежен. Не потенциальный клиент некромантской братии. Не псих, которого стоит запереть в надежной камере и не выпускать до скончания веков. И на руках его красуются не наручники, подавляющие магию, сводящие с ума, а защитные татуировки, испещрившие его руки от запястий до самых плеч. Один из рисунков тянулся до шеи и так нравился Мэйр, что та не упускала возможности коснуться его, впиться острыми зубами. Кожу потом долго саднило, и поверх рисунка застывал внушительных размеров синяк...

Стоило только вспомнить об этом, как внутри поднимался жар, мигом вспоминался лихорадочный блеск зеленых глаз... И то, что вот уже неделю его фея если не врет ему прямо в глаза, то, как минимум, что-то недоговаривает. Задерживается на своей работе, отлучается из дому каждый день, будто кроме нее больше некому работать. Нет, как всякий влюбленный по уши, Себастьян считал свою девушку исключительной, но всему же есть предел! На все расспросы Мэйр отмалчивалась или отговаривалась общими фразами. Себастьян даже подумывал влезть в ее голову, узнать, что прячется за хрупкой защитой, но в итоге отмел эту идею – вот еще не хватало, подозревать свою фею не пойми в чем. Недоверие и ревность – те еще советчики в отношениях, они разрушают все чувства быстрее, чем взбесившиеся маги – богами забытые городки.

Отмахнувшись от неприятных и слишком уж назойливых в последнее время мыслей, Себастьян вскинул лук, натянул тетиву – она привычно легла в пальцы, поддавалась со знакомым звоном. К подарку Мэйр он уже давно привык и даже научился не забывать о перчатках, чтобы всякий раз не сбивать пальцы в кровь.

Он выпустил стрелу в показавшуюся среди деревьев толстозадую куропатку. И промахнулся: именно в этот момент что-то ощутимо подтолкнуло его в бок, заставив вздрогнуть от неожиданности и сорвать стрелу с направления.

Себастьян мигом обернулся, чтобы столкнуться с взглядом черных глаз пакостника Тен-Тена. Ну конечно, кто еще мнит себя чуть ли не повелителем леса?

– Не мог подождать, да? – проворчал Себастьян. Келпи предсказуемо не ответил, только насмешливо фыркнул и ткнулся острой изящной мордой в поясную сумку, где лежали неплохой кусок мяса и три кусочка сахара. Келпи не ровня крестьянским коням из деревни, но сладкое любят ничуть не меньше.

Предложенное лакомство Тен-Тен слопал охотно и предсказуемо попросил еще, одарив таким взглядом, будто Себастьян задолжал ему три сотни золотых. Пришлось отдавать все, картинно вздыхая и сетуя на жадность водяного коня. Не то чтобы это хоть сколько-нибудь действовало.

– Теперь могу я заняться делом? – поинтересовался Себастьян у келпи, когда тот уничтожил мясо. Ответить Тен-Тен, разумеется, не ответил, но благосклонно кивнул, тряхнув роскошной гривой. И на том спасибо.

Стрела легла на тетиву снова, когда Себастьян прошел чуть дальше в чащу, старательно обходя хрусткие ветки. Среди кустов, неприметная для обычного человека, но не для охотника, снова мелькала куропатка, которую ему так хотелось приготовить к приходу Мэйр. Повар из Себастьяна так себе, но его фее, кажется, нравится. Он выстрелил, на этот раз успешно попав, почти сразу же выпустил вторую стрелу, полетевшую чуть дальше. Неплохо вышло – две жирные птицы едва уместились в опустевший после грабежа Тен-Тена мешок.

– Гости, гости! – слышались певучие голоски хайтер, взявшихся невесть откуда. Поганки, как отнюдь не вежливо величала их Мэйр, всегда возникали будто из воздуха, яркие, волшебные и пугающие. – Стальная принцесса не будет ждать!

– Стальная принцесса? – нахмурился Себастьян, выпрямляясь. Лук за спину убирать не стал – по его опыту, эти самые «гости» редко приходили с добрыми вестями. – О чем вы?

– Лорд кошмаров не будет скучать! – рассмеялись хайтеры на разные голоса.

– Точно не будет!

– И лук свой спрячь!

– Не поможет!..

– Не поможет, не поможет!

– И впрямь поганки, – проворчал Себастьян, покрепче перехватывая лук вопреки советам лесной нечисти. Этим вообще доверять стоит в последнюю очередь.

Путь до дома Себастьян преодолел слишком быстро. Поначалу слышал шаги Тен-Тена за спиной, но потом они стихли – не захотел быть телохранителем при человечешке или просто нашел занятие поинтереснее, чем любоваться всякими там принцессами. А вот Себастьян бы полюбовался, а заодно пустил бы стрелу в монарший зад, чтобы неповадно было без приглашения таскаться на их с Мэйр опушку.

Принцесса, или кем там была эта девица, крутилась около светящейся арки портала, с любопытством поглядывая в его сторону. То ли чувствовала, что Себастьян где-то здесь, то ли просто крутила кучерявой головой. Красивая, ничего не скажешь: тонкая, но высокая и статная, с нежным бледным лицом и пепельно-золотистыми кудрями, крутой волной падающими на плечи и спину. И впрямь на принцессу похожа, нарядец вон какой помпезный. Положительно, белоснежное пальто и светлый брючный костюм уместнее смотрелись бы на приеме у императора, а никак не в лесу.

Вот и нечего ей здесь делать.

– Понятия не имею, что ты здесь забыла, но лучше бы тебе представиться, – проговорил Себастьян, выходя из-за деревьев со вскинутым луком.

Незнакомка хмыкнула, пуще прежнего задрала кверху свой длинный нос и вскинула темную бровь – то ли вопросительно, то ли издевательски. Получить стрелу в задницу она явно не боялась. И немудрено: теперь, приблизившись к «принцессе», Себастьян ощущал жуткую ауру тьмы и смерти, что шлейфом тянулась вокруг.

Некромантка. Притом настолько сильная, что старый добрый мудила Френсис рядом с ней – просто сосунок.

– Это Киара, – послышалось вдруг сбоку. Себастьян дернулся и повернулся на девичий голосок. Увлечшись разглядыванием смертоносной кучерявой моли, он умудрился проморгать второго визитера – девочку-подростка, тоже светловолосую, но, в отличие от своей спутницы, одетую во все черное. – А я Нэйти – твоя, как ни смешно, племянница. Поэтому, *дядюшка*, не будь засранцем и

прекрати выцеливать Блэр. Она все равно неубиваемая, только стрелы зря переведешь.

Дядюшка, значит. Учитывая, что с родней у него не то чтобы густо, девчонкой могла быть только та самая Анэйтис, о чьем благополучии пеклась Виктория Дорих. В отличие от своей премиленькой, что уж там, матушки, девчонка была белобрысая, остролицая, скуластая и по-мальчишески худощавая. Лейернхартовская порода, как сказал бы Уилл. Себастьян лицезрел себя в зеркале ежедневно и даже пару раз натыкался на портреты своего батюшки, мир его праху, потому сразу узнал семейные черты. Что ж, понятно, отчего теплоты в голосе и мыслях Виктории, говорившей о дочери, не было ни на гран.

– Та самая Блэр, которая командер и редкостная стерва? – уточнил Себастьян, вспомнив рассказы Мэйр и Уилла. – Я по-другому представлял. Вас обеих.

«Командер и стерва» да еще и принцесса по версии лесной нечисти, по-птичьи склонила голову набок и улыбнулась. Вблизи она не казалась такой уж красивой: лицо ее было куда нежнее и миловиднее, чем у Мэйр, однако на нем застыло неизменное вызывающе-желчное выражение, а ясные серые глаза были колючими и холодными, точно лед.

– И как же ты представлял меня, деточка? – сладеньким тоном осведомилась некромантка.

– Ну точно не бледной кудрявой молью, – в тон ей отозвался Себастьян. И с удовольствием понаблюдал, как вытягивается спесивая физиономия. – Уж простите, миледи, светским речам не обучен. И вообще некромантов не люблю.

– Да кто их любит-то? – философски заметила Анэйтис, пожав плечами и не без озорства покосившись на Киару.

– Мой муж вроде не жалуется, – невозмутимо ответствовала та.

– Ой, как будто у него есть выбор!

«Бедняга», – окрестил Себастьян того несчастного, которому взбрело в голову захомутать некрота. Френсис поприятнее этой принцесски раз эдак в пять, но и с ним идти в храм согласится только больной. Вот он сам бы не пошел, это точно.

– Вы закончили? – поинтересовался Себастьян, убирая лук за спину. Стрел и впрямь жаль. – Я все еще не знаю, какого хрена вы тут

забыли. Не счастливой же семейной жизнью хвалиться пришли?

– Я захотела познакомиться с дядюшкой, – деловито заявила Нэйти. – Родственные связи и все такое – времена нынче сложные, семья должна держаться вместе.

– И ты решила, что сбежать ради сомнительного знакомства в лес, где живут всякие чудища, отличная идея? – хмыкнул Себастьян, ощущая, как поднимается внутри злость.

Не такая, чтобы бросаться на людей и превращать их мозги в кашу, но достаточная, чтобы испытывать желание выкинуть обоих визитеров обратно в портал. Додуматься притащить к нему, нестабильному магу-менталисту, малолетнюю девчонку!

– Почему же сомнительное? – Нэйти выглядела удивленной. – Ты мне нравишься, хотя бы потому, что симпатичный. И лук у тебя крутой.

– Я спятивший менталист с сотней трупов в биографии. И могу поджарить тебе мозги в любой момент. Не лучшая кандидатура для знакомства, не считаешь?

Блэр презрительно хмыкнула, а Нэйти зыркнула на нее как-то очень уж понимающе и, перекинув толстую белую косу через плечо, чуть снисходительно заметила:

– Ой, ка-ак страшно! Могу поспорить, Киара к своим сорока двум угрохала раз в десять больше людишек. Невелика потеря, между нами говоря...

– Она славная девочка, да? – криво ухмыльнулась Киара. – Хоть на что-то сгодился твой ублюдочный братец.

– ...да и с головой у тебя наладилось, раз уж твоя целительница разрешила нам тебя проведать.

– Мэйр? – зачем-то переспросил Себастьян, как будто у него тех целительниц по одной на каждый день недели. – Мэйр вам разрешила?...

– Ну естественно. Я же не идиотка – лезть к Неметону без разрешения хранителя, – желчным тоном заверила Киара, крутя в изящных костистых пальцах краешек вышитого серебром шарфа. – Макинтайр – невыносимая слюнтяйка и мягкотелая зануда, но уж в отсутствии мозгов и здравого смысла я ее нипочем не заподозрю. Так что смирись уже, что у тебя гости, и не отыгрывай мне тут драму. Я

занятой архимаг и сюда пришла не на твои сопливые перформансы любоваться.

Себастьян на это только хмыкнул – резкий тон некромантки его не пронял и даже почти не покоробил. Чувствовалось, что под всей этой показной стервозностью скрывается отнюдь не самый плохой человек. Нашла же она время притащить к нему девчонку?...

Впрочем, не факт, что у «занятого архимага» отсутствует личный интерес. Особенно если вспомнить все, что о ней болтают.

– А зачем тогда пришла-то?

– Это потом, деточка. Вы милуйтесь пока, а я найду себе занятие поинтереснее.

Киара выразительно махнула на них рукой и, выхватив прямо из воздуха парные клинки в затейливых ножнах, направилась к дому – после секундной заминки Себастьян догадался, что идет она туда, где стоит очередной деревянный столб, уже изрядно потрепанный Мэйр.

Как ни хотелось поглазеть на расфуфыренную столичную краля, фехтующую в беленьком пальтишке, Себастьян за ней пойти не мог – девчонка-то никуда не делась и явно жаждала внимания «дядюшки».

– Миловаться мы, конечно, не будем, – протянула Нэйти, – ты для меня староват и вообще родственник. Но вот кое-какие семейные делишки обсудить можем. Интересует?

– Допустим, – покладисто кивнул Себастьян. – Только, по-моему, твоя матушка желает, чтобы я от вашей семьи держался подальше. Кстати, где она? Не скажу, что соскучился, но надеюсь, она в Гильдии, ищет новых самоубийц- у нас лошадка плотоядная в хозяйстве, ее кормить надо.

Нэйти на это фыркнула и неопределенно махнула рукой. Если она и была удивлена его заявлением, то не сильно – повадки мамочки ей, судя по всему, хорошо известны.

– Тратит мои деньги в очередной шмоточной. Или в борделе.

– Занятая она дамочка.

– И не говори! – Она огляделась, видимо, в поисках того, на что можно присесть, но заметила только пенек, на котором Себастьян и скелеты кололи дрова. Бросила короткий взгляд на дом, но идею распивать чаи быстро отмела. – Мы так и будем стоя разговаривать? Или ты уже покажешь мне этот ваш волшебный лес?

– А не боишься? – склонил голову Себастьян. Конечно, ни его, ни Нэйти с ним никто из местной живности не тронет. Но вот он, например, будь в чуть более здравом уме, подумал бы трижды, прежде чем соваться в обителище Неметона.

– Ну ты же со мной, – возразила девчонка, ступая на виднеющуюся среди деревьев тропку.

«Самоубийственная самоуверенность», – хотел было проворчать Себастьян.

И передумал, вспомнив, что сам такой же. Особенно когда дело доходит до вещей, которые его интересуют. Впрочем, оно и правильно – та же Мэйр из-за этих ее фейских заморочек играла бы в неприступную крепость до конца своих дней, если бы Себастьян не взял дело в свои руки.

– Так о чем ты хотела поговорить? – поинтересовался он, когда сказочный дом Мэйр окончательно скрылся за деревьями.

Анэйтис любовалась блуждающими огоньками, мелькающими среди веток, и ответила не сразу.

– Так красиво, – выдохнула она, явно очарованная. Себастьян улыбнулся, глядя на нее – для него лес, пусть даже самый волшебный, уже давно был домом, в отличие от городской девчонки. Интересно, Сэра так же смотрела бы на то, как прямо перед ее глазами оживает сказка?

– Ага. Здесь не так, как в Иленгарде. Или...

– Не так, как там, где ты жил раньше? Ты скучаешь?

Первым желанием было рассмеяться – по чему скучать? По Серому Долу, где он никогда не был счастлив? Или по Нэдвольскому лесу, где не было ни его феи, ни Неметона, а только собственные страхи и холодные зимы?

Он покачал головой.

– Не скучаю. С чего ты взяла?

– Все по кому-то скучают. Или по чему-то, – Нэйти пожала плечами. – Я вот иногда скучаю по отцу. Он, говорят, был тем еще придурком, но...

– Но он был твоим отцом, – закончил за нее Себастьян. – Мне не хватает разве что сестры. И Мэйр, когда она подолгу пропадает на своей работе.

Нэйти, устав наблюдать за огоньками и мрачноватым осенним лесом, повернулась к нему.

– Я была так рада, когда ты нашелся, – заявила она. – У меня ведь никого нет, знаешь? Отец умер, когда мне было пять, а матери я неинтересна. Она видит свой родительский долг лишь в том, чтобы я была сыта, одета и при деньгах. Только Киаре на меня не наплевать, но она мне не родня... просто чересчур сердобольная девица, когда-то крутившая шашни с моим отцом и затем убившая его.

Она зябко обхватила себя руками, нахохлившись эдаким мрачным воробушком.

– В общем, когда я узнала о тебе, то подумала: а ведь у него тоже никого не осталось. Подумала, что мы могли бы... не знаю, стать семьей. Глупо, знаю, – тут Нэйти фыркнула, – особенно если вспомнить, что о тебе болтает матушка. Мол, ты такой-сякой аморальный мерзавец, убийца и монстр, который жрет младенцев на завтрак. Но все ее слова я давно привыкла делить надвое, поэтому уговорила Киару прийти сюда со мной, чтобы выяснить – вся ли моя семейка двинутая или все-таки я среди них не одна такая классная?

– Ну, ты и впрямь ничего, – улыбнулся Себастьян. Нэйти ему нравилась – в ней чувствовались огонь, напор и наглость. Все те качества, которые он замечал в себе, хоть и скрытые за пеленой дурного прошлого. Пожалуй, он хотел бы подружиться с ней, поучаствовать хоть как-то в ее жизни. – А я и впрямь двинутый. Хоть и классный.

– Пф, ты еще не видел моих бабушек! – Нэйти хихикнула и вдруг протянула руку. – Я хочу дружить с тобой. И мне плевать, кто и что про тебя болтает.

Себастьян пожал ладонь, узкую, но удивительно сильную для пятнадцатилетней девчонки.

– И это все? – не удержался он, силясь прогнать непривычное чувство теплоты и умиления. – Ты тащила через порталы с противнущей некроманткой, чтобы погулять по моему лесу и заключить мир?

– Вообще-то это не твой лес, а твоей фейской полукровочки, – парировала Нэйти с ехидной усмешкой.

– Ой, да какая разница!

На это она звонко рассмеялась, затем внезапно схватила Себастьяна за рукав и потащила вниз по тропинке.

– Я хочу увидеть Неметон, – заявила она, наконец-то став похожей на капризную пятнадцатилетнюю девчонку, коей и являлась. – И пострелять из твоего лука!

– А силенок-то хватит?

– Я же Лейернхарт, у нас это в крови. Или ты собираешься отказать своей любимой и единственной племяннице?

Откажешь такой, как же. Себастьян, может, и собирался – но понимал, что перед мелкой копией самого себя все равно не устоит. И это отчего-то грело душу.

Разумеется, пострелять из его лука Нэйти так и не удалось – у девчонки едва хватило сил натянуть тетиву. Но даже от ощущения в своих руках оружия, сделанного умелым мастером, она была в восторге. Как и от Неметона, укрывшего своей кроной едва ли не на весь холм. Летом здесь было бы не в пример живописнее, Себастьян и сам жил в предвкушении того, как увидит величественный дуб во всей красе. И очень хотел бы показать его и весь волшебный лес «любимой и единственной племяннице».

Если подумать, то он – и вдруг дядюшка? Звучит-то смешно, особенно в сравнении с Уиллом Фалько: вот уж кто и наставит, и подзатыльников надает при случае, и вообще производит впечатление взрослого и серьезного человека. Ну, по крайней мере, пока его жены нет рядом.

Когда они вернулись к дому, солнце уже начало клониться к горизонту, впервые за последние дни не прячась за тучами, а окрашивая опушку в оранжево-красноватые тона. Надменная некромантская задница с пафосным прозвищем «стальная принцесса» обнаружилась тут же, во дворе. Блэр уже избавилась от мечей и расселась прямо на крыльце да с таким видом, будто и впрямь заняла трон.

– Ну надо же, вы оба живы, – протянула Киара, поднимаясь и подходя ближе.

– А почему бы и нет? – отозвался Себастьян. – Вот тебе бы я навалил с удовольствием, а мою единственную племянницу мне немного жаль.

Острый локоть Нэйти тут же угодил в бок, заставляя ойкнуть от неожиданности.

– Немного?

– Ладно-ладно! – Себастьян примирительно поднял руки. – Очень жаль. Ты же не некромантка, в конце концов. И Лейернхарт, а у этого семейства с приятными людьми прямо беда.

– Очень самокритично, – заметила Киара, соорудив саркастичную физиономию. А затем строго взглянула на подозрительно притихшую Анэйтис. – Так, Нэйти, деткам пора спать.

– Ну Ки-иа! – немедля заняла та, соорудив страдальческую мордашку. – На самом интересном месте! И мы же только пришли!

Себастьян, признаться, сам был бы рад, побудь она здесь еще немного. Но Киару, естественно, не проняло.

– Вранье, мы пришли почти три часа назад. И, если не ошибаюсь, заранее оговорили твое возвращение в Академию по первому моему слову.

Нэйти раздраженно вздохнула, однако продолжать спор не решилась.

– Какая же ты злока, – только и проворчала она, прежде чем вновь повернуться к Себастьяну. – Дядюшка, меня подло выдворяют. Но я еще вернусь!

– Еще раз назовешь меня дядюшкой – на порог не пущу, – в тон ей откликнулся он, однако без особого запала.

Ну конечно же пустит, куда он денется?

Проследив, чтобы девчонка ввела верные координаты на перенос, Блэр обернулась к нему. Тряхнула своими кукольными локонами, склонила голову набок и, скрестив на груди тонкие руки, с нехорошей лаской в голосе пропела:

– Ну, Себастьян, вот мы и остались наедине.

Себастьян глянул на нее с нескрываемым скепсисом.

– У меня уже есть фея, так что можешь смело катиться в Бездну.

– Тьфу на тебя, – фыркнула Киара, на удивление простодушно отмахиваясь. – Сам катись, я замужняя женщина и вообще приличный человек. Ну, не совсем человек, но это уже детали.

Себастьян украдкой глянул на ее уши – и даже немного разочаровался, увидев, что они почти нормальные, лишь самую малость заостренные и оттопыренные.

– Чего-то ты не похожа на эльфа, – зачем-то ляпнул он и тут же поправился: – То есть на фейри... Ну, не так, как Мэйр. Зато у местной нечисти целой принцессой зовешься.

Киара вскинула брови и одарила его изучающим взглядом.

– А ты любопытный, да? – наконец медленно проговорила она. – Уилл говорит, ты копия папаши. Я почти не знала Паука, но с твоим братом мы... были вместе восемь лет. На Гейба ты совершенно не похож, но это и к лучшему – проживешь дольше... наверное.

На бледном лице промелькнуло и тут же исчезло жутковатое выражение. Блэр было крайне трудно читать: в отличие от его собственной феи, та проявляла чудеса сдержанности не только снаружи, но и в мыслях. Казалось, внутри нее притаилось кровожадное, безжалостное чудовище – но на таком крепком поводке, что нипочем не вырвется. Разве только хозяйка отпустит его сама.

И Себастьяну вовсе не хотелось, чтобы Блэр спустила свое чудовище с поводка. Каким бы наглым и самоуверенным он ни был, однако нутром чуял – этот монстр ему не по зубам.

– Говоря о фейри, – резко сменила тему Киара, – в Мэйр дивной крови половина, поэтому она больше на них похожа. Во мне же всего восьмая часть, однако это кровь покойной королевы Кианнэйт. По законам фейри я имею право на титул учтивости – «стальная принцесса», как и все, в ком есть хотя бы восьмушка королевской крови. Я удовлетворила твою жажду знаний? Если да, то давай лучше поговорим о тебе.

– Обо мне? – удивленно приподнял брови Себастьян. – Ну давайте поговорим обо мне, ваше высочество. Желаете знать, насколько я вошел в разум и собираюсь ли убивать людей? Мой ответ – да, если того потребует ситуация. Или Мэйр. Насчет короны не уверен, я ей пока не служу.

– Стали бы неразлучная парочка Фалько и Дорих нянчиться с тобой, не будь ты нужен короне? – задала Блэр риторический вопрос. – А уж твоя драгоценная Мэйр – отличное средство вертеть тобой как угодно. И, уж конечно, ваша расчудесная любовь-морковь непременно выйдет ей боком... Но ваши половые трудности меня не особо трогают. Расскажи-ка лучше, как у тебя дела с контролем над силой.

– Лучше, чем твой контроль над своим языком, – парировал Себастьян. – Что значит «выйдет боком»?

Киара одарила его очередным оценивающим взглядом и мрачно усмехнулась.

– Это значит, что однажды ее непременно используют, чтобы добраться до тебя. И ты ничего не сможешь с этим поделать, если так и останешься хамоватым нестабильным засранцем, не имеющим приличного образования и неспособным унять собственную дурную силищу. Я понятно изъясняюсь, деточка?

Себастьян поморщился – еще не хватало, чтобы всякие кудрявые выпендренницы принимались его воспитывать. И плевать, что Блэр права, а он сам – слаб и ни демона не понимает в придворных интригах. В то, что его рано или поздно туда втянут, Себастьян ни капли не сомневался. Разумеется, при условии, что его обучение будет успешным, а «дурная силища» будет подчиняться охотнее, чем даже сейчас.

– А разве ваша хваленая академия не решит проблемы с моим образованием? Тебе вот помогли, насколько я знаю. Впрочем, я открыт для предложений, если тебе есть что предложить.

Киара огляделась по сторонам, недовольно наморщила свой фейский нос, нелепо и довольно мило присыпанный веснушками.

– Места тут вообще нет... Я вот как-то не учла, что долбаные деревья будут торчать прямо на каждом шагу, – пробормотала она. И, задрав голову к небу, резким движением рук запустила в небо яркую искру.

Которая, достигнув облаков, взорвалась с оглушительным треском. Себастьян, позабыв обо всем на свете, зачарованно наблюдал, как в небе разворачиваются сверкающие плети ультрамариново-синих молний и фиолетовых всполохов. То, что они смертоносны и могут уничтожить дюжину человек разом, дошло до него гораздо позже.

Когда затейливая иллюминация на фоне пасмурного неба немного поутихла, Себастьян тут же вперился взглядом в некромантку, явно позабавленную его детским восторгом, и требовательно спросил:

– Что это было и как мне это повторить?

– Никак, деточка, – ответствовала Киара с притворной грустью. – Это боевая магия, а я боевой некромант. Но у тебя очень агрессивная сила, в этом я успела убедиться на собственной шкуре. Поэтому облегченные версии темных боевых заклинаний должны у тебя хорошо выйти, – она пожала плечами. – Собственно, поэтому я здесь:

Макинтайр и Фалько одинаково бездарны как в боевке, так и в малефицизме. А боевка тебе жизненно необходима, чтобы держать в узде агрессию и куда-то сливать свой огромный резерв.

– Малефицизм – это же когда проклятия насылают? – уточнил Себастьян, уже почти позабывший, что мечтал спровадить постыльную некромантку куда подальше. – Такое я тоже хочу!

Блэр страдальчески скривилась. «На что я, в Бездну, подписалась?» – так и читалось на ее физиономии большими каллиграфическими буквами.

– Я тебя поучу, если у меня найдется время, – все же пообещала она. – Но это терпит, сначала боевка... Ну, чего встал-то? Тащи свою задницу поближе, покажу тебе базовые плетения.

Себастьян послушался. К некромантам он относился предвзято, по большей части благодаря неумному и сверх всякой меры раздражающему Френсису. Но ценность для себя конкретно этой некромантки не видеть не мог. Киара Блэр была сильна, очевидно умна и имела за плечами историю, крайне похожую на его собственную. Без десяти лет отшельничества, но все же. Сам Себастьян тоже не идиот и обладал достаточной тягой к знаниям, без которой не смог бы всего за несколько месяцев проделать путь от опасного психа до вменяемого человека.

Плетения заклинаний, которые показывала Киара, не были сложными. Просто непривычными. И требовали больше сосредоточенности и опыта, нежели имелось у вчерашнего мальчика-из-леса. Но, в конце концов, он ведь осилил непатентованное заклятие дражайшего папеньки. Что ему какие-то искорки?

Глава 15

Салют, как окрестил его сам Себастьян, вышел далеко не с первого раза, но добротный. Менее эффектный, чем у некромантки, и отождравший кучу энергии («Не твоя специализация», – пожалала плечами Киара), но отозвавшийся внутри небывалым удовлетворением.

– Я все еще хамоватый нестабильный засранец или у меня есть шанс прижиться в вашем столичном серпентарии? – повернулся он к Блэр, крайне довольный собой.

– Ты все еще хамоватый нестабильный засранец. – Та, разумеется, поспешила подпортить ему настроение. – Но шанс у тебя, несомненно, есть. Стала бы я иначе тратить на тебя свое драгоценное время?

– Стала бы. Согласись, неплохо иметь в знакомцах будущего канцлера?

Что ж, пусть и ненадолго, но удивить заносчивую принцессу он смог. По крайней мере, неприлично громко рассмеялась она не сразу, а спустя несколько секунд.

– А ты не слишком ли высокого о себе мнения?

– В самый раз, я же Лейернхарт. Но, разумеется, все зависит от жалованья. Сколько там платят первым лицам государства?

– Боги и богини, – слышалось со стороны портала усталое ворчание, – кто о чем, а мое чудовище вечно о золотишке.

Себастьян развернулся, вмиг позабыв и о Блэр, и о собственных амбициях – вот уже неделю Мэйр он видел разве что по ночам. И сейчас, в вечерних сумерках, обычно смуглое, живое лицо его феи выглядело непривычно бледным, а под глазами залегли некрасивые тени.

– Даже знать не хочу, где ты была и чем занималась. – Он приблизился к ней, обхватил за талию и прижал к себе, чтобы ненароком не свалилась. Возможно, это было излишне, и ни в какой обморок Мэйр падать не собиралась, но Себастьян привык следовать своим порывам. – Хотя нет, хочу. Какой Бездны, Мэйр? Ты, кажется, обещала, что тебя больше не будут ко мне приносить.

– Меня и не принесли!

– Как будто это что-то меняет!

– Хреновенько выглядишь, Макинтайр, – подходя ближе, протянула Киара. Несмотря на желчный тон, Себастьян уловил идущие от нее волны беспокойства и даже легкие отголоски гнева. – Что, Грегор вконец затрахал? Чем лечить этого мудака, лучше поджарь ему мозги, а я помогу спрятать труп.

Стоило Себастьяну услышать это имя, он тут же разжал руки. Хоть он и был тогда не вполне самим собой, но прекрасно помнил и чужую ненависть, и огонь, обжигавший кожу. И желание, которым чокнутый архимаг опалял его фею.

– Грегор? – едва ли не выплюнул он. Магия взметнулась, заколола кончики пальцев, желая вырваться наружу. Только то, что Себастьян больше не был рабом своей силы, позволило ему сдержаться. – Ты лечишь этого ублюдка?

– Ума не приложу, почему бы мне этого не делать, – парировала Мэйр, одновременно прожигая Киару возмущенным взглядом.

Киара ожидаемо не прониклась.

– Например, потому что он наглухо отбитый мерзавец? Потому что опасен для окружающих? Бездна, Мэйр, да хватило бы и того, что в прошлый раз он на тебя набросился и вполне мог...

– Киара, всеми богами заклинаю – заткнись нахрен! Ты уже достаточно наговорила!

Киара выразительно глянула сначала на взбешенную Мэйр, потом на тяжело дышащего от ярости Себастьяна, и передернула плечами.

– Ну-у... полагаю, я всего лишь приблизила неизбежное. И мне пора, да? – Не дождавшись ответа, она глубокомысленно кивнула. – Определенно пора. До встречи, котятки. И не разнесите ненароком ваш кукольный домик, он мне нравится.

Все в том же гнетущем молчании Киара прошествовала к portalу и вскоре исчезла в сопровождении короткой фиолетовой вспышки.

Наверное, стоило ее проводить. Или хотя бы попрощаться. Надо было – да только куда там, когда ярость красной пеленой застилает глаза. На Мэйр он был зол тоже, хотя именно к ней Себастьян не собирался испытывать ничего помимо любви.

– Я так понимаю, ваши милые свиданьица начались с той ночи? – тихо, едва слыша сам себя, поинтересовался он.

– Милые свиданьица? Серьезно, Себастьян? – переспросила Мэйр безо всякого выражения, но уже злобно полыхая глазами. – Дела у Грегора... плохи, и я не могу отказать ему в помощи. Да и не должна вообще-то. Это моя работа, которую другие целители сделать либо не могут, либо не хотят. Поэтому, пожалуйста, давай ты не будешь раздувать скандал на пустом месте.

– Другие целители хотят жить, судя по всему. – Мэйр открыла было рот, но Себастьян остановил ее, подняв вверх ладонь, хотя разгневанную фею хотелось схватить и встряхнуть как следует. – Даже не думай заливать про то, что ты можешь справиться и сама, Мэйр!

– Да что ты себе!..

– То же, что и ты! Только не вру неделями, в отличие от тебя! Что за «пустое место» такое, раз ты предпочла скрывать, с кем проводила долгие осенние вечера? Расскажешь или мне влезть в твою голову?

– На что это ты намекаешь?! – взвилась Мэйр; волна ее возмущения докатилась до Себастьяна, едва не обжигая кожу. – Собираешься приплести мне измену?

Будь Себастьян в чуть менее... психованном настроении, он бы удивленно вытаращил глаза. Предположить, будто Мэйр променяет его на какого-то Грегора? Вот уж невообразимая чушь.

– Какая, в Бездну, измена?! – прикрикнул он. – Я тебе доверяю, Мэйр. Беззаветно, безоговорочно и всей душой! Доверял до сегодняшнего дня! А вот уроду, который только и мечтает, что отодрать тебя на первой же пригодной поверхности – как-то не очень!

Мэйр принялась с силой тереть виски, то ли силясь прогнать боль, то ли с трудом сдерживаясь, чтобы не оторвать Себастьяну голову. С ней и раньше такое случалось, когда она выматывалась на работе: хваленая фейская сдержанность истончалась, и наружу выглядывала демонесса – вспыльчивая, агрессивная и подчас жестокая. *Огонь и ярость.*

Себастьяну стоило бы поберечь и нервы своей феи, и собственную же башку; однако он сам сейчас бесился почище всякого демона. Видят боги и богини, свою дурную силу бывало легче сдерживать, чем свой же нор.

– Мне очень жаль, что я... умолчала о Грегоре, – наконец заговорила Мэйр подозрительно тихим голосом. – Это было не то чтобы красиво и правильно. Однако я не скрывала от тебя никакой

жизненно важной информации, не солгала тебе ни словом. Я всего-то думала, как будет лучше для тебя – и, мне кажется, не заслужила, чтобы на меня орали или перекладывали ответственность за красочные мыслишки Нэльтана.

– Да я не то имел в виду!

– Да мне без разницы, что ты имел в виду, – отрезала Мэйр. – Грегор мне не навредит, я умею за себя постоять. И ты либо принимаешь это, либо твои трескучие тирады о доверии – треп, который и медяка не стоит. Я все сказала.

С этими словами она резко развернулась и быстрым шагом направилась в сторону дома.

Себастьян дождался, пока Мэйр зайдет в дом, а заодно и постарался хоть немного успокоиться, после чего последовал за ней. Он был в бешенстве – хотелось прямо сейчас прыгнуть в портал, отыскать смертника Грегора и отправить его туда, где ему самое место. Чертоги Хладной, как известно, привечают всех. Но фея важнее. Хотя бы потому, что с ней он собирается прожить всю оставшуюся жизнь.

И это даже не обсуждается.

– А я вот сказал не все, – едва закрыв за собой дверь, заявил Себастьян. Стараясь не орать, хотя его голос едва ли можно было назвать ровным. – Я менталист, Мэйр. То, что я узнал о Грегоре от какой-то кучерявой ведьмы, а не прочтя тайком твои мысли, прекрасно демонстрирует, сколько стоят мои тирады о доверии. И, представь себе, я хотел бы, чтобы мне отвечали тем же. Я не доверяю Грегору. Я не доверяю ему ту, кто является единственной радостью моей жизни. И ты можешь быть какой угодно сильной, но я никогда не перестану беспокоиться о тебе, ценить тебя; никогда не начну доверять твою жизнь хоть кому-то, кроме себя.

– Ах, Себастьян, это было бы очень трогательно, – еще холоднее, чем прежде, откликнулась Мэйр. В ее глазах разгорался настоящий пожар, а на смуглой коже стальной изморозью проступили живые узоры. – Если бы не было очередной попыткой мной помыкать. Бессовестной и эгоистичной попыткой. Да, я поступила нечестно, и признаю это. Но я хотела как лучше, мне это казалось правильным – и я не могу пообещать, что впредь стану поступать как-то иначе, лишь бы ты всегда был доволен.

Вот это было по-настоящему обидно. С другой стороны, обижаться всерьез тоже было глупо: все же для откровений он выбрал самый неподходящий момент из всех возможных. Да и нельзя отрицать очевидного...

– Я бессовестный и эгоистичный, – согласился Себастьян, криво усмехаясь, – это правда. Зато не прикрываюсь отговорками типа: «ах, я хотела как лучше». Давай я сам за себя буду решать, как лучше? Хоть на это я имею право, Мэйр?! Или так и будешь относиться ко мне, как к психопату, неспособному себя контролировать?

– Я просто забочусь о тебе, болван ты самоуверенный. – Ее голос дал трещину, зазвенел гневом и сталью – и это был пугающий, но хороший знак. – Если тебя это так оскорбляет – ну что ж! Ты теперь в здравом уме и трезвой памяти, волен идти на все четыре стороны. Я держать не стану, даже вещи собрать помогу!

– Заботу обо мне в ключе твоих променадов с Грегором можешь засунуть в свою очаровательную задницу, это во-первых. И во-вторых, прекращай врать самой себе и честно скажи, чего хочешь – собирать мои вещи или трахаться со мной?

– Да при чем тут... Сейчас вообще не важно, чего я хочу!

– Вот Бездна, Мэйр! Ты опять за свое?

Положительно, у них было бы гораздо меньше проблем и бессмысленных споров, если бы Мэйр тоже была бессовестной и эгоистичной. Хотя бы самую малость. Себастьян не без раздражения вздохнул и, резко шагнув к ней, стиснул пальцы на хрупких плечах.

– Я тебе уже миллион раз сказал, чего хочу я – остаться здесь. С долбанутым деревом, плотоядной лошадьё и вредной, упертой, недоверчивой феей, которая вечно думает обо всех, кроме себя, – заявил он, встряхнув упомянутую фею для пущей доходчивости. – Скажи уже наконец, чего ты хочешь? Потому что мне-то это важно! Чего *ты*, чтоб тебя, хочешь?!

Себастьян был готов к очередной порции отговорок, увещаний и обвинений демон знает в чем. Но Мэйр вдруг обхватила его лицо лихорадочно-горячими ладонями, дрожащими то ли от волнения, то ли со злости.

– Тебя, – выдохнула она непривычно низким, почти рычащим голосом. – Тебя, несчастье ты мое. В личную собственность и пожизненное пользование. Ну что, доволен?

И резко подалась вперед.

Шею обожгло вспышкой жгучей боли, которую почти тут же перекрыло столь же жгучее возбуждение. Себастьян вмиг позабыл, что они тут вообще-то ссорятся и все такое. Ну в самом деле, на кой трепаться, когда можно притиснуть свою фею прямо вот к этой двери и вытряхать из нее всю дурь?...

Но фея, увы, уже вызверилась от души и так некстати решила стать прежней – внимательной, заботливой и чересчур трепетной.

– Прости, я... я не сдержалась, – испуганно выдохнула Мэйр, отстраняясь и в ужасе глядя на дело своих рук... то есть зубов. – Прости! Боги, что я натворила?...

Себастьян поднес руку к шее, осторожно ощупал саднящую кожу и глянул на свои пальцы, перемазанные в крови. Для него давно уже не было тайной, что Мэйр любит кусаться; однако так сильно его грызнули впервые.

И это, наверное, ненормально, что подобное членовредительство ему *настолько* понравилось?

Ой, да какая разница!

– Эм-м, укусила меня? Так не впервой вроде, – проговорил он с усмешкой. И сильнее прижал Мэйр к злосчастной двери. А то вдруг сбежит еще, кто ж знает этих взбалмошных феек? Ощущение, будто его только что пометили, пробудило внутри горячую волну. Так приятно принадлежать кому-то.

Поправочка – приятно принадлежать своей фее.

– Н-но... у тебя кровь! – выдала та с несчастным видом, как будто только что заметила.

Того и гляди, расплачется. Вот чего еще не хватало для полного счастья.

Ухватив Мэйр за подбородок, Себастьян заставил ее поднять голову и посмотрел ей в глаза.

– Нет, Мэйр, – отчеканил он. – *Нет*. Никакого больше нытья на сегодня. Обсудим твою многогранную сущность потом. Все понятно?

– А сейчас? – совсем уж тихо отозвалась она в ответ. Узкая ладонь скользнула к шее, прошлась по затылку, зарылась в без того взъерошенные волосы.

– Есть у меня пара идей... Интересно?

– Ой, как будто тебя устроит отказ.

– Исключено!

* * *

Снег в Синтаре- редкий гость, даже зимой. Однако в день солнцестояния выпадал частенько, и каждый раз Мэйр, родившаяся в этот самый день, старалась найти время, чтобы побродить по хрусткой белой перинке. Оно и правильно: не потопчешь снежок сегодня, а завтра он уже растает к такой-то бабушке. Синтар, будь он неладен...

Мэйр щелкнула по висящей перед самым носом тоненькой жухлой веточке, сбивая с нее липкие белые хлопья. Как ни красива припорошенная снегом полянка, все же холод Мэйр не любила. Лесу тоже не нравилось: он чуть слышно гудел, недовольный и сонный, и требовал подать ему на блюдечке солнечное лето.

– Шутник какой, – фыркнула Мэйр, поглубже натянув капюшон на мерзнувшие уши. – Где Синтар, а где солнце?

Позднее зимнее солнце неохотно выползло на горизонт – вот уже полтора часа как – и нынче обитало за плотными кучевыми облаками, изредка кокетливо проглядывая в прорехи между ними. Мэйр знай себе глазела в ответ. И мерзла. Но в целом была скорее довольна, чем нет. Все же приятно иногда побыть наедине с самой собой...

Не то чтобы Себастьян ей докучал – у него просто не было такой возможности, ведь из-за занятости Мэйр они теперь проводили вместе гораздо меньше времени. Как будто этого было мало, в последнее время неугомонный поганец завел привычку умагичиваться до полуобморочного состояния. И уж кому докучал, так это сиятельной командеру Блэр: вопросы по теории заклинаний на ту сыпались, как переспелые плоды с фруктовых деревьев. Киара, как ни странно, сожрать до смерти надоевшее ей юное дарование пока не пыталась.

Даже наоборот – хоть и скинула занятия боевкой на собственного супруга, сама охотно возилась с Себастьяном пару раз в неделю. Глядя, как эти двое увлеченно проклинаят черные стрелы из притащенного Киарой колчана, Мэйр даже немного ревновала своего неслуха к вредной некромантке. Себастьян, когда поймал ее на этом, едва не лопнул от радости и самодовольства; Киара же как-то необычайно по-

доброму улыбнулась и, отогнув ворот рубашки, продемонстрировала руну у себя на шее.

То было молчаливое напоминание, что она заключила брак с одним из расплодившихся до невозможного Эйтхартенов, едва ей исполнилось сорок – лишь с этого возраста магам дозволяется связать себя не простыми, а неразрывными брачными узами. Ее супругу Марку сорока лет не было ни тогда, ни сейчас, однако у него имелись особые обстоятельства – Проклятье демонов. «Истинная пара», как писали в книжонках не самого высокого пошиба.

Мэйр, имея в отцах чистокровного демона, Проклятье не унаследовала – благодаря вредной, но гениальной Анаис наличие этой заразы сейчас можно определить с помощью зелий на крови. (Хотя мало кто на это решается.) Однако в последнее время Мэйр то и дело ловила себя на смутной зависти и к Маркусу Эйтхартену, и к героям бульварных книжонок. Она, может, тоже не отказалась бы занять индульгенцию на неразрывные узы?...

«Долбаная Бездна, что за нездоровую и несмешную хрень я только что подумала? – Мэйр сердито хлопнула себя по лбу. – Нет, все-таки надо было не шататься по холодине, а проспать как следует!»

– Выглядишь стремно, – промурлыкал Лир, помахивающий хвостом с толстой ветки высившегося поблизости клена. – Ну прямо глаза бы мои не видели.

Мэйр громко фыркнула.

– Тебе семьсот лет, ты не можешь говорить слово «стремно»!

– Я могу говорить все, что пожелаю. Мне семьсот лет, в конце-то концов.

Какое-то время Лир молча расхаживал по ветке туда-сюда, наблюдая, как пикси, сильфы, клуриконы и прочая мелкая нечисть из тех, что устойчивы к холодам, роятся вокруг хранительницы Неметона и норовят всучить той свои нехитрые дары – от корешков-веточек-цветочков, орехов и конфет, зачастую сворованных у той же самой хранительницы, до тяжелых монеток, серебряных и золотых, и красивых камешков. Кто-то и вовсе притащил грубо обработанный алмаз размером с небольшую вишню, заставив Мэйр изумленно хмыкнуть. О том, с какого покойника сняли эту блестяшку, она старательно не думала. Покойнику все равно, а нечисти приятно – вот как щедро одарили хранительницу в день ее рождения!

– Я ничего тебе не принес, – проворчал Лир – точно так же, как ворчал все прошлые дни солнцестояния. Тем не менее из года в год зловредный кошак-фейри умудрялся сказать или сделать нечто, неизменно радующее Мэйр так, как мало что могло порадовать.

– Ты же знаешь, мне ничего не нужно, – с улыбкой откликнулась она. – Кто бы еще слушал... Кстати, а где Тен-Тен? Я морально готова к его дарам... наверное...

– Обойдешься, – ехидно отвечал Лир. – Все равно при виде очередного дохлого зверька ты только и можешь, что носом хлюпать. Позорище! И это дитя от жилы Вольфрама! Я посоветовал Тен-Тену оттащить подарочек тому, кто найдет оленьей туше лучшее применение.

То есть Себастьяну. Мэйр оценила такой прагматичный подход – сама она не могла без слез ни убить, ни разделать животное. Вот человека покромсать – пожалуйста, в лечебнице ей за это даже оклад положен. Но все равно не удержалась и притворно проворчала:

– Почему это мой подарок дарят Себастьяну? У него день рождения только весной!

– Я в курсе. И ему подарок мы уже приготовили. Тен-Тен не даст соврать.

Потребовалось какое-то время, прежде чем Мэйр поняла, о каком подарке речь. А едва поняла – только и смогла, что в немом восторге прижать ладони ко рту и вытаращиться на Лира.

– Жеребенок! – выпалила она наконец. – К нему выйдет жеребенок! Но это... это же значит...

– ...что мелкий засранец Себастьян Лейернхарт будет мозолить мне глаза еще лет двести, если не помрет раньше по причине своей невыносимой наглости? – закончил за нее Лир фальшиво скучным тоном – и тут же зашипел, гребнем вздыбив пушистую шерсть на спине. – Боги и богини, Мэйраэн-фэ! Напряги же ты свою бестолковую металлическую башку! Уже все поняли, что он тут насовсем останется! Даже деревья, даже небо, даже камни! Но только не ты, – он спрыгнул с ветки и, крайне изящно приземлившись, принялся нервно месить лапками снег. – Тьфу, сил моих нет с этими сопляками... Вали домой уже, надоела!

Мэйр послушно кивнула, сложила дары лесной нечисти в заранее приготовленную сумку и зашагала в сторону дома, совершенно по-

идиотски улыбаясь.

Нет, понимание того, что Себастьян ее любит и никуда не уйдет, понемногу укоренялось в «бестолковой металлической башке». Однако в глубине души Мэйр, наверное, до сих пор не понимала, что в ней особенного – и что в ней можно любить так искренне, горячо и почти одержимо, как любит Себастьян. Нет, не понимала. Может, и никогда не поймет...

Но зачарованный лес, видно, соображает лучше всяких отмороженных дивнючек. И то, что лес решил одарить Себастьяна частью себя; что маленький келпи выбрал его своим другом, для хранителя Неметона... это было ярчайшей демонстрацией его намерений. Пусть даже бедолага Себастьян об этой демонстрации знать не знал и наверняка дрых себе преспокойненько после очередного неумеренного колдунства.

Да как бы не так! Чтобы деятельный Себастьян вдруг валялся в кровати, когда ему притащили целого оленя? По локоть перемазанный в крови, в одной рубашке, с горящими глазами, он метался по саду и инструктировал скелетов относительно того, что да как им нужно подготовить. Не парень, а местечковый генерал, не меньше. Мэйр только и успела понять, что в ближайшие дни рядом с дровником появится коптильня, а шкуру надо хорошенько просушить, чтобы потом пустить в дело.

– О, Мэйр! – Себастьян наконец заметил ее присутствие. – В вашем Синтаре есть кому продать оленьи рога? Или надо тащиться в Иленгард?

– Папе отдам, на рукоятки для кинжалов и всякое такое, – пожала плечами Мэйр. И едва не захохотала в голос, увидев, как горестно вытянулась физиономия потомственного лорда с состоянием с хрен знает каким множеством нулей. Хотя его явно интересовала не столько нажива, сколько сама возможность что-то с кого-то поиметь. – Нет, ты погляди: только отойдешь на пару часов, а тут уже пытаются загнать мои рога с моего же оленя!

– Твоим оленем он станет, когда будет приготовлен, запасен на зиму, а его великолепная шкура станет нашим новым ковром, – деловито сообщил Себастьян. – Ну или одеялом, смотря что ты хочешь. Кстати об этом – так что ты хочешь?

– И почему мне кажется, чтодохлый олень в наш интерьер не впишется ни в каком виде? – с подозрением нахмурилась Мэйр и тут же возмущенно прибавила: – Вот что ты за наказание такое? Ну снег же на дворе! Еще бы голый выскочил!

Себастьян выразительно возвел глаза к небу, при этом не переставая похабно ухмыляться.

– Голый? В следующий раз так и сделаю! Оленя в десять стоунов мне, конечно, не переплюнуть, но-о...

– Когда-нибудь я оторву эту бестолковую башку, – с чувством пообещала Мэйр. Однако сейчас она была слишком довольна и счастлива, чтобы сердиться или ворчать всерьез. Поэтому шагнула к Себастьяну и просто обняла его, крепко прижавшись. А что оба перемажутся... ну и демоны с ним.

– Холодный как ледышка, – все же пробурчала она и, уловив носом железистый запах крови, прибавила: – И пахнешь как еда.

– Только не жри меня, всеми богами молю, – со смешком попросил Себастьян, ткнулся губами в макушку. Но быстро отстранился и посмотрел так внимательно, что Мэйр едва не вздрогнула. – Для той, кто ненавидит зиму, ты какая-то чересчур радостная. Что случилось?

Мэйр не без злорадства улыбнулась и кротким голосом ответила:

– Ничего такого, о чем тебе следует знать.

– Что-то мне не нравится твой ответ...

Ну еще бы ему понравилось! Вон какую подозрительную физиономию скроил.

– Не-ска-жу! – отчеканила Мэйр с чувством собственного превосходства и гордо приосанилась.

– Да ты издеваешься, гадкая фея!

– Ой, ну и что? Мой день рождения – что хочу, то и делаю!

Себастьян, казалось, уже был готов напридумывать невесть чего. Пришлось смиростивиться и прибавить:

– Это сюрприз, ясно? Вот как до твоего дня рождения доживем, так и узнаешь.

– А если не доживем?

– Я тебе не доживу! – воскликнула Мэйр, для верности еще и вклепив ему подзатыльник. – Ты вроде как оленя коптить собрался? Вот и копти, что я одна с оленьей тушей делать буду?

– Ну, ты умная, разберешься. Хотя... – Себастьян задумчиво постучал пальцем по губам, – ты права. Не по-лордски это, оставлять свою фею вдовой до свадьбы.

– Какая такая свадьба, чудовище? Я на это не подписывалась! – возмутилась Мэйр, правда, без особой искренности. И, ухватив Себастьяна за руку, поволокла в сторону дома. – Ну-ка, домой пошли, нечего полуголым разгуливать. Оленя вон пожарим, а то как бы я его сырьем грызть не начала. Вкусно пахнет, зараза.

– Мэйр, ну фу же!

– Кому фу, а нам с Тен-Теном очень даже неплохо...

– Это потому, что вы с конем форменные извращенцы. И если Тен-Тену я готов это простить... Хотя ладно, тебе тоже могу. Чего только не сделаешь ради любимой феи!

Определенно, одного подзатыльника наследничку Лейернхартов оказалось маловато. И хотя Мэйр все еще пыталась напомнить себе, что она, на минуточку, целительница и добрейшей души... полудемон-полуфеири, но прибить окружающих ее засранцев хотелось слишком часто. И что самое характерное, они того вполне заслуживали.

Или нет. Стейк из оленины, приправленный розмарином, тимьяном и поданный с овощным салатом, несколько примирил ее с реальностью. И с тем, что с конкретно этим белокрысым засранцем ей предстоит прожить всю свою жизнь.

Если, конечно, тот не сбежит прямо сейчас. Повод вообще-то имелся.

– Наверное, мне следовало сказать раньше, – начала Мэйр, нервно крутя вилку в пальцах, – но так как сегодня мой день рождения, вечером нас ожидает ужин у моих родителей. В добровольно-принудительном порядке.

Выражение лица Себастьяна было настолько красноречивым, что впору бежать в лес за вторым оленем, чтобы задобрить свое ходячее несчастье.

– Скажи, что ты пошутила.

Мэйр горестно вздохнула и про себя порадовалась, что отложила этот разговор до послеобеденной поры. Даже вечно голодному Себастьяну после такого кусок бы в горло не полез!

– Я в любом случае не могу отказаться, меня убьют в собственной постели, – она зябко передернула плечами. – А если явлюсь одна, то

меня сожрут вместо ужина. Убила бы Френсиса за то, что растрепал им про тебя! Но вообще-то, если тебя это сильно... смущает, я тебя силком не потащу... Отмажусь как-нибудь. Ну, или меня таки сожрут.

– Я пойду, – медленно, проговаривая каждую букву, выдавил Себастьян. – Но мы поженимся, даже если я им не понравлюсь.

– Ну конечно же, ты им понравишься! – искренне возмутилась Мэйр. – Они нормальные люди, а не Дорихи какие... И вообще-то, чтобы на мне жениться, надо нравиться не моей семье, а *мне*. На минуточку так. Ох, Бездна, почему я вообще это обсуждаю?...

– В том, что я тебе нравлюсь, я убеждаюсь каждую ночь, – хмыкнул Себастьян, немного расслабившись. Еще бы – как будто что-то способно выбить его из колеи дольше, чем на десять минут. – И обсуждаешь именно поэтому. Кстати...

Он вдруг торопливо поднялся, явно вспомнив о чем-то важном, и, вытащив из кармана небольшой бархатный мешочек, положил его перед Мэйр.

– Не свадебный браслет, но, надеюсь, тебе понравится. Амулеты у вас – говно редкостное, и я подумал, что будет полезно, если в твою голову не будут лезть всякие... Грегори и прочие смертники.

В мешочке обнаружилась серебряная цепочка, а на ней подвеска в виде ониксового лебедя на девяти скрещенных мечах – претенциозный герб Лейернхартов во всей его красе. От подвески исходил едва ощутимый флер магии, хотя Мэйр даже на первый взгляд могла бы поклясться – заклятий на побрякушке достаточно, чтобы при желании можно было скрыть мысли даже от неприлично сильного Себастьяна.

– Это... не только от меня, но и от Нэйти и Уилла. Нэйти стащила ее из семейной сокровищницы, раз у меня пока нет к ней доступа, а Уилл помог наложить нужные заклинания. Я бы мог и сам, но это же для тебя...

Белобрысого поганца тут же захотелось стукнуть чем-нибудь тяжелым. Потому что нельзя – совершенно ни при каких условиях! – заставлять ее сглатывать ком в горле от накатившей слезливой радости. И ведь ничего особенного, просто подарок, но поди ж ты.

Мэйр на самом деле ничего и не ждала, однако ничуть не удивилась бы, получив от Себастьяна пару фазанов, пресловутого оленя или даже голову Грегора. Первое и второе ему вполне было под силу, с третьим пришлось бы потрудиться, но Мэйр верила в его

упертость. Но вот подарка, настоящего, ради которого пришлось договариваться с другими, просить Уилла и Нэйти помочь... Подобное радовало, удивляло и заставляло любить его еще больше.

Она аккуратно подняла цепочку со стола, поднесла к глазам, чтобы рассмотреть ближе. Красиво. Хотя и пафосно до жути, но красиво. И протянула ее Себастьяну.

– Застегни, – попросила тихо, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Пожалуйста.

Прохладные пальцы коснулись шеи, заставив вздрогнуть. Не от неожиданности, но от самого прикосновения, нежного и ласкового.

– Готово, – так же тихо донеслось в ответ; тяжелая ладонь на мгновение коснулась затылка, ероша волосы.

Мэйр, почувствовав на груди тяжесть амулета, только и смогла, что повернуться, обхватить чужую талию руками, притянуть Себастьяна ближе к себе и ткнуться лбом в твердый живот.

– Спасибо.

Вот и как тут, спрашивается, идти на работу как ни в чем не бывало? А идти все-таки надо. Хочешь не хочешь, а тяжелым пациентам до твоих хотелок нет никакого дела. Ни Арделии, ни Грегору, будь тот неладен.

– Этот хрен в простыне там выздоравливать собирается вообще? – недовольно поинтересовался Себастьян. Он имел премильную привычку хватать и присваивать все, что плохо лежит; в отношении слабо экранированных мыслей этот принцип тоже работал. – Ты с ним проводишь больше времени, чем со мной.

– Неправда, – возразила Мэйр, неохотно поднимаясь с места и пытаясь вспомнить, где бросила пальто. – Веришь или нет, а кто-то в его мозгах что-то скovyрнул. Подстава, притом довольно грамотная. Кто как, а я ничуть не удивлена. Грегор к своему восьмому десятку успел задолбать чуть не всю темную половину Империи.

Себастьян, скрестив руки на груди, хмуро наблюдал за тем, как она спешно обматывает шею шарфом. Ярко-красным, между прочим, на радость матушке, вечно причитающей про черное аки ворона дитятко.

– Не нравится мне все это.

Мэйр весело фыркнула и с напускным неодобрением покачала головой.

– Не нравится тебе то, что я ухожу от тебя и оленя на свою мерзкую работу.

– Вот и нет.

– Вот и да.

Себастьян по-прежнему глядел недовольно и настороженно. Пришлось обнять его снова и, внимательно посмотрев в мрачные черные глаза, уже в который раз напомнить:

– Там хорошая охрана имеется – не столько для моего спокойствия, сколько для вашего с Уиллом. По мне, так это излишне: Грегор тихий, мирный и временами не активней овоща. Ну что может пойти не так? Расслабься, все будет в порядке. И трех часов не пройдет, а я уже буду дома.

Как выяснилось позже, Мэйр за всю свою недолгую жизнь еще никогда так не ошибалась.

Глава 16

Себастьян не часто хотел вернуться в лес. Когда Фалько всерьез начинал читать ему нотации и напоминать о блистательном будущем в роли его преемника; когда что-то категорически не выходило; когда они с Мэйр ссорились... И вот сейчас, когда на носу была встреча с родителями его феи. Он знал, что однажды это непременно случится. Но не думал, что так скоро.

Он совершенно точно не был готов знакомиться с мамой и папой Мэйр – людьми приличными и воспитанными. У него-то с семьей откровенно не сложилось, да и от светских манер Себастьян далек...

– Как я выгляжу? – нервно поинтересовался он у Лира, решившего, что их с Мэйр комната – идеальное место для умывания.

– Хм-м, дай-ка подумать... Убого и жалко? Серьезно, вам, смертным, впрямь есть дело до того, кто какие тряпки на себя напялил?

– Ой, кто бы говорил! Ты вообще добровольно превратился в того, кто вылизывает собственные яйца.

Лир вальяжно выпрямился, потянулся всеми лапами и прошелся по подоконнику, демонстративно красуясь блестящей шерстью.

– Зато не торчу перед зеркалом по три часа в бессмысленной надежде понравиться каким-то людишкам.

– Ну мне ты точно не нравишься, – сообщил Себастьян. И соврал – мерзкий кошка, хоть и вызывал желание придушить и сварить из него суп, был несомненно красив. Пожалуй, он бы завел себе такого, только без таланта чесать языком по делу и без.

– Да ты сам тоже не пирожок с тунцом, – снисходительно отозвался Лир и тут же плюхнулся на задницу в притворном удивлении. – Ты что же это – *причесался*? О, Мать Тьмы, не зря за окошком снег-то повалил. Может, еще и рожу поприятнее сделаешь? Нет, не стоит; тогда, боюсь, начнется метель.

Причесался или нет, но пятерней лохмы пригладил. А вот с «рожей поприятнее» были значительные проблемы – Себастьян не горел желанием знакомиться с родителями и, как выяснилось, не мог это желание изобразить. К тому же еще живы были воспоминания о

знакомстве с Викторией Дорих. Макинтайры вряд ли окажутся такими же беспардонными и жутко высокомерными павлинами, как его дражайшая невестка, но... Кто знает, как они отнесутся к бывшему психопату в женихах у своего ребенка? Мэйр убеждена, что все пройдет хорошо, но стоит ли в это верить?

– Какие они? – отвернувшись от опостылевшего отражения в зеркале, Себастьян вновь обратился к коту.

Лир посмотрел на него вопросительно, будто бы и впрямь не понял, о ком речь. Пришлось пояснять:

– Родители Мэйр. Есть у меня шанс им понравиться?

– Мне-то почему знать? Да и как будто мне есть до этого дело.

– Не было бы, ты бы не торчал тут битый час, – с усмешкой проговорил Себастьян. – Ты хоть и вредная скотина, но Мэйр тебе нравится. И я нравлюсь, так что давай, поделись мудростью со своими неразумными детишками.

Лир с надменным фырканьем прошествовал к кровати и плюхнулся ровнехонько по центру. Дивнюк дивнюком, а все равно кошак.

– Они хорошие люди, – неохотно промолвил он. – Я украл их младенчика, а взамен положил страшненькое чернявое существо со звериными глазами. Они назвали это существо дочерью, а их дети – сестрой; все они любят Мэйр и относятся к ней, как к своей родной крови. Тебе нечего бояться. Даже если ты им не понравишься, они будут с тобой милы, пока ты нравишься их драгоценному подменышу. Хотя... – задумчиво прибавил Лир, – у ее сестрички Дейдры крутой нрав и обычные для капитана полиции повадки. Будь с ней поласковее, ментальная магия от горящих штанов точно не спасет.

– Вот спасибо, вот утешил, – ворчливо поблагодарил Себастьян. И все же не удержался от вопроса: – А что ты сделал с ним? Ну, с ребенком, которого забрал.

– Я дал ему безболезненную смерть и похоронил как подобает. – Лир лениво приоткрыл глаза, желая поглядеть на его реакцию, но тут же снова их зажмурил. – Ребенок родился больным. Он был не жилец, и его родители это знали. Они мне благодарны, что не пришлось хоронить младенца и ежегодно стенать у его могилы... Но, разумеется, нипочем не скажут этого вслух.

Мимолетное сожаление о неизвестном ребенке тут же сменилось научным любопытством:

– А что, разве маги не все могут вылечить?

– Не все. Тем более если речь о младенце. Эта мелочь слишком хрупкая для сколько-нибудь сильного магического воздействия.

– А почему тогда...

– Ой, отстань, я сплю, – Лир демонстративно скрутился в клубок. – Для допросов по теории магии у тебя есть подменыш и принцесса Киарнэйрис.

– Так нету их! – развел руками Себастьян.

– Потерпишь. Все, женишок, иди дальше прихорашивайся.

– Коврик прикроватный!

– От коврика слышу.

Ну еще бы, разве наглый кошок позволит хоть кому-то оставить за собой последнее слово?

Прихорашиваться как-то по-особому у Себастьяна не было нужды – он знал, что вполне себе симпатичен, аккуратен и чистоплотен (ну, не считая тех моментов, когда нужно ощипывать птиц и разделявать туши). А сейчас даже одет вполне пристойно – не как дражайший батюшка Марка Эйнтхартена, об эпатажных нарядах которого тот вещал без придыхания, но в подробностях.

Но вместе с тем Себастьяна не покидало чувство неясной тревоги, будто вот-вот должно произойти что-то очень важное... и жуткое. Даже жаль, что у него нет хоть махонького провидческого дара – он бы с радостью подсмотрел, чем обернется знакомство с Макинтайрами. Много чего подсмотрел бы, если подумать.

Он глянул на часы – стрелки уверенно двигались к семи. Самое время приличному семейству садиться за стол. Однако же Мэйр до сих пор не вернулась. Неужто решила опоздать? Или и вовсе одумалась и убедила родителей, что еще не время тащить Себастьяна в люди?

Тревожное чувство, раздирающее нутро Себастьяну, заставило потянуться к амулету и отправить короткое сообщение. Мэйр, небось, опять заработалась, забыла о времени, потратила магию... Да мало ли может быть причин у приличного целителя?...

– Кошак, Мэйр не отвечает.

Он уселся на край кровати, продолжая сжимать в руке амулет. Клятый камень молчал, не грелся, не вибрировал и даже не думал

разговаривать голосом его феи.

— А мне-то что? — отозвался Лир. Но голову приподнял и приоткрыл зеленый глаз. — Она твоя подружка, не моя, вот и мучайся теперь.

Отправив еще два сообщения, на которые так и не получил ответа, Себастьян поднялся. Все это очень странно: он был уверен, что уж ради своей семьи Мэйр поторопится и не станет полдня прыгать вокруг Нэльтана. И будет отвечать на сообщения.

Стоило бы переместиться в Синтар, благо Себастьян уже научился вполне сносно путешествовать порталами, а также знал, где находится лечебница Мэйр. Да только увы — огненного ублюдка держат не в лечебнице, а значит, это действие лишено всякого смысла.

Ему бы просто успокоиться, Бездна подери! Да только Себастьян не курил, а тащиться в лес в парадном костюме, чтобы утихомирить нервы, было весьма глупой затеей. Он и сам не понимал, что с ним не так. Что вообще не так?... Но с каждой минутой, с тех пор как стрелка перескочила за семь, беспокойство внутри разгоралось все сильнее.

Лир, мирно спавший, свернувшись в клубок, вдруг поднял голову. Он выглядел необычайно озадаченным и даже будто бы нахмурился, даром что морда кошачья. Себастьян только рот успел открыть, чтобы поинтересоваться...

...и передумал, ощутив *это*.

Чужие мысли, такие открытые, такие знакомые...

Чувство, необычайно жуткое и страшное. Присутствие кого-то настолько постороннего и чуждого этому лесу, что даже магию сдержать не удалось. Она прокатилась по телу обжигающей волной, забурлила, стремясь вырваться из предложенной ей крепости.

— Эй, человек... — услышал он за спиной голос Лира, спрыгнувшего на пол.

Но обернуться к нему уже не смог, равно как и выслушать его. На деревянных ногах, не ощущая собственного тела, Себастьян спустился по лестнице, надеясь, что ошибается.

Что спит, впервые за долгое время утонув в своем кошмаре.

Что открытая дверь, за которой он видит этот самый кошмар, на самом деле не существует.

— Ну здравствуй, сын.

– Ты.

Короткое слово – все, что смог выдать Себастьян, рассмотрев того, кого уже десять лет считал мертвым. Он не верил своим глазам, но вот ощущения, увы, врать не могут – он знал это чувство безотчетного страха вперемишку с гневом; помнил, как много лет назад магия точно так же рвалась наружу. Одни боги знают, как ему удалось удержать внутреннего монстра на поводке. Сам Себастьян не знал, но держался, безотчетно сжимая в руке амулет связи.

Надо вызвать Мэйр, Уилла, Киару или хотя бы Френсиса. Да хоть кого-нибудь, кто смог бы сказать ему, что это всего лишь видение.

– Я вижу, ты в замешательстве, – проговорил Родерик Траун. Постаревший, но выглядящий не в пример более довольным, чем должно мертвецу.

Настоящий, живой и даже здоровый, с поблескивающим на груди защитным амулетом, благодаря которому Себастьян не мог на него воздействовать. Отрицать бесполезно – сумасшествие отступило слишком давно, чтобы не верить собственным глазам.

– Я не в замешательстве, – наконец отозвался Себастьян. – Я в гневе. А ты знаешь, какова цена моего гнева.

– Смерть моей дочери, – кивнул Родерик. И хоть Себастьян не слышал ни его мыслей, ни отголоска эмоций, но кожей ощущал, что особой печали отчим не испытывает.

– *Твоя смерть*, – выплюнул он.

– Как видишь, с выводами ты поспешил, мой мальчик.

О да, это очевидно. Как и то, что Родерик пришел не просто так. Тот, кому положено быть мертвым, кто прекрасно знает, на что способен Себастьян, никогда бы не пожелал встретиться с ним. Но Родерик защитился, пришел и сейчас играет с ним в одну ему известную игру. Себастьян не знал правил, но проигрывать не собирался. Он сильнее сжал амулет, пытаясь мысленно позвать Уилла. Его сил должно хватить на то, чтобы сделать это беззвучно. Должно же?...

– На твоём месте я бы не стал этого делать, – протянул Родерик тем самым укоризненно-назидательным тоном, каким выговаривал маленькому Себастьяну за проделки. – И вообще снял бы амулетик от

греха подальше. Я ведь могу расстроиться и уйти в любой момент, чего ты, поверь мне, не захочешь. Ведь у меня есть кое-что очень нужное тебе.

— Твоя жалкая жизнь? — Себастьян зло оскалился.

Родерик с театральной медлительностью покачал головой и швырнул что-то ему под ноги, прямо в кучку тающего снега.

— Твоя шлюха.

Себастьян медленно перевел взгляд вниз. Он догадывался, что увидит, но не желал верить. Надеялся, что Родерик — как и всегда — лжет и пытается им манипулировать.

В снегу поблескивал лиловый кристалл неправильной формы, оправленный в серебро и до боли знакомый. Кристалл Мэйр, который та снимала разве что перед сном.

Себастьян медленно потянул с шеи амулет связи. Бросил его под ноги Родерика, словно в ответ. И правильно, нечего Уиллу и всем остальным тут делать — это его битва. Она была его еще десять лет назад, и тогда, как он думал, он ее выиграл.

Злость поднималась волнами, магия бурлила в крови, призывая разорвать, раскроить череп, распотрошить мозги, вытащить все мысли до единой. Родерик не заслуживает милосердия, ни при каких условиях.

— Где она?

— Я, по-твоему, пришел, чтобы сообщить тебе это? — делано изумился Родерик, приблизившись еще на несколько шагов. Он словно не боялся ни Себастьяна, ни жуткого зачарованного леса, в который имел наглость явиться. — Итак, твоя полукровка у меня. Миленькая девочка, а какая самонадеянная! Не существует такого фейри, с которым нельзя совладать, имея должное количество железа... Мне нет нужды убивать ее, поэтому я благородно даю тебе выбор, Себастьян. Ты можешь пойти со мной — или можешь дать ей умереть.

Себастьян закрыл глаза. Он едва мог дышать. И хотел убить мерзавца прямо здесь и сейчас, увидеть, как вытекает кровь из этого тела. Хотел настолько, что сжал руки в кулаки, сосредотачивая в них свою магию, и был готов выпустить ее всю — ни один амулет не помог бы Родерику.

Хотел. Но остановился в последний момент.

Точнее, его остановили.

– Нет! Не-ет! – заорал откуда-то сбоку знакомо-незнакомый голос, а левую ногу больно сдавили. – Нет, Себастьян! Не смей его трогать!

Себастьян покосился вниз, на толстый корень, разворотивший почву под ногами и теперь обвивающий лодыжку. Изумленно вздернул брови и повернулся туда, откуда донесся голос. И увидел эльфа... да тьфу же! Фейри. Добрых семи футов роста, с чернильными волосами до пят, с нелепыми длиннющими ушами и лицом белым, как простыня, фейри глядел прямо на Себастьяна и зло полыхал огромными зеленущими глазами.

– Ты кто, мать твою, такой?

– Я твой кот, идиотина, – огрызнулся фейри, приближаясь к нему. Подол старомодной черной мантии волочился по мокрой земле, но неведомо как оставался сухим. – Мерзкий человечиска похитил хранительницу, и мы не знаем, где она. Пока все так, человечиска неприкасаем. Попытаешься убить его – Неметон убьет тебя.

Родерик, не без удивления наблюдавший их трогательное общение, ухмыльнулся. Да только Себастьяну и самому впору ухмыляться – он услышал главное. Пока – только пока – их бешеный лес готов терпеть похитителя! До тех пор, пока они не узнают, где Мэйр.

– Я понял, кошак. Я пойду.

Корень отпустил ногу тут же, и Себастьян шагнул к Родерику, не без удовольствия отметив, как тот дернулся. Он держал лицо, умел держать, но все равно боялся.

– Один вопрос. Как ты выжил?

– Серьезно? Тебя сейчас волнует это? Неужели даже не спросишь, зачем я отнял у тебя твою новую любимую игрушку?

Себастьян покачал головой.

– А какая разница? Быть может, ты все еще хочешь получить за меня деньги. Быть может, отомстить за смерть Сэры... Нет, для этого нужно иметь хоть каплю благородства, которого у тебя никогда не было! Так что... как, Родерик?

– Себастьян, я ведь тоже менталист. Пусть и не чета всяким там Лейернхартам, – лицо отчима на пару мгновений дрогнуло, протравленное злобой и завистью, – но было несложно заставить тебя увидеть то, что ты сам желал увидеть. Не обязательно быть сильным, если ты умен и знаешь устройство человеческого разума!.. Я дождался,

пока ты уйдешь, и выбрался из горящего дома. Не скажу, что это было легко, но мне удалось. – Родерик помолчал немного, погрузившись в воспоминания. – Я был уверен, что ты выживешь. Мрази вроде тебя вообще живучие, даже твоего папашу убила нелепая случайность – он наложил свои жадные лапы на филактерию лича... В общем, я ждал. Я ведь знал, что однажды непременно о тебе услышу. И я услышал.

– Ну и что дальше-то? Давай уж, рассказывай до конца свою сказочку.

– Вот как был ты наглым ублюдком, так и остался, – процедил Родерик, смерив его полным ненависти взглядом. – Все мои беды от тебя! Во что превратилась моя жизнь с тех самых пор, как у твоей потаскухи-мамаши начал расти живот? Я стал нянькой для нее и для лейернхартского бастарда, регистрировал магов в какой-то богами забытой дыре. Я не хотел, но разве можно было отказать лорду-пауку? Одна лишь Сэра была лучиком света в этом болоте... но ты отнял и ее. Ты все у меня отнял! – завопил он вдруг, нелепо вытаращив глаза. Хотя и до этого было понятно, что после бурной ночи в Сером Доле у Родерика Трауна здорово поехала крыша. – Десять лет я был вынужден не снимая носить личину, скрываться под самым носом лорда-канцлера и его цепного пса, и все это в надежде, что смогу с тобой по квитаться. Я знал, что услышу о тебе... я знал... я услышал... Жаль, эта трусливая старуха Хельта отказалась с тобой связываться. Она даже убийц к тебе посылала для собственного развлечения, просто чтобы посмотреть, что будет. А как получила голову в мешке, так сразу вышвырнула меня за порог и сказала разбираться с хранительницей Неметона самому.

– И дала неоценимый совет, – процедил Лир, сверля паскудного человечешку злобным взглядом. – Не смей меня, человек. Сам бы ты ни за что не догадался, как усмирить Неметон.

– Вскользь намекнула, – не стал спорить тот. – У нее самой кишка тонка. Уж не знаю, чего она так боялась? Твою девчонку всего-то и стоило треснуть по голове хорошенько, пока она суежилась вокруг Грегора...

– Грегор, – яростно выдохнул Себастьян. – Он, выходит, с тобой заодно?

– Грегор, – в устах Родерика это имя прозвучало почти любовно. – Ах, ну что бы я делал без этого дурака набитого? Ты не думай, он

добра желал – спасти свою лопоухую пассиву от тебя, страшного монстра. Так желал, что охотно принял мою помощь. И не заметил, как я понемногу искорежил мозги и ему, и его друзьям-фанатикам. М-да, все же боевые маги – это диагноз...

Значит, куда бы ни собирался отвести его Родерик, наедине они не останутся. С Грегором и его друзьями все ясно – Себастьян на собственном опыте знал, как Родерик умеет ломать чужие мозги. Вопрос, что именно он с ними сделал и получится ли избавиться от них без потерь. И главное – не навредит ли кто-то из них Мэйр.

– У тебя печальные перспективы, Родерик, – заявил Себастьян. – Если хоть кто-то из твоих марионеток навредит *моей девочке*, вы все умрете. Впрочем, это произойдет в любом случае. Разница лишь в способе.

– О, мой мальчик, ничуть не сомневаюсь, что ты поджарил бы мои мозги прямо сейчас. Но, к несчастью для тебя, я все же учусь на своих ошибках.

Из поясной сумки он достал наручники, уже знакомые Себастьяну – тяжелые, с вязью рун и сетью наложенных заклинаний. Антимагические, рассчитанные на таких, как он.

– Я тоже многому научился. – Себастьян вытянул руки вперед, искренне надеясь, что у него получится сдержаться и не кинуться на отчима, как только он коснется его.

Холодный металл сомкнулся на запястьях, отрезая его магию, лишая поддержки. Она все еще билась внутри, бесновалась голодным зверем, просилась наружу. Пришлось сжать зубы и задышать на счет, чтобы не разломать эту мерзость прямо сейчас.

– Тебя хорошо научили контролировать себя, – заметил Родерик с усмешкой. – Неужто твоя фейская подстилка настолько талантлива?

– Закрой рот, – прорычал Себастьян сквозь зубы. – И води меня к Мэйр. Сейчас же.

* * *

Родерик вел его через лес, не пытаясь болтать. Да и о чем им говорить? О счастливой семейной жизни вспомнили предостаточно; Себастьян не уверен, что хотел бы помнить больше. Его интересовал

только сам отчим, степенно шествующий впереди и очевидно надеющийся, что сумеет остаться в живых. Или не надеющийся, а оттого даже более опасный – кто знает, что он выкинет, когда они придут на место? И главное, что он сделает с Мэйр? А Себастьян никак не мог допустить, чтобы с ее головы упал хоть волос.

Из-за наручников, жестко ограничивающих его силу, мысли в голове ворочались медленно, мечущаяся внутри магия мешала думать, а именно это сейчас нужно было делать. Себастьян не мог убить Родерика прямо сейчас, но вот спланировать, как он это сделает, необходимо.

Один средненький менталист с мощным амулетом. На взлом потребуется время, даже если с наручниками к тому времени будет покончено. Один спятивший боевик, архимаг к тому же, неплохо владеющий способностями. И его дружки, как минимум трое; их мозги вряд ли выдержат долго, но в сражении против пятерых обученных магов у Себастьяна крайне мало шансов.

Вся надежда на Неметон, у которого наверняка был свой план. Он не оставит своего хранителя, не бросит их обоих, нужно только продержаться достаточно времени и успеть подстраховаться.

Бросив короткий взгляд на спину отчима, Себастьян попытался как можно мягче проникнуть в плетения на наручниках. Он уже знал примерную схему, помнил, как переплетаются нити. Даже знал, за какую потянуть, чтобы сломать их. И понимал, что это тотчас же заметит Родерик. Он не был силен, но слишком хорошо знал Себастьяна, его таланты и методы.

– Твою мать, – в сердцах прошипел он, чувствуя, что холодное самообладание постепенно истаивает.

– Что? – Ну разумеется, Родерик услышал и остановился, глянув со своей тошнотворной улыбочкой.

– Говорю, твоя голова будет хорошо смотреться, если ее насадить на пику. Или скормить моему коню, а из черепа сделать кубок.

– Самонадеян, как и все Лейернхарты, – усмехнулся Родерик, прежде чем отвернуться. – Кстати, пора заканчивать нашу прогулку.

Он ухватил Себастьяна за рукав пальто, в другой его руке блеснул красноватый камешек, а в следующий миг их обоих утянул вихрь телепорта.

Среди деревьев, совершенно незнакомых, *чужих*, показалась совсем небольшая полянка с одиноко стоящим посреди нее охотничьим домиком. Себастьян невольно вспомнил другой такой же, ставший ему жилищем на долгие годы. Покосившийся, с заколоченными окнами и почти обрушившейся печной трубой. Кто бы ни был хозяином этой лачуги, он не посещал ее уже очень давно.

– Располагайся. – Родерик распахнул перед ним дверь, учтиво склонив голову, будто впускал долгожданного гостя. Впрочем, для него Себастьян наверняка таков и есть.

– Почему мы не перенеслись сразу? – нахмурившись, спросил Себастьян. Надежда на подмогу иссякала с каждой секундой, и от этого становилось по-настоящему страшно. Не за себя, но за Мэйр, которой он может не успеть помочь.

– Ты же умный мальчик, Себастьян. Я не хочу, чтобы твои дружки, уже наверняка разыскивающие твою ушастую любовницу, нашли нас слишком быстро. Точнее, я не хочу, чтобы они вообще нас нашли. Так ты заходишь?

Желание сломать наручники прямо сейчас удалось подавить с трудом. Нужно убедиться, что Мэйр жива и в безопасности, и только потом совершать опрометчивые поступки.

Безопасность! Ну конечно, Родерик снял с нее только подвеску с лиловым камнем; его способностей маловато для того, чтобы заметить подарок Себастьяна, зачарованный против магов покруче, чем спятивший отчим. Что ж, одной проблемой меньше.

Он улыбнулся, стараясь сделать это как можно доброжелательнее, хотя получилось наверняка кровожадно – вон как Родерика передернуло, любо-дорого посмотреть.

– Ну разумеется... папа.

В тесной комнатухе с низким потолком ему стало не до веселья.

Здесь пахло пылью и дымом – должно быть, тянуло от потрескивающего камина. Но куда ярче в спертом воздухе разливался аромат свежей крови. На какой-то миг у Себастьяна едва не помутился рассудок от накатившего страха; однако вид двух плечистых мужиков, ничком лежащих на залитом кровью полу, быстро привел его в чувство.

Не Мэйр. А на остальных плевать.

Родерик, впрочем, так не думал.

– Вы что тут устроили, идиоты?! – вызверился он на ближайшего к нему мага.

Двое других, парень и девушка, целились из арбалетов в грудь Себастьяну, да так старательно, будто с трех шагов можно промазать. Грегор, ссутулившись, сидел на кособоком стульчике возле окна и бессмысленно таращился на сумрачный лесок, что-то тихо бормоча себе под нос. Выглядел он до того жалко и беспомощно, что даже разозлиться на него как следует не вышло. Что с полоумного возьмешь?

– И куда ушастую дели? Роберт, я тебя спрашиваю!

– Так это ушастая и устроила, – меланхолично пробубнил Роберт. – Руки-то мы ей сковали, значит, как велено было. А о зубах вы, милорд, ничего не сказывали. Пока спохватились, че к чему, эта гнусь остроухая уже двоим ребятам глотки перегрызла. Ну, мы ее в ящичек упаковали... и вовремя, милорд, скажу я вам! Потому что наручи антимагические она таки содрала и... ну это... вот.

Роберт махнул куда-то вправо, и Себастьян, игравший в гляделки с арбалетчиками, спешно перевел взгляд туда.

Оставалось только гадать, как и откуда в эту лачужку приперли здоровенный железный саркофаг. Невзрачный и грубо справленный, без каких-либо изысков – просто прямоугольный ящик, стоящий вертикально, тускло поблескивающий в свете камина. Поверх этой громадины намотали массивную цепь, на нее присобачили навесной замок – что не особо помогло: звенья цепи кое-где уже растянулись, а крышка пузырилась дюжиной выпуклостей, по форме и размерам напоминающих кулак. Родерик почти бегом пересек комнатушку и принялся ощупывать крышку, пораженно качая головой.

– Ах да, эта тварь – полукровка, – выдохнул он. – Ну до чего они живучие, эти демоны. По крайней мере, я надеюсь, что она там еще живая. Эй, детка! – он постучал по крышке. – Ты жива?

Раздался глухой звук, чем-то похожий на удар молота по наковальне. Там, где секунду назад была рука Родерика, вздулся очередной пузырь.

– Жива пока что. Вот как славненько, да, Себастьян?

– Я в восторге, – огрызнулся он, бросил короткий взгляд на саркофаг. Если Мэйр продолжит так по нему колотить, то убьется быстрее, чем ее отравит железо. – Мэйр! Мэйр, ты слышишь меня?...

– Не смей разговаривать с ней! – зашипел на него Родерик, даже руку протянул, чтобы накрыть его рот. – Или тебя убьют!

– То есть ты хочешь сказать, что ты втерся в доверие к самому архимагу, вложил столько сил, чтобы повредить ему и этим... – он презрительно скривился, – ...шутам их скудные мозги, потратился на телепорт, железный гроб и отыскал это место, рисковал собственной шкурой, явившись ко мне... И все это чтобы позволить им просто пристрелить меня? Родерик, признайся, у тебя на меня другие планы. – Себастьян шагнул вперед, ничуть не заботясь о наставленных на него арбалетах. – Так что я буду разговаривать со своей феей, когда захочу и как захочу, пока ты не начал изощренно пытаться меня, как того желаешь всем своим сердцем. Желаешь ведь?

О, Родерик желал – это было заметно по его лицу, по настроению, по самой ситуации. А потом отступил с ухмылкой, позволяя Себастьяну приблизиться к железному саркофагу. Мэйр, его Мэйр, была там, страдала и мучилась, а сам он закован в наручники, не имея возможности незаметно помочь ей и самому себе.

«Ладно, – решительно отбросил он ненужные сейчас страдания. – Буду решать проблемы по очереди».

Первой из них была как раз таки его фея.

– Мэйр! – говорить пришлось громко, чтобы та точно услышала через свою железную тюрьму. – Это Себастьян. Я здесь, с тобой. Мэйр, ты... – Он замаялся, думая, как бы спросить про свой подарок так, чтобы Родерик и его дружки ничего не заподозрили, по крайней мере сразу. – Тебя не ранили? Ты в безопасности?

«Боги, догадайся, пожалуйста, Мэйр, ты же у меня умничка!»

Мэйр и впрямь умничка. Она перестала возиться в своем гробу, замерла, а в следующий миг в крышку гроба впечатался кулак, но уже не оставляя следа на крышке. По крайней мере, Себастьян надеялся, что его фея все поняла правильно и перестанет вредить себе, расшибая руки о железо.

Амулет с ней, работает и сможет защитить ее от бешеной силы, рвущейся сквозь магию наручников. Недолго ей осталось терпеть, нужно только постараться сломать их как можно незаметнее.

Себастьян невесело ухмыльнулся. С незаметностью он дружил примерно так же, как Киара Блэр с дружелюбием.

Вот Мэйр бы точно сообразила, что делать. Достаточно припомнить, когда она тихо, мирно и невзначай втерлась в доверие к Себастьяну и его внутреннему монстру, исподволь поломала всю их агрессивную защиту...

Ну конечно!

Себастьян постарался не выдать охватившего его радостного возбуждения. Вместо этого он постарался вспомнить все, что знал о теории заклинаний. А заодно припомнил рассказы Мэйр о ее ушлой подружке по прозвищу Билли-шельма.

«Она магистра получала у артефакторов, но сама вообще-то ликвидатор заклятий. А ликвидаторы могут взломать любую сеть – да так, что ты ничего и не поймешь, пока поздно не станет... Как? Да просто надо не переть напролом, как всякие белобрысые неслухи, а найти уязвимости и пробираться через них!..»

Себастьян, может, и не ликвидатор заклятий, однако плетение антимагических наручников ему уже хорошо знакомо. Поэтому и дефекты найти было несложно. То, что они есть везде, Мэйр и дядюшка Фалько вбили ему в голову перво-наперво.

Дело оставалось за малым – понемногу пропускать через уязвимые места нити собственной силы. И да, сделать так, чтобы Родерик этого не заметил.

– Так как ты будешь меня убивать? – поинтересовался Себастьян, отходя от гроба и делая шаг к окну.

Грегору все равно не помочь, да и не очень-то хотелось – он навредил его Мэйр, пытался убить Киару. Мало хорошего за свою жизнь сделал, в общем. Так пусть хоть сейчас сослужит хорошую службу.

Понемногу просачивающаяся сквозь наручники магия потянулась к Нэльтану.

– Тебе и правда интересно? – Родерик его маневров явно не заметил. – Я подумывал о том, чтобы поджечь тебя. Весь этот дом, с тобой и твоей подстилкой. Символично, согласишься? Сэра будет отомщена, а ты наконец умрешь так, как должен был.

– Не должен был. – Себастьян покачал головой – по правде сказать, в слова Родерика он не сильно вслушивался. Они могли бы его задеть, но не сейчас, когда все мысли заняты тем, как заставить Грегора оказать ему услугу.

– Верно, не должен был. Ты должен был стать игрушкой принцессы Хельты. Ее лучшим экспонатом. Возможно, тебе перепало бы немного ее фейских прелестей. Она красива, причем по-настоящему, не то что эта твоя черномазая.

– Не люблю старух, знаешь ли. И принцесс тоже, они слишком охотно расстаются с деньгами. А я экономный. Жизнь в лесу учит ценить ресурсы.

Родерика это изрядно позабавило.

– Весь в отца! Старина Эдриан сэкономил каждый медяк, даже на тебе. Возможно, плати он мне побольше за твое... воспитание, все сложилось бы несколько иначе. Ты хоть представляешь, каково это – заботиться о чужом ублюдке? Темном выродке, мерзком настолько, что даже находиться рядом противно? Делать вид, будто он твоей плоти и крови?

– Не представляю, – проговорил Себастьян.

Но вдруг вспомнил о своем лесе, своем коте-фейри, наглom Тен-Тене, пикси, по утрам выпрашивающих сладости, и улыбнулся.

– Хотя нет, представляю. Но даже тех, кому моя забота не нужна, кто даже не имеет к людям никакого отношения, я готов любить. Наверное, потому что я темный. Тянусь ко всякой мерзости. Не то что ты – благородный светлый маг, отнявший у меня юность, похитивший мою девушку и строящий кровавые планы моего убийства.

– Не находишь, что ты не в том положении, чтобы отпускать шуточки?

– Не нахожу. – Себастьян вернул Родерику ухмылку. – Почему бы не побесить тебя перед смертью? В смысле, перед *твоей* смертью.

Едва он договорил, маги с воплями побросали раскаленные добела арбалеты и неуклюже рухнули на пол. Их одежда тлела и чадила, руки покрывались пузырящимися ожогами – Себастьян заставил Грегора не устраивать пожарище и действовать аккуратно. Его фея все еще была заперта в железном гробу, да и потом... что же веселого в груди горелого мяса?

Родерик бестолково вертел головой, глядя то на него, то на своих орущих подельников. Больше не видя нужды скрываться, Себастьян сломал наручники одним нехитрым усилием; те с негромким щелчком упали к его ногам.

– О, похоже, я все еще могу тебя удивить, *папочка*, – протянул он с нарочитым весельем, злобно скалясь. – Полагаю, теперь твоя очередь спрашивать, как я буду убивать *тебя*?

Родерик ничего такого не успел спросить, равно как и Себастьян – придумать. Земля под их ногами завибрировала.

Первым, как ни странно, опомнился Грегор – и проявил неожиданную для овоща сообразительность и расторопность.

– Выпусти ее! – заорал он, неуклюже кидаясь сначала к Родерику, а затем к саркофагу. – ВЫПУСТИ ЕЕ! – надрывался Грегор, бестолково дергая цепь и висящий на ней замок, – ИЛИ НАМ КОНЕЦ!

– Не ори, придурок, – пробормотал Себастьян, на сей раз уже неподдельно веселясь. – Вам в любом случае конец.

Толстенный корень вдребезги разнес пропитанные кровью половицы, жадно проглотил трупы; шустрой змеей обвился вокруг истерящего Грегора и уволок того в образовавшуюся дыру. Вот и скатертью дорожка.

Хотя немного жаль – Себастьян надеялся на чуть более развернутое представление. Персонально для Родерика: тот заслужил несколько наполненных ужасом минут перед смертью.

– Подожди! – прикрикнул он, надеясь, что древний дуб услышит его, почувствует его желание и немного подождет.

Помогло – остальных магов Неметон попросту опутал сетью тонких корней и будто замер, ожидая чего-то.

Крышка саркофага с грохотом отлетела прочь, размазав по стенке незадачливого боевика Роберта. Вся перемазанная в крови, с переломанными руками и разбитым лбом, Мэйр все же держалась на ногах. И выглядела до того злой, что делалось жутко.

Себастьян тут же дернулся к ней, обхватывая за талию, прижимая к себе так крепко, как только мог. И только услышав ее сорванный голос и быстрое «я в порядке, в порядке», отстранился. В конце концов, у них тут незавершенное дело имеется.

– Кретин поехавший, ты не мог придумать план еще тупее? – хрипло поинтересовалась Мэйр, полыхая inferнальными глазами на трясущегося Родерика. Тот был не столько напуган, сколько зол. – Железная коробочка? Seriously? Я тебе дивная принцесска, что ли?

– Мы же на другом конце города! – взвыл Родерик в бессильной ярости. – Неметон слишком далеко!

– А это что, по-твоему? – усмехнулся Себастьян, глядя, как несколько толстых корней подбираются к ногам горе-похитителя.

– Я хранительница Неметона. Я – Неметон! Он найдет меня в любом уголке Синтара, – Мэйр покачала головой и вздохнула. – Будто этого мало, ты притащил сюда Себастьяна и в разы упростил задачу. При всем желании не могу придумать более дебильный способ самоубийства.

– Он должен был смотреть, как ты умираешь! – в бешенстве закричал Родерик. – Он заслужил! И ты заслужила, спасительница злобного чудовища!

Удивительно, но Себастьяна его эмоции не трогали совершенно. Они словно проходили мимо, неважные, ненужные.

– Из нас двоих совсем не я – злобное чудовище, – проговорил он спокойно. – Но кое-что я и впрямь заслужил. Зрелище в виде твоего тела, бьющегося в конвульсиях. С удовольствием полюбуюсь.

– У тебя не получилось это десять лет назад! Ты не смог!..

– Ты что, совсем идиот? – Мэйр, казалось, даже удивилась подобной наглости и глупости.

«Сумасшествию», – мысленно отметил Себастьян. Похоже, оно всегда было с Родериком Трауном, съедало его заживо, наполняло еще большей злобой и завистью.

– Верно, – он отпустил Мэйр и шагнул к отчиму. – У меня не получилось. Не вижу смысла пытаться снова. И прежде чем ты станешь ужином нашему деревцу... Сэру убил ты. Не я, не моя магия. Ты. Живи с этим... ну, правда, недолго.

Себастьян наклонился, чтобы погладить один из корней. Неметон отозвался насмешливым весельем и толикой благодарности. Еще бы, такая сытная трапеза не каждый день случается. От Родерика же повеяло настоящим ужасом, будто он только сейчас в полной мере осознал, что проиграл. Но было уже поздно – корни опутали его и под жуткие вопли принялись одну за другой ломать кости.

– Я соврал, – сообщил он Мэйр, снова приобняв ее за талию и ведя к двери. И пояснил в ответ на вопросительный взгляд: – Не хочу на это смотреть.

Стоило только двери закрыться за их спинами, приглушая вопли Родерика, как Себастьяна и Мэйр ослепила вспышка телепорта. Из красноватого свечения выскочили непривычно взъерошенный Фалько

в компании Киары и Марка. Последний, видать, прослышал про Грегора и навязался в охрану к своей стальной принцессе.

Повисшая пауза немало позабавила Себастьяна. И возмутила одновременно – где они все шлялись, пока его фея торчала в железном гробу, а все проблемы пришлось решать ему, прекрасному? Ну ладно, еще Неметон помог. Немножко.

– А почему не через час? – гаркнул он, пока остальные тарасились на Неметона, вдохновенно разламывающего несчастный домик. Вопли тоже еще слышались, но куда менее пронзительные, чем прежде. – Я один тут, что ли, за всех работать должен?! И как Империя еще не загнулась, с такими-то расторопными архимагами!

– Вот как станешь канцлером, так и наведешь порядок, – съязвила Киара. И, напустив на физиономию откровенно фальшивой печали, прибавила: – А где же Грегор? Неужто не выбрался, бедняжка?

– Переваривается.

– Какая прелесть! Ой, в смысле, какая жалость.

– Боги, Киа, – немедля развеселился Марк, – в твою жалость не поверит и младенец. Не то чтобы хоть кто-то будет скучать по Нэльтану, конечно...

– Дураков нет, – сухо согласилась Мэйр и устремила тяжелый взгляд на подозрительно притихшего Фалько. – Ну, же, Уилл, поведай, как давно вы знали, что чокнутый отчим Себастьяна жив?

– Некоторое время, – послушно отозвался тот, – с тех пор как душечке Грегору свернули мозги. Но не думали, что Родерик добрался до его дружков. И, как понимаешь, в итоге сильно удивились, когда узнали, что вся охрана перебита, а вы с Грегором пропали без следа.

– А уж я-то как удивилась, очутившись в железном саркофаге! – рывкнула Мэйр, щетинясь стальными иголками. – А Себастьян как удивился, когда этот кусок дерьма объявился в нашем лесу! И всему виной это твое «разумное умалчивание»!

Уилл пожал плечами, не особо-то стремясь выглядеть виноватым.

– Сожалею, ситуация немного вышла из-под контроля. Но вы же сами справились, так?

– Немного? *Немного?!*

– Тихо, тихо, моя фея, – поспешил успокоить ее Себастьян, крепче прижимая к себе. – У дядюшки еще будет время понять, в чем разница

между выходом из-под контроля и катастрофой. Вот как пойду в Академию после зимних каникул, так и поймет.

– Кто ж тебя туда пустит? – ехидно изумился Фалько. – И на каких основаниях, позволю спросить?

– Вот ты и придумашь – кто и на каких. Мне нужны подготовительные курсы и диплом магистра лет эдак за пять. А то вы развалите мою империю раньше, чем я стану канцлером.

Мэйр мученически застонала – «Кто-нибудь, стукните его вместо меня!» – Фалько тяжело вздохнул и закатил глаза, а Марк и вовсе расхохотался в голос.

– А я думала, это у меня самомнение размером с Гренвуд, – едко протянула Блэр. – Решил перейти дорожку Нэйти? Она лет с семи вопит, что наведет в Империи порядок. Вот честно, тут бы я на тебя не поставила.

– Ну ладно, так тоже будет неплохо, – покладисто согласился Себастьян. – Отправьте уже нас домой, а? Мэйр надо вылечить. И накормить. И вообще...

Вредная некромантка почему-то отреагировала на его слова нездоровым оживлением.

– Домой? О, с радостью. Это ты славно придумал. Там вся семейка Макинтайров заседает, только вас и ждут.

– Боги и богини, нам конец, – горестно провозгласила Мэйр, с видимым трудом подавляя желание спрятать лицо в покалеченных ладонях.

– Не нам, а им, – злорадно возразил Себастьян, кивнув на троицу горе-спасателей. – Они опоздали, вот пусть и объясняются, пока мы будем лечить тебя и есть нашего оленя.

– То есть вам олень, а нам страдать? – Фалько немедленно изобразил смертельную обиду, но против семейного ужина не возражал.

– Так заслужили! Кстати, Мэйр, наш Лир должен снова стать котом.

– Почему это? – поинтересовалась та, удивленная сменой темы. – Он вообще-то редко принимает облик фейри, но все же?

– Ты его гриву видела? Да мы разоримся на шампуне!

– Боги, опять ты за свое...

Эпилог

Мэйр была рассержена. Хотя нет – она была насмерть обижена и уже почти распланировала, как будет дуться на Себастьяна ближайшую неделю. А лучше целый месяц, потому как этот паршивец, вредный, до жути наглый и обаятельный сверх всякой меры, уже на добрые полчаса опаздывал на свидание, которое сам же и назначил. И где? Под Неметоном! Право слово, как будто мало мест, где можно с размахом отметить годовщину совместной жизни. Мэйр вот с удовольствием отужинала бы в приличной синтарийской ресторации. Или даже дома, при свечах, после чего можно неторопливо перебраться в спальню... Или торопливо – с Себастьяном такой исход куда более вероятен.

А в итоге она торчит под гребаным деревом, которое еще и насмехается над ней, шумя кроной. И тянет, тянет ветви так, словно собирается удерживать, если Мэйр приспичит плюнуть на всю эту романтику и уйти уже домой. Благо погода еще теплая, иначе ни о каком ожидании речи бы не шло.

– Предатель, – проворчала она, обращаясь к Неметону, сложила руки на груди и привалилась к стволу.

Еще бы вредное дерево хоть сколько-нибудь прониклось.

Хоть возраст древнего дуба и насчитывал добрый десяток веков, ощущение складывалось, будто он весь пошел в Себастьяна – что повадками, что характером. Белобрысый засранец отвратительно быстро стал своим в волшебном лесу, очаровал всех, кого смог; а кого не смог – тех заболтал до смерти или подкупил свежим мясом.

«Мы должны заботиться о детках, Мэйр!»

Хороши детки – склочный престарелый кот-фейри, плотоядные келпи в количестве двух штук и вся лесная нечисть в придачу.

Мэйр нервно усмехнулась. Не так она представляла семейную жизнь. Была не против имеющейся, но представляла все же иначе. В ее фантазиях, давних и тщательно спрятанных, идеальный спутник жизни представлялся человеком взрослым, серьезным и ответственным. На этот образ Себастьян, новоявленный второкурсник Академии, дотошный до занудства и прижимистый до неприличия,

откровенно не тянул. Но все равно был хорош настолько, что даже озвучивать стыдно.

Если бы не демонова тяга к опозданиям!

– Нет, ну это уже наглость! – возмутилась Мэйр и всерьез вознамерилась уйти. Обижаться, дуться, заедать расстройство пирожными и трагично вздыхать, чтобы Себастьяну стало стыдно.

Стоило только подумать об этом, как ветка пребольно хлестнула по ноге, а в ухо громко фыркнули. *Аэн'райис*, «сверкающая росинка», или просто Райси, внешне казалась полной противоположностью Тен-Тена – искристо-белая, с нежно-голубоватой гривой. Но характером такая же вредная, если не хуже. Себастьяна маленькая келпи любила настолько, насколько вообще способны водяные монстры, что, впрочем, не мешало ей кусаться и вредничать. И, разумеется, ни в какую не желала, чтобы ее человеческого раба обижал кто-то, кроме нее.

Сам Тен-Тен тоже прогуливался неподалеку, у самой кромки поляны, ехидно кося в их сторону густо-синим глазом. Периметр охраняет, не иначе.

Ну вот как с ними со всеми бороться?

– Вы все – тираны и деспоты, – буркнула Мэйр, невежливо усаживаясь на один из корней Неметона. – И не лечитесь, кстати.

Белобрысая макушка показалась среди деревьев, когда она уже была готова уйти – на этот раз окончательно и бесповоротно, невзирая на возмущения Неметона, Райси и прочих поклонников ее парня. Следом за Себастьяном появилась и Нэйти – и вот это уже никак не вписывалось в рамки грядущего свидания.

– Привет, Мэйр! Привет, Райси!

С выражением непередаваемого высокомерия на щучьей морде келпи приблизилась к девочке и с напускной неохотой склонила голову, позволяя себя погладить. Но зубами угрожающе прищелкнула, и Себастьян тут же строго погрозил ей пальцем, прежде чем приблизиться к Мэйр.

– Прости-прости-прости, – зачастил Себастьян под смешки своей племянницы. Мэйр даже возмутиться не успела, как ее стиснули в объятиях, поцеловали и крепко сжали запястья, прежде чем отойти на шаг назад. – Я не виноват, это все гребаная столица с ее нерасторопными индюками!

– И знать ничего не хочу!

– Еще как хочешь, – безапелляционно заявил Себастьян и повернулся к Нэйти. – Этот твой явится или я уже могу приступить к делу?

Под «этим твоим» подразумевался Френсис. К превеликому удивлению Мэйр, он и Нэйти сдружились в считанные часы, стоило им только разок распить вместе чай. И что-то ей подсказывало, что одной дружбой дело не ограничится – пройдет пара-тройка лет, пока Анэйтис учится и занимается делами куда более интересными, чем всякие отношения с чудовищно болтливыми некросами, и быть Френсису кавалером юной леди Лейернхарт. А то и женишком. Виктория, разумеется, подобное вряд ли одобрит, но кого бы это интересовало?

– На кой демон тут сдался Френсис? – Мэйр окончательно перестала что-либо понимать.

– Это чтобы ты точно не сбежала, – охотно сообщила Нэйти с веселой усмешкой.

Именно это и захотелось сделать тут же. Либо Себастьян собирается сообщить какую-нибудь трагичную новость, либо...

– Я не опоздал? – послышался откуда-то сбоку звонкий и нахальный голос Френсиса. Явно втихую сбежавший с работы, с перекинутым через плечо некромантским кителем, на так называемом праздновании годовщины семейной жизни он выглядел малость неуместно. Нет, Мэйр была рада его видеть. Но не сейчас же, раздери Бездна!

– Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?

– Мне нужны были свидетели, – пожал плечами Себастьян.

Троих белобрых поганцев, а с Аэн'райис и вовсе четверых, на один волшебный лес и его несчастную хранительницу – определенно многовато.

– Свидетели чего?

– О Боги, пакость из-под холма, даже ваша лошадь уже догадалась! – неприлично заржал Френсис, наблюдающий, как малютка-келпи тычется мордой в плечо Себастьяна, подталкивая его ближе.

Райси на «лошадь» предсказуемо обиделась, снова угрожающе клацнула бритвенно-острыми зубами и ударила копытом в землю.

– Назовешь ее лошастью еще раз – сделаю вид, что не знаю, куда делся твой труп, – пообещал Себастьян. Вроде бы и в шутку, но вот Мэйр, к примеру, не стала бы проверять.

– Ой, тоже мне, маньяк-убийца. Я таких цыпят на завтрак ем!

На этот раз не выдержал уже Неметон и хлестнул Френсиса веткой по затылку. Тот ойкнул, сердито оглянулся на своенравное дерево, но все же замолчал. Слава богам и богиням.

Убедившись, что больше никто не собирается препираться, Себастьян выпустил одно запястье Мэйр и потянулся к карману брюк. Длинная черная коробочка в его пальцах, пусть и без всяких опознавательных знаков, простора воображению не оставляла – ее персональное несчастье вознамерилось подарить ей украшение.

– Мэйр Макинтайр, – пафосно начал Себастьян, – при свидетелях, Неметоне и всех честных обитателях нашего леса – согласна ли ты принять мой подарок и выйти за меня?

Он протянул ей коробочку, щелкнувшую нехитрым замком – на черном бархате красовались два золотых браслета с гравировкой в виде руны нерушимого союза.

Оригинально, мать его так.

– Это что? – стараясь унять невесту откуда взявшуюся глупую радость пополам с бессильной злостью, поинтересовалась Мэйр. Она знала, что это такое и что означает, в этом плане Себастьян совсем не оставил простора ее воображению. Просто...

Просто она не ожидала получить предложение руки, сердца и прочих частей тела, стоя под Неметоном в окружении всякой нечисти (начиная с предателя Френсиса, который мог бы и предупредить).

– Очевидно – браслеты, – сообщил Себастьян. – И так как видеть тебя своей супругой я желаю до конца своих дней, а украсить твою шею руной смогу только через десять лет, то решил, что подобное украшение – самое оно. Ты согласна, я надеюсь?

– Как будто мое мнение тут кого-то интересует, – проворчала Мэйр. Но к браслету потянулась сама – и впрямь ведь красиво. – Согласна, согласна, несчастье мое.

– Отлично! – воскликнул Себастьян, победно улыбаясь. – Значит, весной поженимся.

– Весной? В смысле, этой весной? Это же всего-то через полгода!

– Нет, моя фея, – это через *целых* полгода! Я вообще думал про следующий месяц, ну или хотя бы зиму, но ты ведь не любишь холод. Так что я решил потерпеть.

Рядом издевательски захихикал Френсис:

– Ты – и потерпеть? Ох, не смей мои нашивки!

– Всего-то капитанские, – едко ввернула Нэйти. – Было бы чем гордиться.

– Мне всего-то тридцать пять!

– Ой, ну и что?

Прежде Френсис нипочем бы не купился на такую дешевую подначку, однако тут картинно пригорюнился и заныл:

– Смилуйся, моя королева! Эгертону в будущем году только-только семьдесят стукнет, дай нашему черному властелину хоть десять годков в кресле посидеть. А там пенсия, и я сразу – фьють! – и командер!

– Мюррей, да ты, должно быть, шутишь? За десять лет я себе генерала найду. Может, даже и не одного.

– Эээй! Вот вообще не смешно!

– А по мне, так очень даже.

Мэйр улыбнулась и, покачав головой, прошептала на ухо своему, прости Бездна, жениху:

– У этой парочки тоже все на мази, да?

– Я его кастрирую без обезболивания, пусть только лапы потянет, – так же тихо возмутился Себастьян, свирепо глядя на Френсиса – тот знай себе ужом вертелся вокруг его драгоценной маленькой принцесски и без умолку что-то трещал.

– Не посмеешь! Наша Нэйти свою добычу никому не даст в обиду, – засмеялась Мэйр. И, склонившись к нему еще ближе, совсем другим тоном продолжила: – Несчастье мое, я всеми руками за то, чтобы смыться по-тихому из этого балагана... Как думаешь, они скоро заметят, что нас нет? И заметят ли вообще?

Ответная улыбка Себастьяна была привычно нахальной и весьма многообещающей.

– Не узнаем, пока не проверим, моя фея.